

КНИГА ПЕРВАЯ. В ПУТИ

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

CoRpus

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА

САГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дом правительства. Сага о русской революции

Юрий Слёзкин

**Дом правительства. Сага о русской
революции. Книга первая. В пути**

«Corpus (АСТ)»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

Слёзкин Ю. Л.

Дом правительства. Сага о русской революции. Книга первая.
В пути / Ю. Л. Слёзкин — «Corpus (АСТ)», 2017 — (Дом
правительства. Сага о русской революции)

ISBN 978-5-17-100477-4

Юрий Слезкин рассказывает историю Советского союза через историю одного из самых известных, показательных и трагических его символов. Дом правительства, он же Первый Дом Советов, он же легендарный Дом на набережной. Здесь жила элита СССР. Ученые и писатели, актеры и партийные деятели, маршалы и изобретатели, всемогущие тираны и их жертвы, те, кого с восторгом ждали у подъезда ради автографа, и те, чье имя боялись произносить даже на кухнях. Демьян Бедный и Александр Серафимович, Светлана Аллилуева и Василий Сталин, Лаврентий Берия и Никита Хрущёв, Алексей Стаханов и Артём Микоян, Георгий Жуков и Иван Баграмян, Юрий Трифонов и Павел Постышев, Михаил Тухачевский и Василий Блюхер. В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей дома были репрессированы. Во времена большого террора некоторые квартиры меняли по несколько хозяев в месяц. «Дом правительства» – это документальная история о том, как зарождался, развивался и погибал этот дом. А вместе с ним и вся страна. Книга первая, «В пути», представляет старых большевиков как молодых людей и рассказывает о том, как они обратились в новую веру, жили в тюрьмах и ссылках, проповедовали грядущую революцию, победили в Гражданской войне, установили диктатуру пролетариата, горевали об отсрочке социализма и спорили о том, что делать, пока длится ожидание.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-17-100477-4

© Слёзкин Ю. Л., 2017

© Corpus (АСТ), 2017

Содержание

Предисловие	8
Благодарности	12
Книга первая	13
Часть I	13
1. Болото	14
2. Проповедники	37
3. Вера	97
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Юрий Слёзкин

Дом правительства. Сага о русской революции

Книга первая. В пути

Рисунки на обложке Франческо Бонджорни (Artwork by Francesco Bongiorno)

Дизайн суперобложки Крис Ферранте (Jacket design by Chris Ferrante)

Фотографии предоставлены Музеем Дома на набережной за указанными в подписях исключениями

© Yuri Slezkine, 2017

© Ю. Слёзкин, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Это исторический труд.

Любое сходство с литературными персонажами – случайное совпадение.

Написан он был задом наперед: сначала по-английски, а потом по-русски.

мефистофель:

*Чуть дух покинет тело, договор
Ему представлю, кровью подкрепленный,
Но столько средств есть с некоторых пор
Отбить у черта душу беззаконно!*

*Иоганн Вольфганг фон Гете, Фауст,
перевод Б. Пастернака*

Иногда Валенту казалось, что время, зависшее в неопределенном ожидании, остановилось и застыло. Сама идея задуманной им панорамы, чьи разрозненные, рассыпанные образы преследовали его ежесекундно, заполняя сны и пробуждая воспоминания, самая мысль о развороченном доме с оголенными трещинами прошлого и развалинами настоящего, об этом беспорядочном скоплении историй – грандиозных и комичных, игривых и жалких – ассоциировалась у него с нелепо громадным мавзолеем, воздвигнутым в память о статистах, застывших в финальных позах, равно незначительных в своей торжественности и банальности. Как будто он хотел разом предотвратить и задержать медленные или внезапные смерти, грозившие постигнуть всех жильцов, этаж за этажом: мсье Марсиа, мадам Моро, мадам де Бомон,

*Бартлбута, Рориаша, мадмуазель Кресси, мадам Альбен, Смотфа. И,
разумеется, его самого, Валена, старейшего обитателя дома.*

Жорж Перек, Жизнь, способ употребления

Предисловие

В годы первой пятилетки советское правительство построило социалистическое государство и плановую экономику. Тогда же оно построило себе дом. Дом правительства располагался на Болоте и состоял из одиннадцати корпусов различной высоты, окружавших три сообщающихся двора с фонтанами посередине.

Дом был задуман как компромисс между революционным авангардом и социалистическим реализмом и как проект «переходного типа» на полпути от индивидуализма к коллективизму. Строгий функционализм и чистые линии сочетались с массивным объемом и неоклассицистическим фасадом; 505 квартир соседствовали с банком, магазином, почтой, телеграфом, столовой, амбулаторией, прачечной, парикмахерской, детским садом, теннисным кортом, гимнастическим залом и несколькими десятками комнат для различных видов досуга, от бильярда и шахмат до рисования и репетиций оркестра. Со стороны Москва-реки комплекс завершал Государственный Новый театр на 1300 мест; со стороны Водоотводного канала – кинотеатр «Ударник» на 1500 мест.

Дом предназначался для наркомов, замнаркомов, комиссаров, чекистов, иностранных коммунистов, ученых-марксистов, писателей-соцреалистов, красных директоров, старых большевиков и других «ответственных работников», включая секретаря Ленина и родственников Сталина.

В 1935 году в Доме правительства числилось 2600 жильцов. Около 700 из них были членами правительства, имевшими право на квартиры того или иного размера. Остальные, в том числе 588 детей, были членами их семей. Обслуживанием жильцов, дворов и корпусов занимались от 600 до 800 маляров, дворников, плотников, садовников, электриков, официантов, вахтеров, полотеров, прачек и других рабочих и служащих (в том числе 57 сотрудников администрации здания).

Это был тыл авангарда, частный мир общественных деятелей, место, где жили революционеры и умерла революция.

В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей Дома были выселены по обвинению в терроризме, двурушничестве и социальной чуждости. Все были признаны виновными. Триста сорок четыре человека были расстреляны, остальные приговорены к разным видам заключения.

В октябре 1941 года оставшиеся жильцы были эвакуированы. Вернувшись, они нашли больше соседей и меньше руководителей. Дом по-прежнему принадлежал правительству, но перестал быть его убежищем. После крушения СССР соседняя площадь снова стала Болотной.

* * *

В книге три этажа. На первом – семейная сага о жителях Дома правительства, которые функционируют как персонажи эпоса или люди в повседневной жизни: некоторых мы видим и вскоре забываем, некоторых смутно припоминаем, некоторых узнаем, но плохо знаем, а с некоторыми хорошо знакомы и рады или не рады увидеться снова. Но, в отличие от персонажей большинства эпосов и людей в нашей жизни, ни один не является центральным. Главные герои «Дома правительства» – дом и правительство.

Второй этаж – аналитический. В начале книги большевики характеризуются как сектанты, готовящиеся к апокалипсису. В последующих главах различные эпизоды большевистской семейной саги соотносятся с фазами эволюции неисполнившегося пророчества, от первого пришествия до великого разочарования и многократно отложенного судного дня.

По сравнению с другими апокалиптическими сектами большевики замечательны масштабом успеха и недолговечностью веры. Они завоевали Рим задолго до того, как вера стала привычкой, но не сумели превратить привычку в традицию, которая могла бы стать наследственной.

Третий этаж – литературный. Для старых большевиков чтение «сокровищ мировой литературы» было обязательной частью обретения веры, ритуалов ухаживания, тюремных «университетов» и домашней повседневности. Для их детей оно было любимым видом досуга и главным критерием образованности. В «Доме правительства» эпизоды большевистской семейной саги и фазы эволюции неисполнившегося пророчества сопровождаются обсуждением литературных текстов, сыгравших важную роль в их интерпретации и мифологизации. Ключевые темы этих текстов – великий потоп, исход из Египта, реставрация Вавилонской башни и болото быта – становятся элементами истории Дома правительства. Некоторые литературные персонажи помогали его строить, некоторые в нем жили, а один – Фауст Гёте – был признан идеальным жильцом.

История Дома правительства состоит из трех книг. Книга первая, «В пути», представляет старых большевиков как молодых людей и рассказывает о том, как они обратились в новую веру, жили в тюрьмах и ссылках, проповедовали грядущую революцию, победили в Гражданской войне, установили диктатуру пролетариата, горевали об отсрочке социализма и спорили о том, что делать, пока длится ожидание.

Книга вторая, «В Доме», описывает возвращение революции в облике первой пятилетки; строительство Дома правительства и всего Советского Союза; разделение труда и пространства в отдельных квартирах; размышления о смерти и преемственности на пороге вечности и слияние прошлого с будущим в волшебном царстве «счастливого детства».

Книга третья, «Под следствием», рассказывает об опустошении Дома правительства, последней жертве старых большевиков, «массовых операциях» против тайных вредителей, разнице между верностью и предательством, семейной жизни профессиональных палачей, долгой старости реабилитированных вдов, искуплении и отступничестве детей революции и конце большевизма как веры в тысячелетнее царство.

Все уровни, темы и мотивы сходятся в эпилоге о прозе Юрия Трифонова, который превратил дом своего детства в символ большевистской саги, памятник утраченной вере и сокровище мировой литературы.

* * *

Некоторые жители Дома правительства были важнее других благодаря партийному стажу, месту в номенклатуре и особым заслугам. Некоторые герои этой книги важнее других, потому что они или их близкие позаботились о жизни после смерти.

Один из руководителей Московского восстания и председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей Александр Аросев (кв. 103 и 104) вел дневник, который сохранила его сестра и издала одна из дочерей. Идеолог левого коммунизма и первый председатель Высшего совета народного хозяйства Валериан Осинский (кв. 389, 18) в течение двадцати лет переписывался с Анной Шатерниковой, которая сохранила его письма и отдала его дочери, которая, в свою очередь, передала их в архив и написала воспоминания. Видный литературный критик и куратор советской литературы 1920-х годов Александр Воронский (кв. 357) написал несколько книг воспоминаний и стал героем мемуаров своей дочери и многочисленных современников. Директор лаборатории Мавзолея Ленина Борис Збарский (кв. 28) обессмертил себя, увековечив тело Ленина. Его сын и коллега Илья Збарский написал книгу о себе, отце и Мавзолее. «Совесть партии» и заместитель генерального прокурора Арон Сольц (кв. 393) много писал о коммунистической этике и приютил свою племянницу, дочь которой написала о нем книгу и передала рукопись в архив. Об обвинителе на процессе Филиппа Миронова в 1919 году

Иваре Смильге (кв. 230) много рассказывала его дочь Татьяна, унаследовавшая его красноречие (но не его веру). Председатель Главного управления мукомольно-крупяной промышленности, «пекарь» Борис Иванов (кв. 372), остался в памяти жителей Дома правительства благодаря своему чрезвычайному великодушию.

Лева Федотов, сын покойного инструктора ЦК и пролетарского писателя Федора Федотова (кв. 262), вел дневник, потому что считал, что «все важно для истории». Инна Гайстер, дочь заместителя народного комиссара земледелия Арона Гайстера (кв. 162), опубликовала подробную «семейную хронику». Анатолий Грановский, сын директора Березниковского химического комбината Михаила Грановского (кв. 418), попросил убежища в США и написал воспоминания о работе секретным сотрудником НКВД под командованием Андрея Свердлова, сына первого главы советского государства и организатора красного террора, Якова Свердлова. Будучи молодым революционером, Яков Свердлов написал несколько подробных писем матери Андрея, Клавдии Новгородцевой (кв. 319), и своей юной последовательнице, Кире Эгон-Бессер. Обе женщины сохранили его письма и написали о нем воспоминания. «Пекарь» Борис Иванов написал воспоминания о жизни Якова, Клавдии и Андрея в сибирской ссылке. Андрей (кв. 319) отредактировал воспоминания матери, написал (в соавторстве) три детективных повести по материалам своей работы в НКВД и фигурирует в роли следователя в воспоминаниях Анны Лариной-Бухариной (кв. 470). После ареста бывшего начальника следственного отдела ВЧК Григория Мороза (кв. 39) его жену Фанни Львовну Крейндель и старшего сына Самуила отправили в лагерь, а младших сыновей Владимира и Александра – в детский дом. Владимир вел дневник и написал несколько писем, которые были использованы в качестве доказательства его вины (и впоследствии опубликованы); Самуил написал воспоминания и отправил их в музей. Ева Левина-Розенгольц, профессиональная художница и сестра наркома внешней торговли Аркадия Розенгольца (кв. 237), провела семь лет в ссылке и создала несколько графических циклов о тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся. Старейшая старая большевичка Елена Дмитриевна Стасова (кв. 245, 291) посвятила последние десять лет жизни «реабилитации» тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся.

Юлия Пятницкая, жена секретаря Исполкома Коминтерна Осипа Пятницкого (кв. 400), начала вести дневник незадолго до ареста мужа и вела его до своего ареста. Дневник был опубликован ее сыном Владимиром, который написал книгу об отце. Татьяна Мягкова, жена председателя Госплана УССР Михаила Полоза (кв. 199), писала своим близким из ссылок, тюрем и лагерей. Ее письма сохранила и перепечатала ее дочь Рада Полоз. Наталия Сац, жена наркома внутренней торговли Израиля Вейцера (кв. 159), основала первый в мире детский театр и написала две автобиографии, одна из которых описывает ее пребывание в ссылках, тюрьмах и лагерях. Агнесса Аргиропуло, жена начальника УНКВД Западной Сибири и автора идеи использования внесудебных троек при проведении массовых репрессий Сергея Мирнова, рассказала об их совместной жизни сотруднице общества «Мемориал», которая опубликовала текст их бесед отдельной книгой. Мария Денисова, жена замнаркома обороны Ефима Щаденко (кв. 10 и 505), послужила прототипом Марии в поэме Маяковского «Облако в штанах». Начальник Московско-Казанской железной дороги Иван Кучмин (кв. 226) послужил прототипом Алексея Курилова в романе Леонида Леонова «Дорога на Океан». Корреспондент «Правды» Михаил Кольцов (кв. 143) послужил прототипом Каркова в романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Усомнившийся Макар из рассказа Андрея Платонова участвовал в строительстве Дома правительства. Всехсвятская улица, на которой строился Дом правительства, была переименована в честь автора «Железного потока» Александра Серафимовича (кв. 82). Юрий Трифонов, сын комиссара Красной армии и председателя Главного концессионного комитета Валентина Трифонова (кв. 137), написал повесть, превратившую Дом правительства в Дом на набережной. Его вдова, Ольга Трифонова, стала директором музея «Дом

на набережной», который собирает книги, письма, рассказы, картины, дневники, фотографии, граммофоны и другие следы Дома правительства.

Благодарности

На написание этой книги ушло много лет. Я благодарен Гуверовскому институту в Стэнфорде за самый спокойный год жизни и Виссеншафтсколлеге в Берлине за один из самых счастливых; Национальному фонду гуманитарных наук, Национальному совету евразийских и восточноевропейских исследований и Калифорнийскому университету в Беркли за финансовую поддержку; Кристиане Бюхнер за сотрудничество и документальный фильм; Ольге Бандример за транскрипцию интервью; Артему Задикяну за несравненные фотографии и столь же несравненную щедрость; Элеоноре Гилбурд, Кэтрин Зубович, Клариссе Ибарре, Николь Итон, Майклу Коутсу, Джейсону Мортону, И. Т. Сидоровой, Виктории Смолкиной, А. Г. Теплякову, Брэндону Шехтеру и Чарльзу Шоу за помощь в поисках документов. Особая благодарность – друзьям и коллегам, которые прочитали всю рукопись и прислали конструктивную и деструктивную критику: Виктории Боннелл, Джорджу Бреслауэру, Амиру Вайнеру, Джеймсу Вернону, Брайану Делэю, Сергею Иванову, Джозефу Келлнеру, Иоахиму Кляйну, Джону Коннелли, Томасу Лакёру, Элизабет Макгуайр, Ольге Матич, Бенджамину Натансу, Эрику Нейману, Энн Несбет, Джой Ноймайер, Дэниелу Орловскому, Ирине Паперно, Этану Поллоку, Игорю Примакову, Хэнку Райшману, Эдварду Уокеру, Мириам Феркелиус, Виктории Фредемонтемайор, Григорию Фрейдину, Дэвиду Холлингеру, Ирвину Шайнеру и всем членам берклийского кружка по русской истории.

Джон Джерде спрашивал меня, как я собираюсь писать эту книгу, пока я не собрался ее писать; Реджи Зельник заметил бы присутствие персонажа, который не жил в Доме правительства; Бригитта ван Райнберг превратила громоздкую рукопись в «Дом правительства»; а Зои Паньямента наглядно показала, как работает хороший литературный агент. Варвара Горностаева руководила созданием русской версии, а Екатерина Владимирская снова научила меня писать на родном языке.

Больше всех я обязан женщинам, которые создали музей «Дом на набережной» и приняли меня в свою среду: покойным Виктории Борисовне Волиной, Елене Ивановне Перепечко и Тамаре Андреевне Тер-Егизарян и моим друзьям и учителям Инне Николаевне Лобановой, Татьяне Ивановне Шмидт и Ольге Романовне Трифоновой. Эта книга посвящается им.

Взаимность обратно пропорциональна близости. На услугу постороннего следует ответить как можно скорее; близкий друг может ждать обещанной саги двадцать лет; все семьи похожи друг на друга, потому что на них не распространяются правила обмена дарами. Поэтому я не благодарю Петра Слёзкина и Лизу Литтл за их участие в написании этой книги.

Книга первая В пути

Часть I Ожидание

Карта Москвы

1. Болото

Москва выросла на высоком берегу реки, именем которой названа. Замоскворецкие низины обросли слободами стрельцов, казаков, кузнецов, кадочников, хамовников, овчинников, толмачей и ордынцев, но пойма реки напротив Кремля долго оставалась цепью озер и болот. В 1495 году Иван III приказал снести все постройки вдоль левого берега реки и разбить на их месте великокняжеские сады. Сады были посажены, а при Алексее Михайловиче аккуратно подстрижены, но ил не отступал. Средние Садовники на западе ограничивались Болотом, на востоке – Балчугом («болото» по-татарски), а на юге – безымянными лужами и топями. После того как на месте брода через Москва-реку был построен Всехсвятский Каменный мост, начало южного тракта превратилось в людный торг с лавками, кабаками и складами. После пожара 1701 года сады забросили, а часть болота стала рыночной площадью и местом для фейерверков, кулачных боев и публичных казней¹.

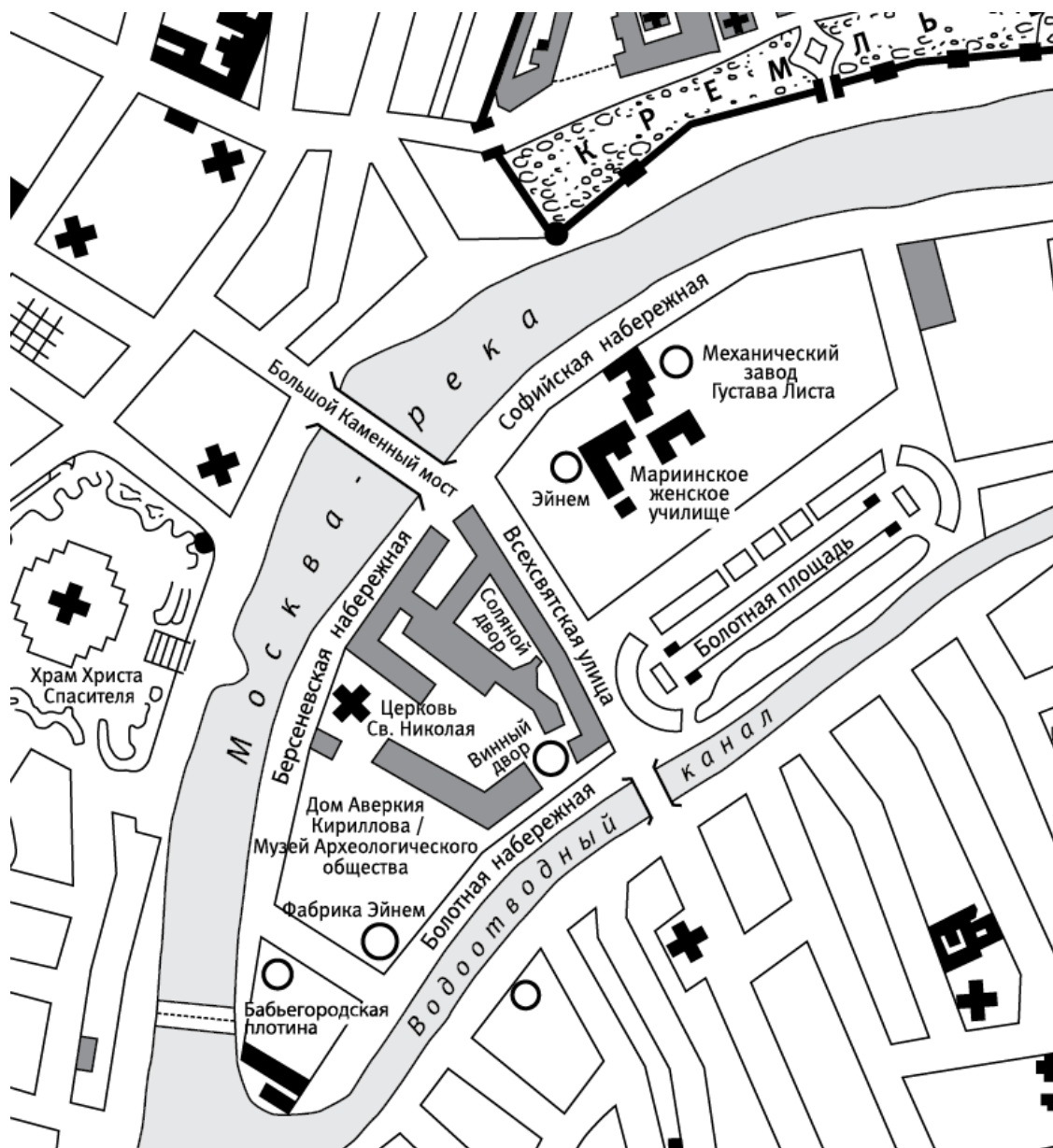
После половодья 1783 года вдоль южного края поймы был вырыт Водоотводный канал. Берега превратились в набережные, поперечные «ровушки» в переулки, а бывшие Государевы сады в густонаселенный месяцеобразный остров. Пожар 1812 года, выкуривший Наполеона из Москвы, уничтожил большую часть зданий и рассеял их жителей. Новые постройки – школы, трактиры, фабрики и купеческие дома – строились из камня. Бабьегородская плотина у западной оконечности острова сделала канал судоходным, а наводнения – менее частыми. Рядом с плотиной, на кремлевской стороне, вырос храм Христа Спасителя, освященный в 1883 году и посвященный «вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ российский, и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели»².

В канун Первой мировой войны почти вся западная («Болотная») часть острова принадлежала Фабрике шоколада, конфет и чайных печений Эйнем, славившейся голландским какао, сладкими корзинами для невест, цветными фигурками из марципана и тортом «Полюби меня». Основанная в 1867 году двумя немецкими предпринимателями, разбогатевшими на поставках сиропов и варений русской армии, фабрика располагала несколькими паровыми машинами и поставляла сладости двору его императорского величества. Директор Оскар Гейс, сын одного из основателей, жил неподалеку в большом двухэтажном особняке с клозетами на обоих этажах, оранжереей с двумя парниками и большой конюшней с каретным сараем. На другом конце двора располагались квартиры экономок, фельдшеров, кучеров, инженеров (в основном немцев) и семейных и холостых служащих, а также библиотека, столовая, прачечная, коровник и несколько лавок и «помещений для рабочих». Фабрика славилась сравнительно высокими зарплатами, хорошими условиями труда, любительским театром и «зубатовской» кассой взаимопомощи. По воскресеньям к обеду полагалась «сотка» водки или бутылка пива на двоих. Дети до шестнадцати лет получали бесплатную одежду, пели в духовном хоре, работали в магазине (около одиннадцати часов в день) и не имели права выходить из общежития после восьми вечера. Около половины рабочих служили на фабрике более пятнадцати лет. Женщины получали значительно меньше, чем мужчины. Самую тяжелую работу выполняли поденщицы и подростки³.

¹ Якиманка (М.: Элита, 1998), с. 24–38; *По Москву. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям* (М.: изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917), с. 301–305; О. Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть* (М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 1999), с. 5–22, 36–37.

² Якиманка, с. 33–38, 47; Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть*, с. 23–24; Е. Кириченко, *Храм Христа-Спасителя в Москве: История проектирования и создания собора 1813–1931* (М.: Планета, 1992), с. 16.

³ О. Оробей, ред., *Строители России – XX век: Москва начала века* (М.: О-Мастер, 2001), с. 120–121; В. Кондратьева

Болото

и В. Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии. Конец XVIII – начало XX в.* (М.: ЦГУ Москвы, 1968), с. 97; В. Руга и А. Кокорев, *Москва повседневная, очерки городской жизни начала XX века* (М.: Олма-Пресс, 2005), с. 78–81; <http://www.redoct.msk.ru/rus/about/history.shtml>; ЦИАМ ф. 179, оп. 62, д. 17680; оп. 63, д. 17546; И. Евсенин, *От фабриканта к Красному Октябрю* (М.: Изд-во ВЦСПС, 1927), с. 15–20.

Вид на Болото и храм Христа Спасителя со стороны Кремля

Между шоколадной фабрикой и новым каменным зданием Императорского яхт-клуба (на «Стрелке» при слиянии Москва-реки и Водоотводного канала) находились Бабьегородские казармы и, среди прочего, пивная лавка торгового дома «Андреев и Добрышев», хлебная лавка крестьянина Михаила Алексеевича Воробьева, овощная лавка крестьянина Николая Осиповича Трандина, столярная мастерская мещанина Александра Тихоновича Богданова, портновское заведение крестьянина Бориса Евдокимовича Евдокимова и коробочное заведение с квартирой цеховой Феодосии Андриановны Сурниной. С восточной стороны фабрика граничила с Домом думного дьяка Аверкия Кириллова, в котором располагалось Московское археологическое общество, и с церковью Св. Николая Чудотворца, в которой хранились останки Аверкия Кириллова. Церковные сторожа, дьяконы, псаломщики, просфорницы и священники (отец Орлов и отец Дмитриев) жили при погосте рядом с богадельней Св. Николая⁴.

По рассказу Николая Бухарина, выросшего на Большой Ордынке, замоскворецкие церкви были полны народа.

Купчихи в шелковых платьях стояли впереди, шелестели кофтами и юбками, крестясь пухлыми розовыми ручками. Истово и степенно молились их мужья. За ними располагалась челядь из приживалок: старушки в черном, богобоязненные сплетницы, охранительницы семейного очага и сводницы, тетушки и племянницы, ждавшие женихов и млевшие от тоски и жира, наперсницы, дворовые. Тут же фасонисто стояли чиновники и чиновницы. А позади густой толпой жался, стоя и на коленях, люд черный, усталый, ждавший утешения от Бога всеблагого, спасения от Спаса нашего. Но Спас молчал и лишь печально смотрел сквозь огонь лампад на склоненные тела, на согбенные спины, на тяжкие вздохи обездоленных... Ребятня

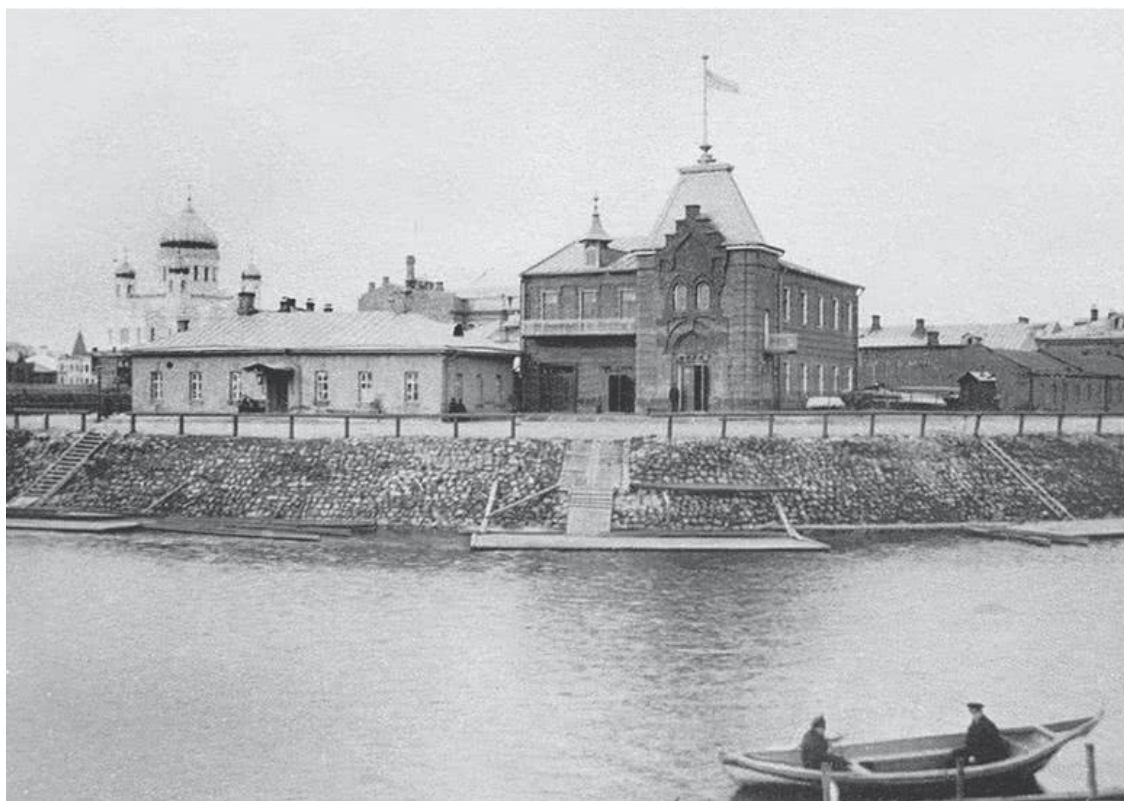
⁴ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17678, 17679, 17544, 17686; М. Коробко, *Расступитесь, думный дьяк идет! Палаты на Берсеневской Набережной* <http://testan.narod.ru/article/bersen.htm>; Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть*, с. 29–34.

пересмеивалась не без страха. Слюнявили пальцы и тушили ими свечки. Свечки трещали, мальчишки и девчонки фыркали, и смех душил их, несмотря на грозные взоры старших. Кое-где переглядывались влюбленные. На паперти сидели нищие калеки в жалком отребье, в лохмотьях, с култушками вместо рук и ног, с кровавыми глазами, с бельмами, вывороченными веками, слепые, хромые, Христа ради юродивые⁵.

Вид на Эйнем со стороны храма Христа Спасителя

⁵ Н. Бухарин, *Времена* (М.: Прогресс, 1994), с. 23.

Яхт-клуб

Дом Аверкия Кириллова

Многие из них жили по соседству. Около церкви, вокруг шоколадной фабрики и вдоль Водоотводного канала (Канавы) теснились дворы, застроенные деревянными и каменными домами с тамбурами, пристройками, антресолями, верандами, подвалами, чердаками, крыль-

цами, флигелями и мезонинами. Дома делились на квартиры, а квартиры на комнаты, каморки и «углы с койками», обитатели которых ходили или не ходили в церковь Св. Николая Чудотворца. Фабричный подмастерье Семен Канатчиков, который приехал на Болото из деревни Гусево Волоколамского уезда в 1895 году в возрасте шестнадцати лет и первое время регулярно ходил в церковь, жил в «огромном каменном доме, двор которого напоминал большой каменный колодец. У верхних этажей всюду на протянутых веревках болталось мокрое белье. Во дворе пахло едкой вонью и карболкой. По всему двору блестели грязные лужи и валялись отбросы овощей. У квартир и во дворе всюду толпился народ – шумели, кричали, ругались». Канатчиков жил в одной из этих квартир с пятнадцатью крестьянами из его уезда. «Одни были холостые, у других жены жили в деревне и вели свое хозяйство»⁶.

Церковь Св. Николая Чудотворца

⁶ С. Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн.1 (М.: Земля и фабрика, 1929), с. 8–11.

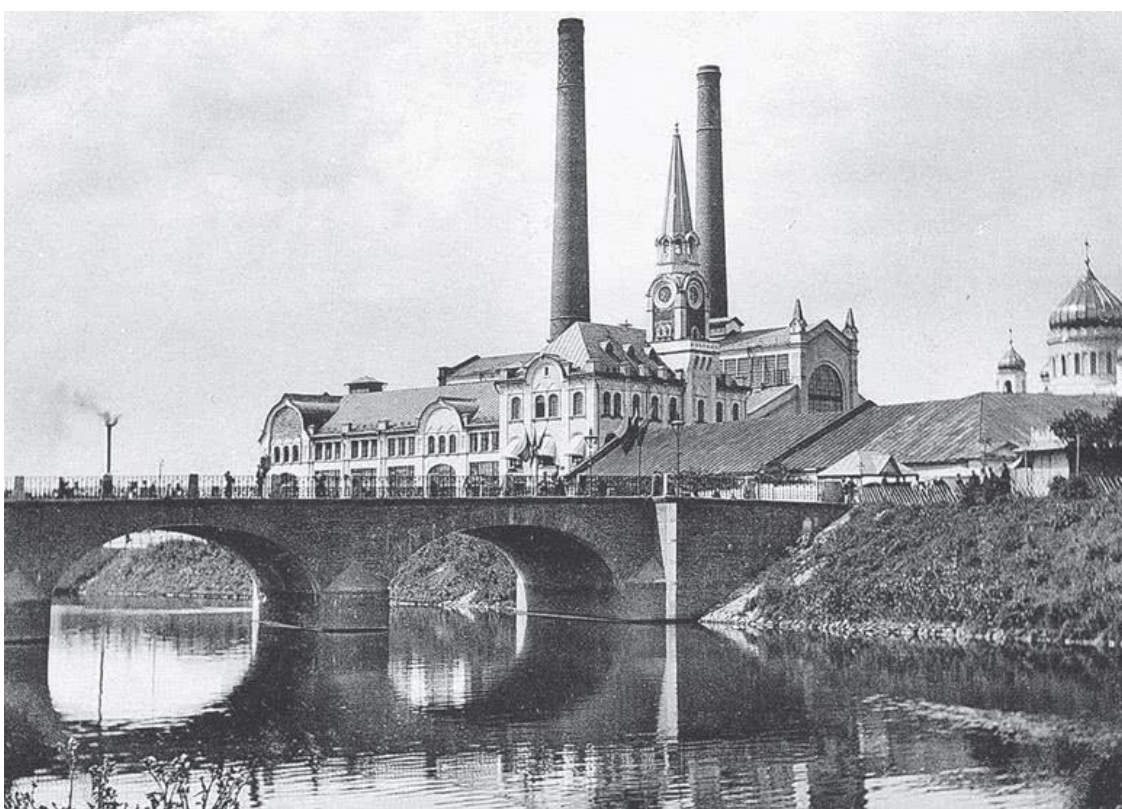
Вид с Бабьегородской плотины на Берсеневскую набережную

Вид на Замоскворечье со стороны Водоотводного канала

Ворота Винно-соляного двора

Электростанция

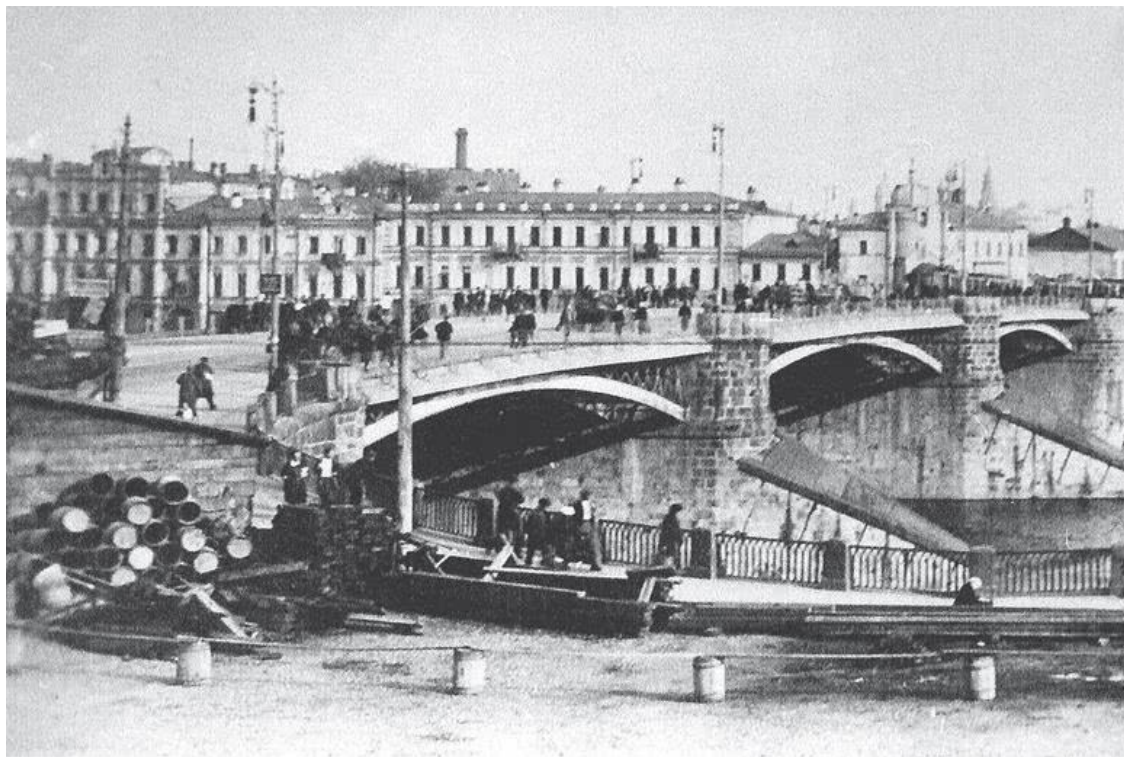
Дом рядом с электростанцией

Рядом с церковью Св. Николая находилась водочная фабрика Ивана Смирнова и сыновей, принадлежавшая внуку Ивана, Сергею Сергеевичу Смирнову, и продававшая в год 330 тысяч ведер водки (спирт для которой, по заключению одной из правительственных комиссий, производили мелкие самогонщики в Тульской губернии). Между водочной фабрикой и Всехсвятской улицей находилась территория бывшего Винно-соляного двора, где размещался Столичный съезд мировых судей с архивом, канцелярией и квартирами служащих, а также контора и квартира заведующего городской канализацией, контора водопровода, несколько каменных амбаров (в том числе три для яблок и один для яиц) и Главная трамвайная электростанция, увенчанная двумя трубами и башенкой со шпилем⁷.

Всехсвятский мост, известный как Большой Каменный (хотя с 1858 года он был в основном железным), служил местом сбора паломников и нищих. Исключением была первая неделя Великого Поста, когда вся округа превращалась в «грибной рынок». Как сообщали газеты, среди «бесчисленных рядов ларей и телег с горами всякой постной снеди» преобладали грибы, но много было и меда, варенья, баранок, редьки, мешков с сушеными фруктами, «всевозможных дешевых кондитерских сластей» и лавок «с посудой, дешевенькой мебелью и всяческими несложными и незатейливыми принадлежностями домашнего обихода». Ряды тянулись вдоль реки до Большого Устьинского моста. «Над рынком стоит гул от криков, смеха, свиста тысяч народа – у многих еще не вышел масленичный угар, в воздухе висят невеликопостные шутки, остроты. Под ногами – грязное месиво, но публика не обращает на это внимания. Немало карманников, они умышленно устраивают давку»⁸.

⁷ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17693, 17693а; оп. 63, д. 17551, 17559, 17560; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 268; В. Похлебкин, *История водки* (М. Центрполиграф, 2007), Приложение 9 (<http://www.pohmel.com/?q=node/394>); Оробей, ред., *Строители России*, с. 279–280.

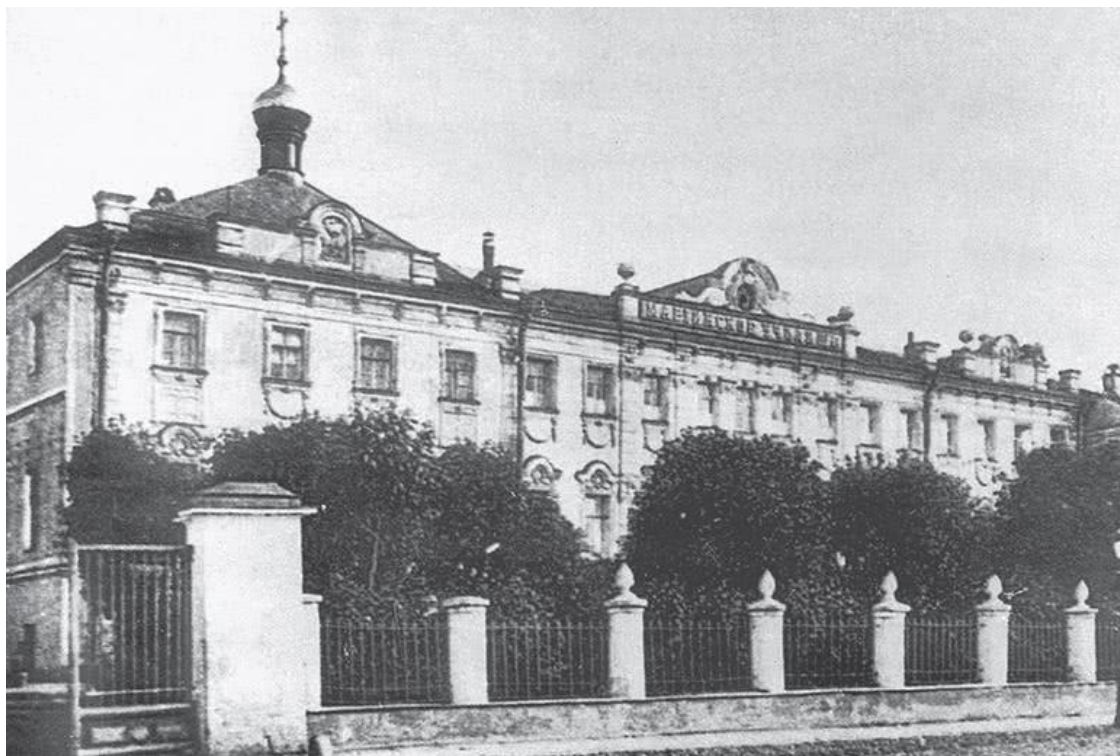
⁸ Joseph Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), с. 251; Оробей, ред., *Строители России*, с. 153. Цит. по: Руга и Кокорев, *Москва повседневная*, с. 88–90.

Большой Каменный мост

Грибной рынок

Мариинское женское училище

Через улицу от Винно-соляного двора (на углу Всехсвятской и Софийской набережной) находилась часовня Св. Николая Чудотворца, «что в Бирлюковской пустыни», с двумя небольшими флигелями, в которых помещались сменявшие друг друга лавки (мануфактурная, колониальная, книжная, овощная) и квартиры монашествующих. К часовне примыкало несколько трактиров, дешевая баня, служившая также публичным домом, и несколько зданий бывшего Суконного двора с квартирами служащих шоколадной фабрики и многочисленными лавками, среди которых числились паяльная мастерская крестьянина Ивана Васильевича Лапшина, парикмахерский магазин цехового Моисея Васильевича Васильева, сапожный магазин крестьянки Пелагеи Арсеньевны Алексеевой, белошвейный магазин купчихи Прасковьи Сафоновны Трусовой, красильный магазин мещанки Клавдии Матвеевны Пономаревой, модная мастерская мещанина Алексея Тимофеевича Панкратьева, золотошвейная мастерская мещанки Анны Александровны Ивановой, пивная лавка крестьянки Варвары Федоровны Куликовой, чулочная мастерская жены коллежского регистратора Авдотьи Семеновны Вайнштейн и фонограф мещанина Василия Федоровича Заботина⁹.

Дальше по набережной, напротив Кремля, располагалось Мариинское женское училище, призванное «способности учащихся употреблять не только для образования ума, но и для образования сердца и характера». Образование сердца происходило в музыкальных классах на первом этаже, между столовой и канцелярией. С 1894 по 1906 год теорию музыки преподавал Сергей Рахманинов, зарабатывавший таким образом освобождение от воинской повинности. По словам одной из его учениц, входя в класс, Рахманинов, которому тогда было 23 года, «садился за стол, нередко вынимал носовой платок, долго вытирал им лицо, затем, опустив голову на пальцы рук, вызывал ученицу, иногда не поднимая головы и не глядя на нее, спрашивал урок». Однажды утром он рассердился на кого-то из учениц и ушел с урока домой,

⁹ ЦИАМ ф. 179, оп. 62, д. 17697, 17694, 17695, 17696; оп. 63, д. 17563, 17561; Semen Kanatchikov, *A Radical Worker in Tsarist Russia: The Autobiography of Semen Ivanovich Kanatchikov*, ed. and trans. Reginald E. Zelnik (Stanford, CA: Stanford University Press, 1986), 7, 25, 34. Ср.: Канатчиков, *Из истории*, кн. 1, с. 8, 21.

но вскоре пожалел об этом и написал директору записку: «Я вообще плохой преподаватель, а сегодня еще был к тому же непростительно зол, но если бы знал, что за мою злость ученицы будут расплачиваться, я бы не позволил себе этого». В качестве покаяния он написал Шесть хоров для женских или детских голосов с фортепиано (*Op. 15*) и принял участие в нескольких ученических концертах¹⁰.

¹⁰ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17699; *Якиманка*, с. 52; М. Челищева, «С. В. Рахманинов в Мариинском училище» из *Воспоминаний о Рахманинове*, том 1 (М.: Музыка, 1988), с. 386–389; С. Рахманинов, *Письма* (М.: Музыкальное издательство, 1955), с. 115; В. Брянцева, *С. В. Рахманинов* (М.: Советский композитор, 1976), с. 206–207; Barrie Martyn, *Rachmaninoff: Composer, Pianist, Conductor* (Aldershot: Scolar Press, 1990), с. 104–106; А. Горькушкина, «Рояль Рахманинова» (*Вечерняя Москва*, 19 октября 1992).

Рахманинов в 1904 г.

Сразу за училищем располагался механический завод Акционерного общества Густава Листа, производивший паровые машины, пожарные насосы, водопроводное оборудование и вентиляторы. Сам Густав Лист жил над заводской конторой в большой квартире с зимним

садом. Он приехал из Германии в 1856 году и, проработав несколько лет механиком на Воронежском сахарном заводе, открыл в 1863 году фабрику на Софийской набережной. В 1897-м фирма стала акционерным обществом. В 1901 году на заводе работало около семисот человек¹¹.

Большую часть квартала занимали заводские склады, мастерские и общежития. Семен Канатчиков работал в «аристократической» модельной мастерской. «Большинство модельщиков были городские жители – одевались чисто, брюки «навыпуск», рубашки носили «фантазия», заправленные в брюки, воротничок подвязывали вместо галстука цветным шнурком, а по праздникам некоторые ходили даже в котелках. Стриглись «под польку» или ершом. Держались солидно с сознанием собственного достоинства, по-матерному ругались лишь «в сердцах» в случае крайней необходимости, да еще в получку, когда напивались, да и то не все»¹².

Механический завод Густава Листа

¹¹ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17700; Оробей, ред., *Строители России*, с. 118; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 93, 115.

¹² Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн.1, с. 17–18.

Болотная площадь. Вид со стороны Кремля

В литейной мастерской, куда попадали готовые материалы, «как кроты, рылись в земле и пыли грязные черные люди, у которых на черном фоне покрытого копотью лица блестели только белки глаз». Под «грохот огромных подъемных кранов, перебираемых шестерен и лязганье толстых цепей» по желобу из вагранки «выливалась огромная тяжелая огненно-красная струя расплавленного чугуна, разбрасывая вокруг большие пылающие брызги-искры и освещающая стоявшие вокруг мрачные фигуры литейщиков»¹³.

Когда Канатчиков поступил на завод, рабочий день продолжался одиннадцать с половиной часов (не считая сверхурочных ночных смен осенью и зимой, когда было много заказов), но после забастовки петербургских ткачей в 1896 году Лист сократил рабочий день до десяти часов. Большинство рабочих, как «городские», так и «деревенские» (которые «носили сапоги с голенищами, подпоясанные поясом ситцевые косоворотки, стриглись «под горшок» и носили бороды, к которым редко прикасалась рука парикмахера»), жили на Болоте. В нерабочее время они пили смирновскую водку, дрались на свадьбах, рассказывали анекдоты про попов, удили рыбу в Канаве и Москва-реке, встречались в купальнях с местными проститутками, ухаживали в Александровском саду за чулочницами и поварами, читали уголовную хронику, романы с продолжениями, духовные книги и социалистические брошюры, устраивали кулачные бои на льду около плотины (обычно с рабочими Бутиковской текстильной фабрики с Пречистенской набережной) и ходили на подпольные собрания, а также в церковь, Третьяковскую галерею или Исторический и Румянцевский музеи. По воскресеньям в музеи пускали бесплатно, но лучшим «даровым зрелищем», по словам Канатчикова, были московские пожары, на которые рабочие Листа, «как бы ни были усталые, сломя голову бежали»¹⁴.

¹³ Там же, с. 43.

¹⁴ Там же, с. 14, 17–18.

Болотный рынок

Дважды в месяц по субботам артель Канатчикова «предавалась дикому разгулу. Одни, прямо с завода, получив получку, шли в пивные, в трактиры, в злачные места, а иные, пофрантоватее, заходили на квартиру сначала переодеться». В следующий понедельник «страждущие» лечились от похмелья спиртовым лаком, который хранился в специально приготовленном жестяном бидоне. «После обеда половина мастерской была пьяна. Одни слонялись по чужим верстакам, другие отсиживались в уборной. Не в меру опохмелившиеся шли спать в сушилку или модельный сарай»¹⁵.

К востоку от механического завода находился особняк сахарозаводчика Харитоненко с готическими интерьерами Федора Шехтеля и большой галереей русского искусства, а между заводом и Канавой пролегалo собственно Болото – большая площадь, застроенная длинными каменными амбарами с сотнями лотков и лавок. В конце лета пространство между амбарами превращалось в гигантский фруктово-ягодный рынок. Каждый вечер перекупщики собирались в чайной Афанасьева, чтобы договориться о ценах. Около двух часов ночи они выходили к подъезжавшим крестьянам и «неспешно ходили вдоль линии вozов, привычно поглядывая на ягодное изобилие. Выбрав то, что нужно, они называли цену и, если крестьянин начинал возражать, с деланным безразличьем отходили в сторону, спокойно закуривали папироску». Начинаясь торг. По словам репортера «Московского листка», «цифры, божба и ругань, клятвы и остроты – все это перемешивается, подхватывается и разносится по площади». На рассвете крестьяне разъезжались, начиналась торговля, и, «как по волшебству, все разом оживало, становилось красивым и веселым». Выбор был столь велик, «что можно было подивиться объему и аппетиту московского чрева, проглатывающего ежедневно эти дары Болота, – так, между прочим, как лакомство и пустую забаву»¹⁶.

¹⁵ Там же, с. 11, 15–16. См. также: Robert Eugene Johnson, *Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1979); Victoria E. Bonnell, *Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914* (Berkeley: University of California Press, 1983).

¹⁶ Руга и Кокорев, *Москва повседневная*, с. 94–98. См. также: Якиманка, с. 40; Оробей, ред., *Строители России*, с. 153, 181.

После восхода солнца ягоды сменялись грибами, овощами и гуляющим народом. По воспоминаниям Николая Бухарина, по праздникам население конур «задыхалось в чаду трактиров и полупивных с красно-синей вывеской «Пивная с садом» или с причудливо выведенными буквами «Трахтер: Свидание друзей». Здесь сновали половые в грязной одежде, которая только по названию была белой, дым стоял коромыслом, играла «машина», дребезжали стаканы, рвала воздух гармоника, звучали надрывные, тоскливые песни. Все это пестрое, многоликое пело, буянило, пило, орало, обнималось, дралось, целовалось, плакало»¹⁷.

* * *

Государство в лице различных чиновников и учреждений пыталось оздоровить и регламентировать жизнь на Болоте. Оно инспектировало рыночные лавки и продукцию Эйнема, Смирнова и Листа; ремонтировало улицы, мостовые и набережные (Берсенеvская и Софийская были в числе самых благоустроенных в городе); выуживало трупы пьяниц и самоубийц из Канавы; считало каждую дверь и каждого жильца ради налогового учета и политической слежки; снабжало население и предприятия водой, газом и электричеством (с приложением подробных правил подключения и пользования); устанавливало гидранты Листа и тушило пожары (все чаще предпочитая лошадям автомобили, а каланчам телефоны); проводило канализацию, а в 1914 году сделало подключение к ней обязательным для собственников (которым предписывалось сообщать о «распространяющемся из ватерклозета или писсуара зловонии»); отвечало за осушение затопленных районов и вывоз мусора на свалки; хранило и сортировало мясо на городских скотобойнях; выпускало номерные бляхи для извозчиков и контролировало уличное движение и правила стоянок; расширяло трамвайную сеть, которая питалась от электроэнергии, производившейся на территории Винно-соляного двора (при помощи бакинской нефти, доставлявшейся водным и железнодорожным путем в хранилище при Симонском монастыре, а оттуда по подземным трубопроводам в Болото); занималось доставкой писем, посылок и телеграмм; заменяло керосиновые уличные фонари на газовые, а перед храмом Христа Спасителя и вдоль трамвайных путей – на электрические; обязывало владельцев недвижимости вывозить грязный снег за городскую черту и нанимать дворников и ночных сторожей для уборки, охраны и тайного наблюдения; высаживало деревья и благоустраивало городские парки беседками, павильонами и летними театрами; строило и содержало большинство школ; оплачивало стоимость половины больничных коек; следило за благонадежностью спектаклей и публикаций; содержало богадельни, детские приюты, ночлежные дома и попечительства о бедных; и следило за тем, чтобы все российские и иностранные подданные отмечались по месту жительства, а все факты рождения, смерти и брака регистрировались компетентными религиозными учреждениями¹⁸. (Чтобы получить разрешение на брак с кузиной, Рахманинов должен был предоставить справку об исповеди, найти полкового священника, не подчиненного синодальному ведомству, и получить разрешение государя императора.)¹⁹

Современное государство делает слишком много или слишком мало. Его услуги – одновременно вмешательство в жизнь и жалование прав. Россия начала XX века не была совре-

¹⁷ Бухарин, *Времена*, с. 23.

¹⁸ Оробей, ред., *Строители России*, с. 255–256, 261–262, 266–273, 276–280, 285–286, 293–294, 328, 360; Руга и Кокорев, *Москва повседневная*, с. 225, 237–238, 244, 297–318, 339–340 (о запахе цит. по с. 305); Robert W. Thurston, *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906–1914* (NY: Oxford University Press, 1987), с. 85–89, 154–159; Joseph Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), с. 299–337; Paul W. Werth, «In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7.3 (2006), с. 433–458.

¹⁹ *Воспоминания о Рахманинове*, т. 1, с. 125–126; Е. Дмитриевская, В. Дмитриевский, *Рахманинов в Москве* (М.: Московский рабочий, 1993), с. 75–76.

менным государством, потому что предоставление услуг отставало от промышленной экспансии (Москва была одним из самых быстрорастущих городов мира: до 70 процентов населения составляли мигранты, в основном крестьяне вроде Канатчикова), а бюрократические предписания воспринимались как необязательные или условные (Рахманинов раздобыл фальшивую справку об исповеди, справил свадьбу в полковой церкви Шестого гренадерского полка и получил от царя записку: «Что Бог соединил, человек да не разлучает»). Но в первую очередь Российское государство не было современным потому, что не считало свои услуги осуществлением неотчуждаемых прав, а своих подданных – гражданами, сознательно вовлеченными в процесс собственной национализации. Оно не исходило из того, что кто-то помимо чиновников может активно участвовать в строительстве государства, ощущать личную заинтересованность в его дальнейшем развитии и испытывать потребность, сколь угодно противоречивую, в расширении бюрократического вмешательства²⁰.

Вместо этого государство предоставляло все больше услуг, усиливая контроль над потенциальными узурпаторами. В канун Первой мировой войны Москва была самым полицейским городом в Европе (278 жителей на одного полицейского, по сравнению с 325 в Берлине, 336 в Париже и 442 в Вене). Якиманская часть, в состав которой входило Болото, вела учет всех проживавших там иностранцев, евреев, студентов, извозчиков, рабочих и безработных, а также «торговых, трактирных, фабричных и ремесленных заведений». Помимо рутинной отчетности полицейские агенты должны были следить за благонадежностью служащих различных заведений («сообщив при этом сведения о настроении названных служащих, а также не замечен ли кто из них во вредном влиянии на сослуживцев»), призывать жителей вывешивать флаги по государственным праздникам и «иметь тщательное наблюдение» за всеми «лицами, состоящими под гласным или негласным надзором полиции». В графе «характерные приметы» лица эти описывались как «вспыльчивые», «разговорчивые» или «задумчивые». Чем усерднее работала полиция, тем более вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми становились их подопечные²¹.

В сентябре 1905 года рабочие Листа в числе первых в Москве вышли на забастовку с требованием гражданских свобод, «неприкосновенности личности» и улучшения условий труда. После митинга на Софийской набережной примерно триста из них прошествовали к шоколадной фабрике Эйнема и потребовали, чтобы она прекратила работу. В ноябре 1905 года механическая мастерская Эйнема превратилась в оружейный завод. «Кузнецы ковали, а слесаря подпиливали и оттачивали, ножи, кинжалы и все, что можно приготовить из металла», в ожидании «Варфоломеевской ночи» (о которой, по словам первого советского историка фабрики, «имели представление как о беспорядочной резне»). В декабре 1905 года на Болоте стреляли и строили баррикады; в 1906 и 1913 году прошли новые забастовки; наводнение 1908 года затопило большую часть «конур, где голые дети ползали среди грязного тряпья»; а немецкие погромы 1915 года привели к частичному разорению фабрики Эйнема и полному разрушению шести ее кондитерских магазинов в других частях города. Жители Болота становились все более вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми. Сословные ярлыки («крестьянин» Канатчиков, «дворянин» Рахманинов) имели мало отношения к тому, чем занимались граждане; церковные истины (от божественной природы самодержавия до пользы исповеди) подвергались сомнению и осмеянию; новые центры организации экономики (в том числе Лист и Эйнем) не соответствовали привычным представлениям о хозяйственном укладе; новая железнодорожная сеть с центром на севере Москвы (и тяготеющие к ней промышленные и торговые рай-

²⁰ Bradley, *Muzhik and Muscovite*, с. 4, 9–40; Оробей, ред., *Строители России*, с. 29–30; *Воспоминания о Рахманинове*, т. 1, с. 125–126; Дмитриевская, Дмитриевский, *Рахманинов в Москве*, с. 75–76.

²¹ Thurston, *Liberal City, Conservative State*, с. 87; ЦИАМ, ф. 1272, оп. 1, д. 345–358 (о коммерческих учреждениях цит. по д. 358); ф. 475, оп. 19, д. 167, 167, 168; оп. 17, д. 1312, л. 3–39. См. также: Jonathan W. Daly, *The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2004).

оны) не укладывалась в радиальную уличную схему, привязанную к Кремлю; а высокая литература, все дальше уходившая от массовой, потеряла надежду найти осмысленную связь между «давным-давно» и «жили счастливо и умерли в один день». Россия была не единственной жертвой столкновения индустриализации с *fin-de-siècle*, но упрямая косность старого режима придавала ее метаниям характер апокалиптического нетерпения. Империя кишела пророками, предсказателями и бродячими проповедниками. Все исходило из того, что мир болен, а конец близок²².

Помимо правоверных православных, которые читали больше божественных книг и чаще рассказывали о чудесных видениях и исцелениях, чем полвека назад, Россия полнилась пролетарскими поэтами, писавшими о «цепях страданий» и грядущем избавлении; иоаннитами, почитавшими Иоанна Кронштадтского как провозвестника Судного дня; братцами (чуриковцами), искавшими личного спасения в трезвенности, умеренности и духовности; толстовцами, проповедовавшими моральное преображение посредством вегетарианства и непротivления злу насилием; духоборами, которым толстовцы (и их собратья квакеры) помогали бежать от воинской повинности; баптистами, активно и успешно распространявшими принцип всеобщего священства; эсерами, видевшими в русском крестьянстве средство и цель всеобщей эмансипации; социал-демократами, верившими в искупительную миссию городского пролетариата; декадентами, жившими «с тягостно-горделивым сознанием», что они «последние в ряду былой высокой культуры»; и наконец, символистами, которые, по словам Владимира Соловьева, к каждому предмету и явлению, включая собственную жизнь, подходили «с точки зрения его окончательного полного состояния или в свете будущего мира»²³.

На Болоте и в его окрестностях все были символистами. Любимой книгой десятилетнего Николая Бухарина было Откровение Иоанна Богослова – «торжественно-непонятный пафос ее, космологические катаклизмы, трубы архангелов, воскресение мертвых, Зверь, последние времена, Вавилонская блудница, чудесные чаши». Прочитав «Краткую повесть об Антихристе» Соловьева, он ощутил, как «пробежали по спине мурашки», и спросил у матери, не блудница ли она. Александр Воронский, сын тамбовского священника, который жил на чердаке над замоскворецкой просфорней и учил кожевников марксизму в подвале у церковных ворот, мечтал о «ненависти-вдохновительнице» и «повторял мысленно оглушительные и неотврати-

²² И. Спиридонов, *Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.* (М.: Госполитиздат, 1955), с. 51–52, 57; Laura Engelstein, *Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict* (Stanford: Stanford University Press, 1982), с. 85–86, 110, 206–208, 214; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 164, 172, 176; Евсенин, *От фабриканта к Красному Октябрю*, с. 26–34, 38–47 (о Варфоломеевской ночи цит. по с. 28); Eric Lohr, *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I* (Cambridge: Harvard University Press, 2003), с. 16, 34. О наводнении см. материалы ЦИАМ после 1908 г., ф. 179, оп. 62, 63.

²³ Christine D. Worobec, «Miraculous Healings,» in Mark D. Steinberg and Heather D. Coleman, ed., *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia* (Bloomington: Indiana University Press, 2007), с. 22–43; Roy R. Robson, «Transforming Solovki: Pilgrim Narratives, Modernization, and Late Imperial Monastic Life» в: Steinberg and Coleman, ed., *Sacred Stories*, с. 44–60; Mark D. Steinberg, *Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925* (Ithaca: Cornell University Press, 2002), с. 224–246; Nadieszda Kizenko, *A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People* (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2000), с. 196–200 и passim; Vera Shevzov, *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution* (Oxford: Oxford University Press, 2004); Gregory Freeze, «Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia», *Journal of Modern History* 68 (June 1996), с. 308–350; Heather J. Coleman, *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929* (Bloomington: Indiana University Press, 2005), с. 41–60 и passim; А. Эткинд, *Хлыст. Секты, литература и революция* (М.: НЛЮ, 1998); Olga Match, *Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle* (Madison: The University of Wisconsin Press, 2005), с. 9–10 (строка о «последних в ряду» по Вячеславу Иванову цит. по с. 3); Irina Paperno, «Introduction» и «The Meaning of Art: Symbolist Theories» в: Irina Paperno and Joan Delaney Grossman, ed., *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism* (Stanford: Stanford University Press, 1994), с. 1–23; В. Соловьев, *Собрание сочинений* (Ст. П. 1911–1914), т. 6, с. 85. См. также: David M. Bethea, *The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction* (Princeton: Princeton University Press, 1989); Irene Masing-Delic, *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature* (Stanford: Stanford University Press, 1992); Christopher Read, *Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia 1900–1912* (London: Macmillan, 1979); Laura Engelstein, *Castration and the Heavenly Kingdom* (Ithaca: Cornell University Press, 1999); Mark D. Steinberg, *Petersburg Fin de Siècle* (New Haven: Yale University Press, 2011), с. 234–267; Robert C. Williams, «The Russian Revolution and the End of Time: 1900–1940», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 43, No. 3 (1995), с. 364–401.

мые слова, которые заучил когда-то в отроческие годы: «И прекращу шум песен твоих, и звук цитр твоих уже не будет слышен... И разграбят богатство твое, и расхитят товары твои, и землю твою бросят в воду»²⁴.

Николай Федоров, работавший библиотекарем в Румянцевском музее, предложил практический план воскрешения мертвых и «восстановления родства, во всей полноте его и силе»; Семен Канатчиков, ходивший в Румянцевский музей «смотреть картинки», обнаружил, что в недалеком будущем «все будет общей собственностью трудящихся»; Александр Скрябин, соученик Рахманинова по Московской консерватории, взялся писать «Мистерию», призванную положить конец жизни на Земле; а сам Рахманинов, еще будучи преподавателем Мариинского женского училища, написал симфонию по мотивам церковного песнопения XIII века о Страшном суде, *Dies Irae*. Рецензия Цезаря Кюи на первое исполнение Первой симфонии начиналась словами: «Если бы в аду была консерватория, если бы одному из ее даровитых учеников было задано написать программную симфонию на тему семи египетских язв и если бы он написал симфонию вроде симфонии г. Рахманинова, то он бы блестяще выполнил свою задачу и привел бы в восторг обитателей ада»²⁵.

Наводнение на Болоте (1908)

²⁴ Н. Бухарин, *Времена*, с. 179–180; А. Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2 (М.: Антиква, 2005), с. 202, 222–234, 267–268, 310. Цитаты по с. 267–268, 310; Иез. 11:19; Иез. 26:12–13.

²⁵ Н. Федоров, *Сочинения* (М.: Мысль, 1982), с. 90; Канатчиков, *История моего бытия*, т. 1, с. 14, 29; Kanatchikov, *A Radical Worker*, с. 34; Polina Dimova, «The Poet of Fire: Aleksandr Skriabin's Synaesthetic Symphony «Prometheus» and the Russian Symbolist Poetics of Light» (неопубликованная рукопись); Martyn, *Rachmaninoff*, с. 94–104; Брянцева, *С. В. Рахманинов*, с. 214–241. Цитата Кюи по: Ю. Келдыш, *Рахманинов и его время* (М.: Музыка, 1973), с. 103.

Наводнение на Болоте (1908)

Наводнение на Болоте (1908)

Наводнение на Болоте (1908)

Консерватория была не единственным обреченным учреждением в Москве, а симфония о Страшном суде – не единственным сочинением Рахманинова о сломе времен. Работая над Первой симфонией о последних днях (*Ор.* 13) и Шестью хорами для воспитанниц Мариинского училища (*Ор.* 15), он написал музыку к стихотворению Тютчева «Весенние воды» (*Ор.* 14, № 11). Тютчев был любимым поэтом символистов, а романс стал «символом общественного пробуждения» и гимном надежды и искупления²⁶.

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

²⁶ Martyn, с. 110; Брянцева, с. 247–249. Цитата о символе (Гр. Прокофьев, «Певец интимных настроений», Русская музыкальная газета 7, 1910, колонка 195) по: Келдыш, с. 128.

Двенадцатого мая 1904 года полиция перехватила письмо, отправленное неким «Я» из Нижнего Новгорода С. П. Мироничевой, «в дом городского общежития учащихся женщин на Софийской набережной». Ссылаясь на «Весенние воды» Тютчева/Рахманинова и «Когда же придет настоящий день?» Добролюбова, автор призывал девушку не поддаваться отчаянию.

Пусть будет это данью времени колебания, гнета и сомнений.
Но грядущее обновление неужели неспособно уже и сейчас поднять лучшие
элементы нашего времени до бодрости и веры. Идет же он, настоящий день.
Идет шумный, бурливый, сметающий по пути расслабленное, хилое и старое...
Близко уже заря, накладывающая свой фантастический и чарующий отблеск
и прозрачность на все и вся...²⁷

Неизвестно, знал ли читавший письмо сыщик, что «Я» – это Яков Свердлов, девятнадцатилетний ученик аптекаря, бывший гимназист и «профессиональный революционер».

2. Проповедники

Глашатаи «настоящего дня» делились на христиан и социалистов. «Второе пришествие» оставалось метафорой бесконечной отсрочки, но все больше «задумчивых» христиан ожидали Страшного суда на своем веку. Их веру разделяли революционеры, которые отождествляли Вавилон с капитализмом и жили в ожидании конца старого мира.

У них было много общего. Одни считали революционный социализм видом христианства, другие считали христианство видом революционного социализма. Бердяев и Сергей Булгаков предлагали дополнить христианство политическим апокалипсисом, Горький и Луначарский причисляли марксизм к религиям земного спасения, Бонч-Бруевич называл хлыстов и баптистов «передаточными пунктами» большевистской пропаганды, а большевик-пропагандист (и сын священника) Александр Воронский знал революционера, который использовал Евангелие как руководство к «насильственному свержению царского строя»²⁸.

Но обычно они считали друг друга антиподами. Христиане видели в социалистах атеистов или антихристов; социалисты с этим не спорили и называли христиан ханжами или невеждами. В стандартных социалистических автобиографиях отказ от «религии» был обязательным условием духовного пробуждения.

Большинство проповедников христианского апокалипсиса были рабочими и крестьянами. Большинство теоретиков рабоче-крестьянской революции были студентами и «вечными студентами». Студенты были детьми священников, чиновников, врачей, учителей и других «пролетариев умственного труда»: интеллигентов как метафорических евреев (избранных, изгнанных, образованных) и евреев как почетных интеллигентов независимо от профессии. Пожизненные вундеркинды, они наследовали священной миссии и жили чужаками среди «народа».

Виленский большевик Арон Солыц ассоциировал свое еврейство с «относительной интеллектуальностью» и сочувствием к революционному терроризму. Николай Бухарин вырос

²⁷ Я. Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1 (М.: Госполитиздат, 1957), с. 139.

²⁸ Эткинд, *Хлыст*, особ. с. 585–674; Read, *Religion, Revolution, and the Russian Intelligentsia*, с. 57–94; Catherine Evtuhov, *The Cross and the Sickle: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy, 1890–1920* (Ithaca, Cornell University Press, 1997); С. Булгаков, *Два града. Исследования о природе общественных идеалов* (СПб.: РГХИ, 1997), особ. с. 207–247; А. Луначарский, *Религия и социализм*, т. 1, 2 (СПб.: Шиповник, 1908–1911); Н. Бердяев, «Религиозные основы большевизма» в: *Собрание сочинений*, т. 4 (Paris: YMCA Press, 1990), с. 29–37; Н. Бердяев, *Русская идея: основные направления русской мысли XIX века и начала XX века* (М.: Сварог, 1997), с. 168–183; В. Бонч-Бруевич, *Избранные сочинения*, т. 1 (М.: АН СССР, 1959), с. 184; Roland Boer, *Lenin, Religion, and Theology* (New York: Palgrave Macmillan, 2013), с. 59–101; David Graeme Rowley, *Millenarian Bolshevism: Empiricism, God-Building, Proletarian Culture* (New York: Garland, 1987); Vatro Murvar, «Messianism in Russia: Religious and Revolutionary», *Journal for the Scientific Study of Religion* 10 (1971), с. 277–338; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 137.

в семье учителя гимназии, который «любил сболтнуть что-нибудь радикальное» и просил маленького Колю декламировать стихи перед гостями. Валериан Оболенский вырос в семье ветеринара «радикальных убеждений», который учил детей иностранным языкам и поощрял их к чтению Белинского и Добролюбова («не говоря уж о классиках»). Большевик Алексей Станкевич рос в убеждении, «что мать и отец гораздо развитее, умнее и честнее окружающей среды» (его отец, кологривский учитель, пил горькую в знак протеста против «мещанской среды уездного городка»). «Все это заставляло наши умы теряться в догадках»²⁹.

Арон Солыц

²⁹ *Деятели СССР и революционного движения в России* (М.: Советская энциклопедия, 1989), с. 372, 569, 688; Бухарин, *Времена*, с. 27–29; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1848 (А. П. Станкевич), л. 6.

Николай Бухарин

Быть интеллигентом значило задаваться «проклятыми вопросами» и чувствовать себя развитее, умнее и честнее окружающей среды (и оттого избранным и обреченным). Вопрос, может ли интеллигент ответить на проклятые вопросы и остаться интеллигентом, тоже был проклятым. Ленин думал, что нет (и не считал себя интеллигентом); авторы «Вех» утверждали, что настоящих интеллигентов не осталось (и считали себя исключениями); остальные не отличали потерянных от уверенных при условии, что они развитее, умнее и честнее окружающей среды. Доля преодолевших сомнения стремительно росла. Большинство интеллигентов верили в грядущую революцию; большинство верующих не сомневались, что за ней последует «царство свободы».

Социалисты состояли из марксистов и националистов. Классовое и национальное освобождение смешивалось в различных пропорциях. Меньшевики надеялись на растущую сознательность обнищавших пролетариев; большевики – на внеочередную рабоче-крестьянскую революцию в порядке местного исключения; народники – на вселенскую искупительную миссию русского крестьянства; бундовцы – на сохранение еврейской специфики в рамках марксистского космополитизма; а дашнаки, сионисты и польские националисты – на торже-

ство племенного освобождения на обломках имперского самовластья. Даже крайние случаи были компромиссными: марксисты говорили о «потомственных пролетариях» с собственной культурой и генеалогией; русские националисты назывались социалистами-революционерами, а не русскими националистами; а нерусские националисты представляли свои народы вселенскими пролетариями. Все говорили на библейском языке племенной избранности и страдания за человечество.

Валериан Оболенский (Осинский)
Предоставлено Еленой Симаковой

Один из старейших большевиков, Феликс Кон, вырос в Варшаве в еврейской семье польских националистов. «Патриотизм заменял религию, – писал он в своих воспоминаниях. – Из последней сохранилась только формальная, обрядовая сторона, не больше». Однажды на Пасху, когда дед «восседал за накрытым столом и читал молитвы», из эмиграции вернулся дядя, скрывавшийся от «москалей».

Молитвы были забыты. Все – от малышей до старого деда – с замиранием сердца слушали его рассказ.

– Чем рассказывать об освобождении евреев из Египта, поговорим о мученичестве Польши, – обратился дядя к деду, и тот охотно на это согласился.

В семнадцать лет Кон узнал о героизме русских революционеров и забыл о мученичестве Польши. Исход из Египта стал символом вселенского освобождения.

Это была перемена веры, культа... Мертвая, застывшая вера заменялась живой, действенной... Я... готов был идти на бой со всем миром лжи и лицемерия, обиды и неправды, со всем миром горя и неволи... Для меня было ясно как день, что надо идти к своим сотоварищам, к таким же 17–18-летним горячим юношам, как я, поделиться с ними своей верой, своей правдой, объединиться, сплотиться, «подучиться», – эту необходимость я смутно сознавал, – а затем всем вместе «от ликующих, праздно болтающих, обагрывающих руки в крови» перейти «в стан погибающих», открыть перед ними причины гнетущего их рабства, открыть им глаза на ту силу, которая в них сокрыта, разбудить эту силу, и... тогда... тогда... тогда... великое дело будет сделано: рухнет в пропасть царство неправды и рабства, а над землей воссияет яркое солнце свободы³⁰.

«Серийные» обращения были типичны для западных губерний и их австрийских соседей. Карл Собельсон (Радек) оставил культ Гейне (широко распространенный, по его словам, среди галицийских евреев) ради польского патриотизма, германско-польской социал-демократии и, наконец, российской версии пролетарского интернационализма. (И нигде не чувствовал себя дома.)³¹

В центре империи социалисты из состоятельных семей помнили себя впечатлительными детьми, страдавшими от «чувства неловкости и стыда за свою обеспеченность». Елена Стасова – внучка известного архитектора, дочь известного юриста и племянница знаменитого критика – рано испытала «чувство долга по отношению к... рабочим и крестьянам, которые давали нам, интеллигенции, возможность жить так, как мы жили»³².

³⁰ Феликс Кон, *За 50 лет*, т. 1 (М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934), с. 7, 17–18.

³¹ *Деятели СССР*, с. 593, 595. О нерусских сторонниках большевизма см.: Liliana Riga, *The Bolsheviks and the Russian Empire* (Cambridge: Cambridge University Press, 2012).

³² РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 603 (Додонова), л. 4 (цитата о «неудобстве и стыде»); *Деятели СССР*, с. 701–702. См. также: *Деятели СССР*, с. 395 (Ганецкий); РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 1114 (Лепешинская), л. 4 об.

Феликс Кон

Карл Радек

Но главным источником прозрения были книги. Чувство долга Стасовой «сложилось отчасти под влиянием чтения». Сын офицера и воспитанник кадетского корпуса Сергей Мицкевич жил во тьме до четырнадцати лет.

Я прочитал «Новь» Тургенева, и глаза мои открылись: я понял, что революционеры – не злодеи, какими их пытались представить наши руководители, а люди, борющиеся за свободу, за народ. Это открытие произвело полный переворот в моих взглядах. Я стал много читать³³.

Кон (1864 года рождения), Стасова (1873) и Мицкевич (1869) принадлежали к первому поколению большевиков. У их наследников, родившихся в 1880-е и 1890-е годы, глаза открылись в школе, в кругу одноклассников. По воспоминаниям Бухарина, ученики московской гимназии № 1 (на Волхонке, рядом с храмом Христа Спасителя) делились на основную массу,

³³ Деятели СССР, с. 546, 548.

которая жила «как бог на душу положит», и «элиту», которая состояла из декадентов и революционеров.

Аристократическая группа, одиночки, кучка из сыновей дворян и крупных буржуа – богатых купцов, банкиров, биржевиков, еврейских денежных тузов, усиленно лезших в самые утонченные сферы, – обезьянничали со своей взрослой молодежи, важно играя в дендизм и снобизм. Они носили брюки со штрипками, английские штилеты с длинными носками, курточки из дорогого светлого сукна, сшитые в талию у известных московских портных, и широкие шикарные кожаные кушаки. Они всегда были в крахмальных воротничках, аккуратно подстрижены, отличались безукоризненными прямыми проборами, и ни один волосок не торчал на их тщательно прилизанных головах. В гимназию они ходили так, точно делали ей великое одолжение. Держались особняком. Часто приносили с собой французские книжки, от Бодлера до Метерлинка и Роденбаха, и с меланхолическим видом, явно показывая, что они живут в мире совсем других измерений, почитывали их под партой. Ходили они расслабленной походкой, любили обмениваться французскими или английскими фразами, говорить об искусстве; были подчеркнута корректны и точно брезгливо брали всю обычную жизнь двумя пальцами, оттопырив мизинец. Щеголяли именами Ницше, Соловьева, но их не нюхали. Иногда притаскивали репродукции с утонченно-порочных изящнейших графических шедевров Обри Бердслея или рисунки Филисьена Ропса и молитвенным шепотом говорили об Оскаре Уайльде. Из новых русских поэтов признавали только символистов и хвастались друг перед другом, сообщая последние новости из их литературного и личного закулисного быта, переходившие в квалифицированную сплетню.

Антиподом этой группы являлись дети главным образом разночинско-интеллигентских семей. Они под курточками носили теперь косоворотки, были нарочито вихрасты и часто нечесаны; некоторые, повзрослее, уже начинали отпускать себе волосы. Они за уроками тайком почитывали Писарева, Добролюбова, Щедрина... Увлекались Горьким, который становился их настоящим кумиром, демонстративно плевали на все и всяческие авторитеты, издевались над всякими «китайскими церемониями», высмеивали «белоподкладочников», ехидствуя и над их походкой, и над их идеалами, давали им довольно меткие прозвища вроде «астральных трясогузок» и иногда вступали с ними в оживленные дискуссии, обычно на литературные темы. Они смутно чувствовали, что великий поток жизни скоро даст ответ на вопрос: «Когда же придет настоящий день?» Их захватывало каждое проявление смелого протеста, обличительное слово, геройское сопротивление установленным порядкам, и даже озорство имело в их глазах известную ценность – их стихийно влекло к разрушению «устоев», хотя бы и в мелочах. Они были дерзки на язык, не лезли за словом в карман и любили дразнить овцеподобного ближнего своего³⁴.

³⁴ Бухарин, *Времена*, с. 309–310.

По словам его одноклассника, Ильи Эренбурга, Бухарин отличался от большинства революционеров (и своего меланхолического друга, Григория Бриллианта) смешливостью и легкостью характера. Но «спорить с ним было опасно: он ласково вышучивал противника»³⁵.

Опасным спорщиком был и Яков Свердлов. Один из шести детей нижегородского гравера, он хорошо учился в школе и был принят в гимназию, где, если верить биографам, сражался с белоподкладочниками и охранителями. «Скучая на уроках, он приспособился тут же, сидя на скамье, держать перед собою во время урока не учебник, а книгу. Когда как-то раз он был пойман на этом деле и услышал грозный окрик учителя, «Что ты делаешь?», то спокойно ответил: «Читаю интересную книгу». «Какую книгу?» – еще грознее наступает учитель, а ученик еще спокойнее: «Какую книгу? Бумажную книгу читаю». Не важно, правда ли это. Важно, что так поступали «вспыльчивые», «разговорчивые» и «задумчивые». Через четыре года Свердлов бросил гимназию и, недолго поработав учеником аптекаря, стал «профессиональным революционером»³⁶.

³⁵ Илья Эренбург, *Люди, годы, жизнь*, т. 1 (М., Советский писатель 1990), с. 73.

³⁶ К. Свердлова, Яков Михайлович Свердлов (М.: Молодая Гвардия, 1985), с. 59–63; С. Свердлова, С. Авербах-Свердлова, В. Свердлов, «Брат» в: *О Якове Свердлове. Воспоминания, очерки, статьи современников* (М.: Издательство политической литературы, 1985), с. 25–30. Большая цитата по: Ц. Зеликсон-Боровская, *Профессиональный революционер: очерки жизни и деятельности Я. М. Свердлова* (М.: Старый большевик, 1934), с. 11–12.

Яков Свердлов

Путь к вере начинался с дружбы. Свердлов дружил с Владимиром Лубоцким (впоследствии Загорским, в честь которого переименовуют Сергиев Посад), Кон – с Людовиком Савицким (покончившим с собой в Париже в 1893 году), а Бухарин – с Григорием Бриллиантом (будущим наркомом финансов Сокольниковым). Сын купца Александр Аросев нашел друга в казанском реальном училище.

Однажды мне кто-то сказал, что в параллельном со мною 3-м классе в отделении В есть сильный мальчик Скрябин. Я искал встречи с ним. Однажды в коридоре он мыл под краном губку для доски. Вид он имел несколько мрачный, как, впрочем, всегда. Я подошел к нему и предложил

подраться. Скрыбин согласился. Нанеся друг другу несколько возбуждающих ударов, мы сцепились мертвой хваткой на удовольствие всего коридора. Не помню, кто из нас победил, но с тех пор мы были с ним знакомы³⁷.

Знакомство вело к разговорам, разговоры – к исповеди, исповедь – к близости. По словам Аросева:

Дружба начинается с того, что один другому приоткрыл такую сердечную тайну, которую никому раньше не открывал. А тайной в юности может быть что угодно: восхищение пролетающими облаками, восторг от бури, увлечение девушкой, мечта о неизвестных странах³⁸.

Тайной Скрыбина была скрипка (он играл в квартете со своими тремя братьями). Тайной Аросева была литература. Их общей тайной стала революция.

Как-то раз [вспоминал Аросев], мы прогуливались по пустынным ночным улицам, запорошенным снегом. Безмолвие улиц делало нас интимными, мороз заставлял немного теснее держаться вместе. Мы взялись под руки. Было далеко за полночь. Из-за углов, от столбов придорожных, от крылечных навесов по темно-блестящему снегу, как по распластанной мелкой чешуе рыбы, ползли неясные тени от шпиков, неотступно «бдящих» за нами. Но на самом деле никаких шпиков не было. Эти тени – неясные зимние ночные переливы серебристых цветов – слушали наши неясные речи, наши слова, которые искрились одним: смертельно-жадным стремлением найти такую истину, чтобы всего себя отдать ей, чтоб бороться³⁹.

Истина таилась в кругу единомышленников. Пройдя через разговоры и исповеди, группы друзей объединялись в кружки.

Семь или восемь учеников пятого класса реального училища сидели на стульях, на кровати и на кушетке низенькой комнаты мезонина, освещенной керосиновой лампой со стеклянным белым абажуром. Лики Каутского, Энгельса, Маркса, Михайловского, Успенского, Короленко, Толстого строго и покровительственно смотрели со стен. В углу – этажерка с книгами. На корешках их можно было прочесть имена все тех же вдохновителей эпохи, портреты которых жались по стенам.

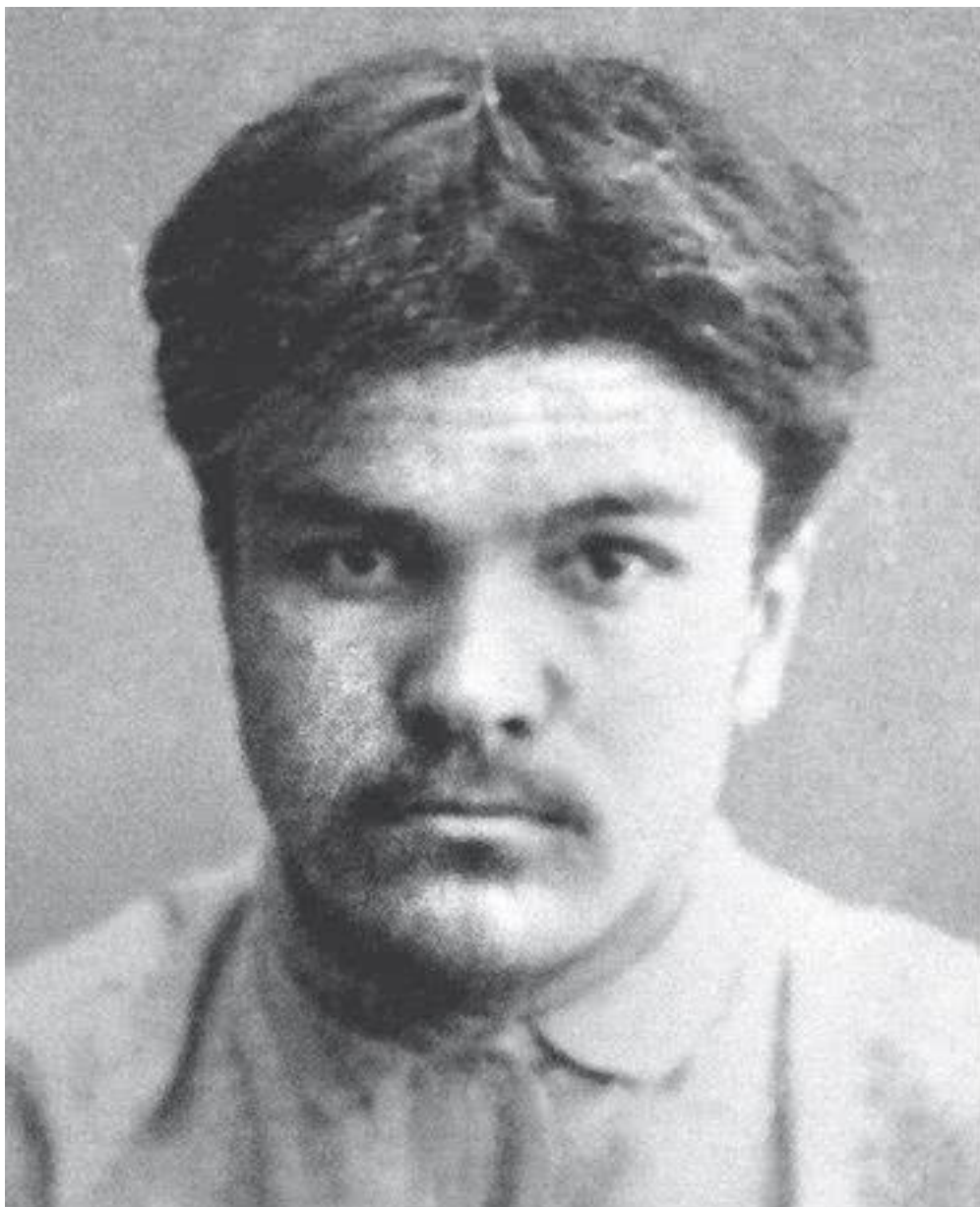
³⁷ А. Аросев, *Казанские очерки о революции 1905 года* (К.: Истпартотдел областного комитета РКП(б) Татарской Республики, 1925), с. 16.

³⁸ А. Аросев, *На боевых путях. Воспоминания*. «Новый мир», № 1 (1931), с. 87.

³⁹ Там же, с. 87–88.

Александр Аросев

Вячеслав Скрябин (Молотов)

Предоставлено В. А. Никоновым

Воздух напоен был тем ароматом, который ощущается только нервами, как паутинки, протянутые от одного к другому и делающие всех родными и спаянными, кажется, навеки, на долгие века. Молодые люди были едва знакомы друг с другом, но каждый смотрел на других восторженными глазами. Гордился и тем, что он тоже тут с ними, с другими такими же, как он, и тем, что они, другие, такие загадочные и тоже полные огня, – с ним. На лице каждого можно было ясно прочесть: я с сегодняшнего дня, с этой минуты, такой-то, такой-то уже вступил в ряды, в кадры борцов⁴⁰.

Вступив в ряды борцов, реалисты и гимназисты избирали председателя, согласовывали списки литературы и выбирали пароли и прозвища. Скрябин стал Дядей, а позднее – Молотовым; Аросев стал Зетом. В других комнатах и других городах Свердлов стал Андреем, Брил-

⁴⁰ Там же, с. 82.

лиант Сокольниковым, Оболенский Осинским, а Воронский – «бледный, тонкий, кудрявый, синеокий юноша с полными, сочными и налитыми кровью губами» – стал Валентином.

Кружок Воронского возник в «пропахших ладаном и елеем» стенах тамбовской семинарии, но члены его – «подростки-замарашки с костлявыми ключицами и нескладно болтающимися руками» – читали те же книги и ходили на такие же собрания.

Клетушка-комната где-нибудь на Первой Долевой, в доме вдовы чиновника. Полинявшие обои, ситцевые занавески на окнах, три-четыре продырявленных стула, стол, железная койка, полка книг и учебников, жестяная лампа с абажуром из полулиста бумаги – кружок около стекла обожжен; свежие лица с пушком на губах; двубортные серые куртки нараспашку, светлые пуговицы выцвели. В темный угол забились две гимназистки в коричневых платьях; у них тугие, не заложенные в прическу косы, одна девушка от застенчивости почти не поднимает глаз. Споры об общине, об отрезках, о героях и толпе, самонадеянный и безоговорочный задор. Старая гитара и мандолина, тихий и меланхолический перебор струн⁴¹.

Их связывали общие книги и свет из-под абажура. Аросев и его единомышленники молча читали подле лампы, с «горячими стаканами чая на маленьком кругленьком столе».

Раскрытые страницы [Плеханова, Писарева, Белинского] настолько заполняли нас, настолько слепили глаза, что, приподняв иногда усталую голову, мы с удивлением видели себя в комнате, затемненной зеленым абажуром лампы. И грешный, грязноватый мир для нас в то время был немного затемнен абажуром, который, однако, неустанно и неистово бросал яркий свет на черные строки по белому полю, на потоки извилистой мысли. Не знаю, как других, но меня обуревал восторг от вечности, стойкости и чудовищной безбоязненности человеческой мысли. И та мысль была особенно безбоязненной, в которой или вернее за которой чувствовалось что-то еще большее, чем мысль, нечто такое, совсем природное и непостижимое, и непостижимое, вследствие чего человек не может не действовать в известном направлении, и до того велик порыв его к действию, что сама смерть, если она стоит на пути этого порыва, кажется смехотворным препятствием⁴².

Вступление в «стан погибающих» было главной тайной «порыва к действию». Как писал Кон, с высоты ностальгического бессмертия, «мы все, конечно, были обречены на гибель».

Мое тогдашнее душевное состояние весьма походило на настроение того юноши-рыцаря, который задается целью разбудить спящую царевну, невзирая на ожидающие его личные испытания... А объект всех этих душевных мук и забот – весь трудящийся люд – тоже представлялся мне вроде этой спящей царевны, которую стоит лишь разбудить чудодейственным дуновением социализма, и он проснется, восстанет, сбросит с себя позорное иго рабства, освободит и себя, и всех...⁴³

Способность к дружбе и готовность к смерти отличали «отзывчивых» и «юных душой» от «зулусов» («которым, кроме их будущей карьеры и удобств жизни в настоящем, все чело-

⁴¹ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, 16–18.

⁴² Аросев, *На боевых путях. Воспоминания*, с. 88, 90.

⁴³ Кон, *За 50 лет*, т. 1, с. 18.

вечество было совершенно чуждо»). Зулусы делились на «нагих» и «лицемеров». Отзывчивые и юные душой делились на кружки⁴⁴.

Кружки делились в соответствии с уровнем подготовки членов. «Низшие» изучали канонические тексты, «средние» организовывали доклады на заданные темы, «высшие» устраивали формальные лекции и дебаты с приглашенными участниками. Кружки из соседних школ образовывали круги чтения, общения и обсуждения. В училище Аросева все кружки объединялись в единую «беспартийно-революционную организацию» с собственным уставом («своего рода программой краткосрочных курсов для выпуска революционеров обоих родов оружия: эсеров и марксистов»)⁴⁵.

Выбор между эсерами и марксистами происходил после отделения от зулусов и отличался от первоначального прозрения подчеркнутой публичностью и рациональностью. Когда ветеранам кружка Осинского из московской гимназии № 7 исполнилось шестнадцать лет, они решили «окончательно политически самоопределиться» и организовали семинар по истории революционного движения под руководством студента МГУ Платона Лебедева (будущего Керженцева). Осинскому достался реферат о декабристах.

Засев на три месяца в Румянцевскую библиотеку, я прочел все, что можно было достать по этому вопросу, и представил свой реферат. Мне всегда было свойственно усиленное сопротивление всему «модному», воспринимаемому интеллигенцией в порядке «психической заразы». Тогда мне казался «модным» течением стихийно распространявшийся среди интеллигенции марксизм (для интеллигенции, для части моих же товарищей, он и оказался только модой). Я усиленно старался поэтому дать декабристскому движению *не* марксистское объяснение. Это объяснение стало в противоречие мною же разработанным фактам, оно сбивалось в бессодержательно-либеральную колею. Небольшого труда стоило Лебедеву-Керженцеву при явном сочувствии моих сотоварищей разбить меня наголову. Добросовестно поразмыслив над причинами своего «поражения», я пришел к убеждению, что шел по неверному пути и что старик Маркс, видимо, совершенно прав. Революция 1905 года давала тому много и еще более осязательных доказательств⁴⁶.

В Казани Аросев (Зет) и Скрябин (Молотов) самоопределились без достаточной научной подготовки. Весной 1907 года, в возрасте семнадцати лет, они решили испытать свои убеждения посредством «генерального сражения» на осеннем заседании беспартийно-революционной организации. Аросев должен был прочитать реферат на тему «Философское обоснование партии с.р.», а Скрябин – «Философское обоснование с.-д. партии». По воспоминаниям Аросева:

Мы с В. Скрябиным запаслись соответственной литературой, удалились от шума – он в Вятскую губернию, а я в деревню Малые Дерышки – и погрузились в Маркса, Михайловского, Энгельса, Лаврова, Плеханова, Делевского... При этом мы решили оба читать одну и ту же литературу, с тем чтобы при споре мне были совершенно знакомы его источники, а ему – мои.

⁴⁴ Там же, с. 19.

⁴⁵ Аросев, *На боевых путях. Воспоминания* с. 91; А. Аросев, *Как мы вступали в революционную работу* (Москва – Ленинград: Московский рабочий, 1926), с. 66–67; *Деятели СССР*, с. 569–570.

⁴⁶ *Деятели СССР*, с. 570. Крупнейшая коллекция воспоминаний старых большевиков хранится в РГАСПИ ф. 124, оп. 1 (Общество старых большевиков). Все цитируемые воспоминания из ф. 124 принадлежат жильцам Дома правительства.

В течение трех месяцев они читали, размышляли, составляли конспекты и писали друг другу письма. «Это были не письма, а теоретические доклады и контрдоклады, своеобразные письменные зачеты по пройденному курсу». В конце лета они снова собрались в комнате Скрябина.

Августовские тихие сумерки смотрели в большие окна. Мы видели, как во дворе ходят куры и кошка вытягивает шею у водосточной трубы. Комната незаметно темнела. Со стены смотрела на нас картина – копия с Айвазовского «Прибой волн», сделанная Николаем Скрябиным [братом Вячеслава]. На столе утомленным тихим жужжаньем дышал самовар, и вокруг него стояли чашки с недопитым чаем, и какая-то объемистая книга лежала недочитанной, открытой.

Внезапно Аросев объявил, что не сможет выступить от имени эсеров, потому что летнее чтение убедило его в превосходстве марксизма над народничеством. Немного помолчав, Скрябин сказал, что в таком случае и он выступать не будет. На общем собрании заявление двух друзей было встречено «горячими аплодисментами на одной стороне и гулом неодобрения – на другой. Марксисты долго горячо аплодировали. Эсеры угрюмо, растерянно гудели. Но никто не назвал Зета изменником. Чувствовали, что с Зетом произошел крутой идейный поворот, что он перешагнул порог, перешел грань от стихийного мироизучения к сознательному пониманию мира»⁴⁷.

Не все дебаты кончались так быстро – даже в памяти победителей. В «решительном сражении» с участием Бухарина две команды гимназистов, усиленные одним студентом-эсером, сошлись для обсуждения самых главных вопросов: рабочий класс или народ, расчет или подвиг, объективизм или субъективизм, законы развития или российские условия. Марксисты говорили, что эсеры ставят героев над массами; эсеры отвечали, что Ленин делает то же самое; большевики утверждали, что их вожди объективно представляют интересы трудящихся; эсеры возражали, что большевики «убили всякую свободу критики в своей среде и хотят эту казарму распространить на все и вся». Большевики отвечали цитатой из Ленина:

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: пойдемте в это болото! – а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! – О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!⁴⁸

⁴⁷ Аросев, *Как мы вступали*, с. 68–71, кроме цитат о письмах и горячих аплодисментах, взятых из: А. Аросев, *На боевых путях. Продолжение*. «Новый мир», № 2 (1931), с. 85, 87.

⁴⁸ В. Ленин, *Полное собрание сочинений*, изд. 5, т. 6 (М.: Политиздат, 1963), с. 9–10 (<http://uaio.ru/vil/06.htm>).

На этом большевики объявили себя победителями и прекратили дебаты. Все поднялись и по одному («исключение для девиц!») вышли из прокуренной комнаты с тяжелыми бордовыми шторами «в один из глухих переулочков Арбата», недалеко от гимназии № 1. «На улице было тихо... Шаги гулко отдавались по переулочку... Шел крупными хлопьями снег... Бесшумно падали, выплывая из тьмы и кружась у фонарей, белые снежинки и покрывали мягким рыхлым пуховиком тротуары, тумбы, сани и спину полузаснувшего на углу и не совсем трезвого извозчика...»⁴⁹

По мере того как «революционные организации» вливались в подпольные партии, юные революционеры переходили от чтения и разговоров к чтению и написанию статей (первая статья Осинского была посвящена «утилитарному обоснованию этики»), чтению и распространению листовок (первая листовка Воронского гласила: «Слышен лишь звон цепей и ключей, скрежещут засовы, но уже брезжит рассвет, встанет солнце социальной независимости и равенства, солнце труда и свободы»), чтению и перевозке нелегальной литературы, печатанию прокламаций, организации митингов и, в случае эсеров-максималистов, изготовлению бомб и убийству чиновников. Гимназисты, реалисты, семинаристы, курсистки, медички, студенты и вечные студенты жили «живой верой» и упоением борьбы с болотом⁵⁰.

В 1909 году двадцатилетний Валериан Куйбышев – выпускник Сибирского кадетского корпуса, студент Томского университета и большевик с четырехлетним стажем – был арестован за распространение запрещенных книг. Его отец, воинский начальник Каинска (и, по воспоминаниям сына, «служилый человек» в традиции капитана Миронова из «Капитанской дочки»), был вызван к бригадному генералу Масленникову.

В подавленном состоянии отец приехал в Омск и явился к генералу Масленникову. Сразу как он вошел, генерал набросился на него с руганью:

– Вы не умеете воспитывать своих детей, как же вы будете воспитывать своих солдат? Вы даете свой адрес для крамольной литературы. Это позор. Вас надо расстрелять.

Генерал Масленников кричал в продолжение получаса. Отец стоял навытяжку, руки по швам, не имея права возражать, пока говорит начальство.

Генерал Масленников, вдоволь накричавшись, вдруг делает паузу, закрывает лицо рукой и говорит:

– Вы переводитесь в Тюмень.

Надо сказать, что Тюмень значительно больший город, чем Каинск. Это означало повышение по службе. В Каинске отец был воинским начальником третьего разряда. Назначение в Тюмень делало его воинским начальником второго разряда.

Отец остолбенел:

– Ваше превосходительство, быть может, я ослышался?

– Вы переводитесь в Тюмень.

Снова пауза.

– У меня самого два сына в киевской тюрьме сидят⁵¹.

⁴⁹ Бухарин, *Времена*, с. 316–37.

⁵⁰ *Деятели СССР*, с. 569; А. Воронский, *Рассказы и повести* (М.: Советская литература, 1933), с. 30; Кон, *За 50 лет*, т. 1, с. 18. О культуре и мифологии революционного движения см.: М. Могильнер, *Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа* (М.: НЛО, 1999); о культуре студенческого радикализма см.: Susan K. Morrissey, *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism* (New York: Oxford University Press, 1998); о еврейском радикализме см.: Inna Shtakser, *The Making of Jewish Revolutionaries in the Pale of Settlement* (New York: Palgrave Macmillan, 2014).

⁵¹ В. Куйбышев, *Эпизоды из моей жизни* (М.: Старый большевик, 1935), с. 32–35. См. также: Валериан Владимирович Куйбышев. *Биография* (М.: Политиздат, 1988), с. 33–35.

* * *

Валериан Куйбышев

Главной работой революционеров была «пропаганда и агитация». «Пропаганда» заключалась в перенесении кружков «в массы». Кружок Воронского собирался в подполье.

Подвал скудно освещался лампой, пахло керосином, махоркой. Окна завешивались. Кидая мрачные, уродливые тени, рабочие молча рассаживались у стола, покрытого темной клеенкой, изрезанной и залитой чернилами. В комнате было холодно. Пододвигалась железная печка; прибавлялся запах дыма, от него першило в горле, ело в глазах. Вспоминались таинственные собрания заговорщиков, но лица собравшихся были обычны. Никита сурово и хозяйственно оглядывал членов кружка, точно проверял их, стучал по столу казанком пальца или карандашом, торжественно произносил:

– Слушайте товарища лектора⁵².

Пожилой рабочий Никита «любил «ученость», книги и газеты читал, надев старые очки, шуток над собой не признавал и сам шутить не любил и не умел». Ученость лектора частично компенсировалась неловкостью, которую он испытывал перед людьми, чья неученость компенсировалась мужской зрелостью и искупительной миссией пролетариата⁵³.

«Агитация» состояла в произнесении речей на заводах и уличных митингах. Речи должны были быть короткими и по делу. Дело, согласно инструкциям для агитаторов, заключалось в разжигании «ненависти слушателей» к самодержавию. Воронский говорил «залпом, без передышки, сильно жестикулируя руками»⁵⁴.

Помню такой случай. Я витийствовал на открытом летучем митинге, забравшись на площадку товарного вагона. Внизу передо мной стояла толпа железнодорожников. Я самозабвенно предвещал «час мести и расплаты», убеждал вдохновенно «не поддаваться провокации», «стоять до конца», неистовствовал в призывах и не скупился на лозунги, но в припадке революционного пафоса я не заметил, как вагон лязгнул, толкнулся с места, и на глазах удивленных рабочих я поплыл сначала тихо, потом быстрее – вперед и дальше, размахивая руками и бросая пламенные слова⁵⁵.

Пламенные слова, изреченные или прочитанные, – главное оружие миссионера. Воронский и его товарищи витийствовали независимо от того, едет ли поезд. Чтение (про себя или вслух) было частью общения; письменная речь (особенно ленинская) извергалась залпом и без передышки. Редкие паузы в партийных автобиографиях – моменты немоты в угаре чужого красноречия (Ленина, Троцкого, Чернова). Революционеры были вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми одновременно.

Социалистическое миссионерство отличалось от христианского в двух отношениях. Во-первых, оно не было универсальным. Христианская проповедь обращена к каждому; социалистическая рассчитана на рабочих или крестьян. Кальвинисты, проповедовавшие спасение избранных, не знали, кто и почему избран. Социалисты, верившие в особую миссию пролетариата, не сомневались, из кого состоит коренное население Царства свободы. Первые проповедники коммунизма могли быть кем угодно – и в реальности были почти исключительно «студентами», – но главным смыслом их агитации и единственным шансом на приход революции было обращение обращаемых. Принц пришел разбудить спящую красавицу, а не ее уродливых сводных сестер.

Большевики были наиболее последовательны в этом отношении. Меньше других доверяя «стихийности» («классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне», – писал Ленин в «Что делать?»), они больше всех полагались на проповедь. А проповедь требовала организационных усилий. Как говорилось в инструкциях для агитаторов, «излагая роль нашей партии как передового отряда рабочего класса, вы не должны забывать, что наша партия есть борющаяся армия, а не клуб для собеседований». И, как сказал член бухаринского клуба для собеседований: «Оппонент пугал нас казармой. А я слов ни капли не боюсь. Есть казарма и казарма, как есть солдаты и солдаты. Мы строим нашу партию не как, извините, сброд разнокалиберных лебедей, раков и шук, а как партию единомышленников,

⁵² Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 229–230.

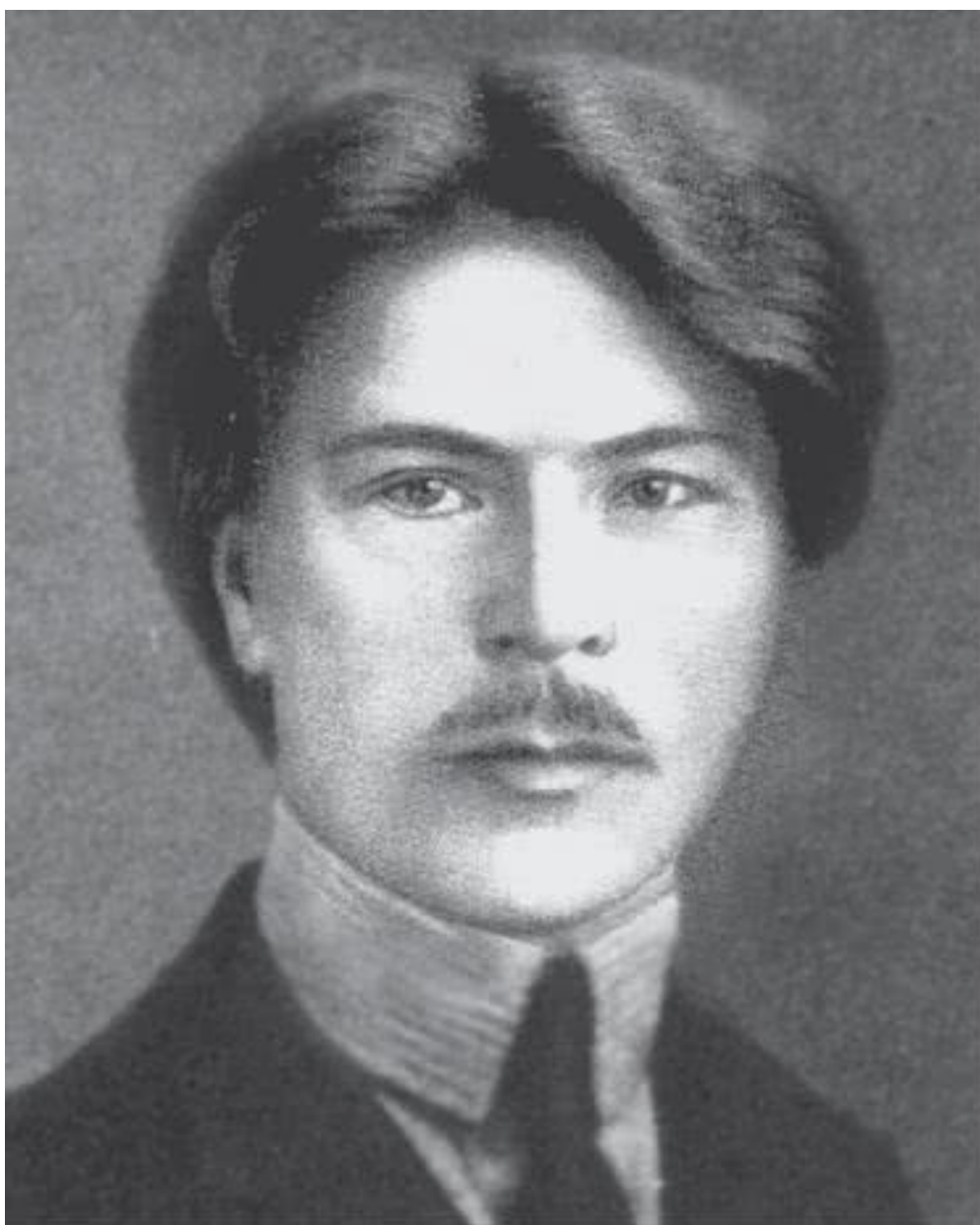
⁵³ Там же, с. 224–225.

⁵⁴ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 2 (М, 1934), с. 136; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 115.

⁵⁵ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 118.

и притом как военную партию. Да, как военную». Залогом успеха была харизма вождя. Ленин был плодом и гарантией единства единомышленников⁵⁶.

Вторым отличием социалистической проповеди от христианской был ее интеллектуализм (склонность к собеседованиям). Большинство перешедших из православия в протестантизм стремились к личному спасению и духовному самоусовершенствованию. Социалисты стремились к тому же, но шли гораздо дальше. Вступление в кружок было введением в интеллигенцию (сочетание учености и апокалиптичности). Обращение вело к повышению не только духовного, но и социального статуса. Студенты-пропагандисты призывали рабочих становиться студентами, не переставая быть рабочими. Новообращенным предстояло сыграть особую роль, потому что они были пролетариями. Чтобы сыграть ее правильно, им надлежало стать интеллигентами.

Павел Постышев

⁵⁶ Ленин, *Полное собрание сочинений*, изд. 5, т. 6, с. 79 (<http://uaio.ru/vil/06.htm>); Канатчиков, *История моего бытия*, кн. 2, с. 137; Бухарин, *Времена*, с. 336.

Сочетание пролетарской избранности с книжной ученостью – самоутверждение путем преобразования и социальный рост без предательства – привлекало некоторых рабочих. Как сказал один из учеников Воронского: «Чудное дело, – с очками промежду нас появились и служат нам, ей-богу! А почему служат? Потому служат, что силу нашу несметную понимать стали, потому – он ударял себя в грудь, – потому: пролетарии всех стран, объединяйтесь! Очень даже просто...» И как писал Кон, развивая популярную сказочную метафору (которую Воронский использовал в заглавии своих мемуаров): «Работа шла успешно. Сонное царство, взбрызнутое живой революционной водой, просыпалось, оживало»⁵⁷.

Карлу Ландеру, сыну латышских батраков, было пятнадцать лет, когда он впервые увидел первомайское шествие и ощутил «небывалую силу, которая притягивала к себе, влекла, возбуждала». «Мир рабочих, – писал он, – я знал хорошо по их повседневной будничной жизни (родственные связи, близкие знакомые и т. п.). И вдруг он предстал передо мной в совершенно новом свете, с новой неожиданной стороны, как носитель и обладатель какой-то великой тайны и силы». Под влиянием «христианского социалиста», духовно вышедшего из «крестьянских войн эпохи Реформации», Ландер «бросил все» и отправился на поиск истинных коммунистов. Духоборы, к которым он примкнул, не оправдали его надежд, потому что они не читали светских книг, а он верил в необходимость «учиться много и усердно». Полиция предоставила ему такую возможность, посадив в тюрьму, где он научился проводить «ночи напролет в оживленной беседе». «Выяснив много нерешенных вопросов», он вступил в социал-демократический кружок, «связанный общими идейными интересами и тесными узами дружбы»⁵⁸.

Павел Постышев, «ситцепечатник» из Иваново-Вознесенска, попал во Владимирский централ в 1908 году, в возрасте 21 года. Его спасительницей стала жена местного врача, Любовь Матвеевна Белоконская, которая поставляла заключенным еду, деньги, книги и фиктивных невест. Четыре года спустя он писал ей из «вечной ссылки» на Байкале:

Дорогая Л. М., я человек рабочий и горжусь, что принадлежу к этому классу, потому что ему предстоит сделать великое дело. Дорожа своим званием или титулом, титулом пролетария, и чтобы носить его чистым, ничем не марать, в особенности нам, сознательным пролетариям, я не должен лицемерить перед Вами. Вы, отдавшая себя великому делу рабочих, нам ли не любить Вас, как любят дети свою добрую мать⁵⁹.

Донецкий шахтер Роман Терехов писал, что в возрасте пятнадцати лет стал задаваться вопросом, почему одни люди, «ничего не делая, живут в роскоши, а другие, работая день и ночь – в нужде».

Это во мне возбудило полную ненависть к лицам неработающим и хорошо живущим в особенности к начальству. Моя цель была во чтобы то ни стало добиться того, чтобы встретить человека, который бы разгадал сплетенный жизненный узел. Этого человека я нашел в лице инструментальника механической мастерской Данила Огулева. Он объяснил мне причины этой жизни. После этого я полюбил его и всегда исполнял все его поручения и задания, которые возлагались на меня, как то: разбрасывая

⁵⁷ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 229; Кон, *За 50 лет*, с. 49. См. также: Kanatchikov, *A Radical Worker in Tsarist Russia*, с. xv – xxx (вступление от редактора) и Reginald E. Zelnik, «Russian Bebels: An Introduction to the Memoirs of the Russian Workers Semën Kanatchikov and Matvei Fisher», *Russian Review*, т. 35, № 3 (July 1976), с. 288–289.

⁵⁸ *Деятели СССР*, с. 476–479.

⁵⁹ Павел Постышев: *воспоминания, выступления, письма* (М.: Политиздат, 1987), с. 46; Ю. Дмитриев и др., *Улицы Владимира* (Я.: Верхневолжское книжное издательство, 1989), с. 17–19.

прокламации, расклеивал их на видных местах и т. д., а также стоял дозорным, когда проходили тайные собрания.

Один раз ему удалось послушать выступавших.

Темная ночь, колючая степь, мы все шагаем к лесу, где ожидал нас 1 товарищ, который указал место собрания. На собрании присутствовало человек 50. Доклад делал какой то молодой человек, другой выступил против него. Этот спор мне не понравился, и я очень жалел, что они не поладили между собой. С таким осадком я возвратился домой. И если осталось, что ценное, из этого собрания – это слова одного из товарищей, что нужно вооружаться.

Терехов решил начать вооруженную борьбу с убийства механика в своем цеху, но не сумел найти подходящего орудия. Вскоре студент-пропагандист показал ему номер «Правды», и он организовал «кружок для коллективного чтения газеты»⁶⁰.

Василий Орехов рано осиротел и, проработав несколько лет пастухом в родной деревне, убежал в Москву. В десять лет он поступил на кондитерскую фабрику «Реноме» (один из основных конкурентов Эйнема), но вскоре был уволен «за недопущением нанести себе побой». В семнадцать, работая поваром в гомеопатической больнице, он познакомился с медсестрой по фамилии Александрова. Как он писал в неотредактированной автобиографии в середине двадцатых годов:

Александрова меня готовила Политграмоте и Профдвижению подготовив мое сознание и знание понимания учла мое социальное положение и мною все прожитое мой дух мое настроение и влечение к знанию и работе, проще сказать с Июля месяца 1901 года по Март месяц 1902 года я у Александровой был испытуемым. В марте месяце меня зачислили в кружок с-димократов.

Сменив еще несколько мест и претерпев несколько побоев, Орехов вступил в большевистский кружок, выступил с речью о значении первого мая и поступил на работу в ящичную мастерскую Куделькина. Там он долго не задержался.

В 1908 году, я был из Москвы выслан за то, что надел КУДЕЛЬКИНУ на голову, чашку со щами и обварил всю голову, в то время у хозяйчиков для рабочих хорчи были хозяйские КУДЕЛЬКИН в пост, готовил отвратительные харчи из червивой капусты, наворил щей, я предложил КУДЕЛЬКИНУ сменить червивые щи, но КУДЕЛЬКИН сказал: «что дают, то и жрите», за это я ему и надел чашку со щами, за что и сидел 2-е недели и Рогожским частным приставом – выслан из Москвы.

Приехав в Подольск, Орехов вступил в местный большевистский кружок и начал работать пропагандистом⁶¹.

«Верования и моральные устои», с которыми Семен Канатчиков приехал из деревни в Москву, «начали колебаться» на заводе Листа на Болоте. Один рабочий рассказал ему, что ад ничем не отличается от болота, в котором они живут, мощи святых ничем не отличаются от египетских мумий в Историческом музее, а правоту атеистов легко доказать на примере рождения из ничего червяков и личинок («а потом из букашки будет другая тварь развиваться, и так далее, и в продолжение четырех, пяти, а может, и десяти тысяч лет дойдет и до человека»). Прозрение пришло из книги «Что должен знать и помнить каждый рабочий».

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 124, оп.1, д. 1919 (Р. Я. Терехов), л. 1–2 об.

⁶¹ Там же, д. 1429 (В. А. Орехов), л. 3–4 об.

Всю неделю я находился в состоянии какого-то экстаза, как будто взобрался на высокие ходули, отчего все люди мне представлялись какими-то букашками, жуками, роющимися в навозе, а я один постигнул механику и смысл бытия... Из артели я уехал и поселился вместе с одним товарищем в отдельной комнате. Перестал ходить к попу на «исповедь», не посещал церквей, а по постным дням начал есть «скоромное»⁶².

Рабочие, как и студенты, приходили к истинной вере благодаря сочетанию врожденного нравственного чувства со знаниями, почерпнутыми из книг и разговоров. Но если студенты «перешагивали порог» в обществе других студентов, то рабочие, по их воспоминаниям, нуждались в руководстве «извне». Как сказал один из них, «видно, не скоро проснется рабочий народ». И как писали (в один голос) Ландер и Канатчиков, «звание студента было синонимом революционера-бунтаря»⁶³.

По свидетельствам очевидцев, образцовым революционером-бунтарем был Яков Свердлов. «Среднего роста, с шевелюрой черных волос, в постоянном пенсне на носу, в русской косоворотке под студенческой курткой, Свердлов был похож на студента, а с понятием «студент» для нас, молодежи, да и для рабочих было связано понятие «революционер». Теоретически революционером мог стать любой человек, достигший определенного уровня сознательности, а «студентом» – любой сознательный революционер, надевший очки и пиджак поверх косоворотки. (Свердлов бросил гимназию, никогда не учился в университете и начал одеваться как студент, став профессиональным революционером.) На самом деле Орехов, Терехов, Постышев, Канатчиков и другие рабочие не могли стать студентами, что бы они ни надевали. Первой причиной была их речь, стиль, вкусы, жесты и другие родимые пятна, не всегда совместимые с преображенным сознанием. Второй – «злая судьба пролетария» и «вечная погоня за несчастным куском хлеба». «Когда душа просит света, кричит и рвется из объятий непроницаемой тьмы, – писал Постышев Белоконской, – тело подавляет крик душевный стоном о хлебе. Как все это тяжело!»⁶⁴

Третьей было одиночество. По словам Канатчикова:

Редки бывали случаи, когда интеллигент резко обрывал связи со своими буржуазными или мелкобуржуазными родственниками... Обычно было так, что даже и отлучившие от своего семейного очага непокорное чадо сердолобивые родственники смягчались, проникались жалостью к арестованному страдальцу и начинали проявлять усиленную о нем заботу. Ходили к нему на свидание, снабжали всем необходимым, хлопотали перед начальством, просили о смягчении его участи и так далее⁶⁵.

По рассказам сестер Свердлова Сары и Софьи и его брата Вениамина, их отец был вспыльчивым, но «покладистым» человеком, который быстро смирился с тем, что его дом стал «местом встреч нижегородских социал-демократов», а граверная мастерская – складом революционных прокламаций и фальшивых печатей. Отец Воронского, священник, умер, когда тот был ребенком, но его литературный двойник, отец Христофор, приехал в семинарию проведать сына и вместе со всеми пил за марксизм, террор, русскую литературу, новые машины и, по просьбе сына, «за неравный бой, за смельчаков, за тех, кто отдает себя, ничего не требуя». («За духовенство» семинаристы пить отказались.) В 1906 году сестра Куйбышева отправила

⁶² Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 1, с. 26–28.

⁶³ Там же, с. 27, 84; *Деятели СССР*, с. 477; П. Быков, «Мои встречи с Я. М. Свердловым» в: *О Якове Свердлове*, с. 45; С. Свердлова и др., «Брат» в: *О Якове Свердлове*, с. 28.

⁶⁴ Павел Постышев, с. 52.

⁶⁵ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 1, с. 87.

отцу телеграмму о том, что Валериан «арестован и предан военно-полевому суду». Про военно-полевой суд было известно: «сегодня арестовали и максимум через 48 часов приговор, причем приговор или оправдательный или смертная казнь. Другого приговора военно-полевой суд не знал». По рассказу Куйбышева, записанному в начале 1930-х:

Получив эту телеграмму, мой отец обезумел: не теряя ни одной минуты, помчался на лошадях (Кузнецк в то время не был соединен железнодорожной линией с Сибирской магистралью) к железной дороге, для того чтобы быстрее приехать в Омск. Он рассказывал, что истратил на это путешествие огромную для его бюджета сумму, так как требовал такой скорости движения, что неоднократно падали лошади.

Прибыв в тюрьму, Куйбышев-старший обнаружил, что сын предстанет перед военно-окружным, а не военно-полевым судом. Валериан ничего не знал о телеграмме.

Семен Канатчиков

Когда мне сообщили, что приехал мой отец и пришел ко мне на свидание, мне было крайне неприятно. Я думал: начнутся упреки (это был мой первый арест), слезы, уговаривание. Придется поссориться с отцом, и поссориться окончательно.

О содержании телеграммы сестры моей я, конечно, не знал. Нехотя, настроив себя на решительный отпор всяким попыткам добиться от меня хотя бы каких-нибудь уклонений от взятой мною линии жизни, я пошел в камеру для свидания. Вхожу и вдруг вижу отца не сердитым, а детски смеющимся, со слезами на глазах, он бросился ко мне с объятиями. Целует, обнимает, радуется, как-то щупает меня всего, по-видимому желая осязать меня, не веря, что я жив.

Я недоумеваю.

– Отец, в чем дело, почему ты так рад?

Он мне рассказал историю с телеграммой.

Вот так мой отец принял мой первый арест, и ошибка моей сестры совершила очень хорошую службу в том отношении, что примирила моего отца с выбранным мною путем⁶⁶.

«Другое дело – рабочий, – пишет Канатчиков. – Никаких уз, никакого «очага» и никаких связей в стане тех, кто его угнетает, он не имеет». Его семья вряд ли примирилась бы с выбранным им путем, а он вряд ли примирился бы со своей семьей (которую называл «болотом»)⁶⁷.

Обычно, как только рабочий становился сознательным, его уже не удовлетворяла окружающая среда, он начинал ею тяготиться, стремился общаться только с себе подобными и пытался проводить свое свободное время более осмысленно и культурно. С этого момента начиналась его личная трагедия. Если это был пожилой семейный рабочий, у него сейчас же возникали конфликты в семье, в первую очередь – с женой, чаще всего отсталой, малокультурной. Она не понимала его духовных запросов, не разделяла его идеалов, боялась и ненавидела его друзей, ворчала на него и ругала за непроизводительные расходы на книжки и другие культурные и революционные цели, а главное – опасалась лишиться кормильца. Если это был молодой рабочий, он неизбежно вступал в конфликт с родителями или близкими, которые имели над ним ту или иную власть. На этой почве у сознательных рабочих создавалось отрицательное отношение к семье, к женитьбе и даже к женщине⁶⁸.

Женщин в революционных кружках было намного меньше, чем мужчин, но их роль – муз, мучениц, слушательниц, сожительниц и «технических работников» – была ключевой в жизни подполья. (Только среди еврейских революционеров число женщин было сравнимо с числом мужчин, отчего еврейские женщины были «сверхпредставлены» в революционной среде в еще большей степени, чем мужчины.) Среди рабочих-революционеров женщин почти не было. Рабочие, вступавшие в кружки и ожидавшие «пробуждения», были единственными пролетариями, которым было нечего терять, кроме цепей. Они принадлежали к классу избранных, но им не хватало сознательности, «культуры», семей и женского общества (за исключе-

⁶⁶ С. Свердлова и др., «Брат» в: *О Якове Свердлове*, с. 25–30 (цитата на с. 29); А. Воронский, *Избранная проза* (М.: Художественная литература, 1987), с. 20–21; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 40–41; Куйбышев, *Эпизоды*, с. 30–32.

⁶⁷ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 2 (М: Московское товарищество писателей, 1934), с. 88.

⁶⁸ Канатчиков, *Из истории моего бытия* (М: Земля и фабрика, 1929), с. 85–86.

нием неловких и порой унижительных контактов с девушками из еврейских и интеллигентских семей). Они «повышали свой уровень» ради освобождения человечества и в надежде на разделенную любовь. А до тех пор у них была вера, дружба и свобода, служившая зеркальным отражением грядущего искупления. Когда Канатчиков получил письмо от брата, в котором «увидался», что тятинька их, Иван Егорыч, отдал богу душу, он бросился на койку, уткнулся лицом в подушку и «дал волю сдерживаемому потоку слез». «Со смертью отца обрывалась последняя нить, связывавшая меня с домом, с деревней. В первый момент от этого я испытывал чувство грусти и одиночества. Но в глубине души теплилось и росло другое чувство – чувство свободы и гордой независимости»⁶⁹.

* * *

Местом, где студенты и рабочие встречались под одной крышей – чтобы слиться в «партии» и освободиться от «болота», – была тюрьма. Студенты закаляли свой дух, рабочие обретали сознательность, и все учились жить вместе и на равных. Аросева впервые арестовали в 1909 году, когда он учился в реальном училище.

Тюрьма мне сразу понравилась: все в ней было деловито и серьезно, все как-то поставлено по-столичному. Когда на фоне тюремного коридора в то время, когда вели меня в камеру, я заметил свою немного сутулую тень, я проникся уважением к самому себе. Зет, шествовавший рядом со мною, был также весел, словно шел не в тюрьму, а по крайней мере на желанную свадьбу. Он толкал меня в локоть и любопытствовал, вместе или не вместе посадят нас. Посадили вместе, в общую камеру, где уже было восемь человек студентов. Двое из них оказались наши знакомые эсеры. Все похоже было скорее на какую-то веселую студенческую вечеринку, чем на камеру. Книжки, тетради с записями, куски колбасы по длинному деревянному столу, жестяные чайники, кружки, хохот, остроты, дискуссии, игра в шахматы⁷⁰.

Заключенные гуляли, «словно в кулуарах университета», играли в чехарду во дворе и соблюдали тишину перед отбоем, «чтоб дать возможность желающим читать и писать». Согласно одному из сокамерников Якова Свердлова по екатеринбургской тюрьме в 1907 году:

Целый день камеры нашего коридора были открыты, и заключенные могли свободно ходить из камеры в камеру, заниматься играми, петь

⁶⁹ Там же, 110–111. Другие автобиографии будущих жильцов Дома правительства см. в: РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 39 (С. Я. Аллилуев); д. 40 (О. Е. Аллилуева); д. 119 (С. М. Балахнин); д. 273 (И. Л. Булат); д. 274 (Д. А. Булатов); д. 275 (А. С. Булин); д. 346 (М. К. Ветошкин); д. 411 (А. А. Воронин); д. 493 (Н. К. Гончаров); д. 518 (Л. А. Гребнев); д. 550 (М. А. Гусев); д. 596 (К. Я. Дирик); д. 745 (Б. И. Иванов); д. 909 (М. Н. Коковихин); д. 953 (В. Е. Косоротов); д. 1031 (М. М. Кульков); д. 1077 (М. А. Лебедев); д. 1159 (Ф. Ф. Лякуткин); д. 1542 (В. И. Полонский); д. 1599 (С. Ф. Реденс); XXX (А. Г. Ремейко); XXX (И. Г. Рудаков); д. 1683 (А. Н. Рябов); д. 1717 (П. Ф. Сахарова); д. 1797 (М. И. Смирнов); д. 1890 (Ф. Ф. Сыромолотов); д. 2018 (В. В. Фомин); д. 2083 (А. А. Чевардин); д. 2988 (А. А. Черепанов). О культуре радикальных рабочих, в том числе о кружках чтения, см.: Reginald E. Zelnik, «Russian Bebels: An Introduction to the Memoirs of Semen Kanatchikov and Matvei Fisher», part 1, *Russian Review* 35, № 3 (July 1976), с. 249–289, part 2, *Russian Review* 35, № 4 (October 1976), с. 417–447; Reginald E. Zelnik, ed., *Workers and Intelligentsia in Late Imperial Russia: Realities, Representations, Reflections* (Berkeley, University of California Press, 1999); Zelnik, «On the Eve: An Inquiry into the Life Histories and Self-Awareness of Some Worker-Revolutionaries» в: Lewis H. Siegelbaum, Ronald Grigor Suny, eds., *Making Workers Soviet: Power, Class, and Identity* (Ithaca: Cornell UP, 1994), с. 17–65; Mark D. Steinberg, *Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925* (Ithaca, Cornell University Press, 2002); Michael Melancon and Alice K. Pate, eds., *New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia* (Bloomington: Slavica, 2002); Deborah Pearl, *Creating a Culture of Revolution: Workers and the Revolutionary Movement in Late Imperial Russia* (Bloomington: Slavica, 2015), особ. с. 57–239 о том, что читали члены кружков. О революционерках см.: Anna Hillyar, Jane McDermid, eds., *Revolutionary Women in Russia 1870–1917: A Study in Collective Biography* (Manchester: Manchester University Press, 2000).

⁷⁰ Аросев, *На боевых путях. Продолжение*, с. 93–94.

песни, слушать доклады, вести диспуты. Но все это регламентировалось «конституцией», то есть соблюдался большой порядок, за которым наблюдали выбранные политическими заключенными старосты камер. Были определенные часы тишины и групповых прогулок во дворе. [...] В нашей камере всегда былолюдно. В те дни в тюрьме сидели в большинстве социал-демократы, но были эсеры и анархисты. Часто приходили в нашу камеру из других камер, чтобы послушать Я. М. Свердлова⁷¹.

Свердлов знал, а Аросев узнал довольно скоро, что «положение в тюрьме – лишь прямое отражение соотношения сил борющихся на воле». Многие зависело от места, времени, приговора, надзирателя и социального статуса заключенного. Орехов (бывший пастух, выливший кипящие щи на голову владельца ящичной мастерской) описывает «вывертывание рук», «посадку в мешок», кормление «тертым мелким растворенным стеклом», а также эпизод, когда «от одного удара лежал около восьми часов без памяти, который был нанесен в голову». Донской казак Валентин Трифонов носил в тюрьме зимнее пальто, чтобы смягчать удары надзирателей. По словам его сына Юрия, «каторжане непрерывно против чего-то протестовали: против того, что начальство обращалось к ним на ты, против требования тюремщиков приветствовать их словами «здравия желаю» и снимать шапки, против телесных наказаний, против насильственной стрижки волос, против «подаванцев» то есть подававших прошения с просьбой о помиловании и снижении сроков»⁷².

Регулярно происходили мятежи, побег, самоубийства и казни. Аросев играл в чехарду или спорил о роли личности в истории, когда «приводили из суда товарища, приговоренного к смертной казни, и мы знали, что не сегодня завтра поведут его ночью на наш двор, недалеко от того места, где мы гуляем днем, и повесят, и товарища больше не станет»⁷³.

⁷¹ Быков, «Мои встречи с Я. М. Свердловым» в: *О Якове Свердлове*, с. 50–51.

⁷² Аросев, *На боевых путях. Продолжение*, с. 94; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1429 (В. А. Орехов), л. 3 об., л. 4; Е. Бражнев (Трифонов), *Стучит рабочая кровь* (М.: Недра, 1931), с. 199; Ю. Трифонов, «Отблеск костра» в: *Собрание сочинений*, т. 4 (М.: Художественная литература, 1987), с. 9–10, 14, 32.

⁷³ Аросев, *На боевых путях. Продолжение*, с. 94.

Валентин Трифонов *Предоставлено Ольгой Трифоновой*

Но в большинстве воспоминаний тюрьму называют «университетом». «Именно на каторге, – пишет Кон, – я провел лучшие годы своей жизни. Здесь я пополнил свои знания, здесь испытал свои силы в длительной, упорной борьбе, здесь, в постоянном общении с другими заключенными, я научился отличать громкую фразу от дела, прочные и стойкие убеждения от мимолетного увлечения. Здесь, наконец, я научился оценивать и свою жизнь, и жизнь других со стороны пользы для дела». Осинский и Бухарин жили «душа в душу» в одной камере, а Платон Керженцев, который победил Осинского в школьных дебатах о декабристах, «прощудировал основательно легальную и нелегальную литературу» и «вышел из тюрьмы, лучшего университета в жизни, большевиком». Иосиф Таршис (Осип Пятницкий) научился читать «по определенной системе под руководством товарища, знавшего революционную марксистскую литературу». Григорий Петровский «прочел лучшие тогда марксистские книги, занимался арифметикой, геометрией и немецким языком»⁷⁴.

⁷⁴ Кон, *За 50 лет*, т. 2, с. 6; *Деятели СССР*, с. 439, 571, 582; О. Пятницкий, *Записки большевика* (М.: Партиздат, 1936), с. 43.

Тюремные университеты учили большевика оценивать жизнь со стороны пользы для дела. Но в первую очередь они учили его жизни. Если вера в приход революции была тверда, а «ключ к пониманию окружающей действительности» найден, то любые занятия арифметикой, геометрией и немецким языком шли на пользу дела. Чем больше большевик знал, тем лучше он различал «движущие силы» вселенной и «чарующий отблеск» приближающейся зари.

Во время первого пребывания в тюрьме, не имея в своем распоряжении ничего, кроме тюремной библиотеки, Канатчиков прочитал «Тургенева, Успенского, Достоевского, Шпильгагена («Между молотом и наковальней»), Щедрина и других». Особенно ему понравился Щедрин. «Читая его «Письма к тетеньке», я так сильно хохотал, что надзиратель не раз открывал форточку и долго смотрел мне в лицо, полагая, по-видимому, уж не рехнулся ли я в уме». Ко времени второго ареста у него было больше опыта, сознательности и товарищей. Фаина Рыкова, сестра студента-революционера Алексея Рыкова, принесла ему годовой запас книг.

Особо систематического подбора не было, но это было и не существенно, мне хотелось все знать, что прямо или косвенно содействует делу революции. А книги были подобраны определенного характера. Помню, в моем ассортименте были: «История первобытной культуры» Липперта, лекции по русской истории Ключевского, «Популярное изложение теории Дарвина» Тимирязева, «Политическая экономия» Железнова, «Развитие капитализма в России» В. Ильина. Я тогда не знал еще, что это псевдоним Ленина⁷⁵.

Воронский начал с Маркса, Кропоткина, Бальзака, Флобера и Достоевского, но, оказавшись в полуподвальной камере с мокрицами, дал себе послабление. «Вечером и утром – гимнастика, обтирание, три часа – на немецкий язык; остальные часы я отдавал Гомеру, Диккенсу, Ибсену, Толстому, Лескову, ленивым и вялым мечтаниям, неторопливым размышлениям и воспоминаниям»⁷⁶.

Яков Свердлов был неспособен на вялость и неторопливость. Он быстро ходил, громко разговаривал, занимался гимнастикой по «системе Мюллера», спал не более пяти часов в сутки и вел собственную «статистику потребления» (10 папирос, один казенный обед, одна бутылка молока, фунт белого хлеба, три чашки чаю в день, от 4 до 6 фунтов сахара в месяц). В екатеринбургской тюрьме он играл в чехарду и читал Ленина, Маркса, Каутского, Плеханова и Меринга, а также Вернера Зомбарта о капитализме, Поля Луи о социализме, Сиднея и Беатрис Уэбб о тред-юнионизме, Шарля Жида о кооперации и Виктора Кларка о рабочем движении в Австралии. Он читал по-немецки, занимался французским и математикой и учил английский по самоучителю. Благодаря хорошему знанию «Капитала», «Что делать?» и переписки Маркса с Энгельсом он с пользой читал журнальные статьи о женском вопросе (автор «вполне правильно связывает указанный процесс развития индивидуума с капиталистическим производством, приведшим женщину к экономической независимости») и спорте («в различные исторические периоды спорт носил характер, соответствовавший потребностям господствующих классов»), а также самую разнообразную поэзию, от «пролетарских поэтов» до Шелли, Верхарна, Верлена, Бодлера, По, Кипплинга и особенно Гейне. «Литература, искусство сильно занимают, – писал он в одном из писем. – Они помогают понимать теоретически познанное развитие человечества». По словам его жены и товарища по партии Клавдии Новгородцевой, его девизом было «книгу проверять жизнью, жизнь – книгой»⁷⁷.

⁷⁵ Канатчиков, *Из истории моего бытия* (М: Земля и фабрика, 1929), с. 106. Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 2 (М: Московское товарищество писателей, 1934), с. 89.

⁷⁶ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 165; т. 2, с. 5–6.

⁷⁷ С. Свердлова и др., «Брат» в: *О Якове Свердлове*, с. 28; Я. Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1 (М.: Госполитиздат, 1957), с. 172–173, 223, 255, 256, 258–62; К. Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 19, 93–94.

В марте 1911 года, когда Свердлов находился в Петербургском доме предварительного заключения, а Новгородцева ждала ребенка, он занялся изучением «различных воззрений на половой вопрос, в частности, на воспроизведение». Ей было тридцать четыре года, ему – двадцать пять. У него была семилетняя дочь от другого товарища, но он редко виделся с ними. Среди тем, которые его интересовали, были:

Постановка вопроса в идеальном государстве Платона со специальным подбором для производства потомства; «Утопия» Мора, где перед вступлением в брак каждая сторона показывается другой без одежды; новейшие воззрения, по преимуществу так называемых людей науки, во главу которых надо поставить Фореля, по которому наиболее целесообразен предварительный медицинский осмотр, задача которого исследовать подробно состояние всего организма, в результате чего должно быть решение, выполнять ли функции воспроизведения или нет. Припоминается описание самого акта рождения в различные культурные эпохи, как в историях культуры, так и в беллетристике. Все приводит к тому, что «муки рождения» находятся в прямом отношении к состоянию организма роженицы: чем нормальнее организм, тем меньше боли, реже несчастные случаи и т. д. Вспоминаются различные требования разных программ, по которым на основании научных данных необходимо прекращение работы в определенный срок перед и т. д. и т. д. Думаю обо всем этом, сопоставляю и готов прийти к благоприятному выводу, но ведь я не специалист, многого, очень многого не знаю, что только специалисту доступно.

Яков Свердлов

Клавдия Новгородцева

Он продолжал проверять воспроизведение книгой, пока у них не родился сын. Новгородцева назвала его Андреем в честь партийной клички Свердлова. Когда она написала, что тело ее сильно изменилось, Яков заверил ее, что это не навсегда, и добавил, что, когда писал о деторождении в художественной литературе, то, «конечно», имел в виду Наташу Ростову⁷⁸.

* * *

Если тюрьма была университетом, то ссылка – главным экзаменом. Существовало два вида изгнания. Первый заключался в добровольном бегстве на запад, назывался «эмиграцией» и либо оставался в памяти как время частых переездов, подпольных конференций и одиночества в чужих и неинтересных городах и странах, либо забывался совсем – как время, проведенное вдали от «настоящего дела». Вторым была «административная ссылка», в которой

⁷⁸ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, 167, 175, 182; Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 119–120.

идея заточения и мученичества сочеталась с опытом создания самоуправляемого сообщества единоверцев. В большинстве воспоминаний сибирская ссылка – самое важное время в жизни революционера до пришествия революции⁷⁹.

После долгих месяцев пути под надзором более или менее нетрезвых и более или менее нестрогих солдат изгнанник попадал на край света, где встречавший его «политический» спрашивал, «бек» он (большевик) или «мек» (меньшевик), и, сообразуясь с ответом, отправлял на ночлег, угощал чаем, спрашивал о жизни на воле и вводил в местное общество. Самым значимым было отличие «политических» от всех остальных. Как писал Канатчиков, «это высокое звание революционера мы ревниво оберегали и сурово наказывали тех, кто его грязнил и принижал. Тем более что политические ссыльные здесь появились впервые и вначале местное население смешивало их с уголовными. Пришлось потратить немало усилий на то, чтобы провести резкую и отчетливую грань между нами, политическими людьми, борющимися за идею, пострадавшими за убеждения, и обыкновенными уголовными преступниками»⁸⁰.

Большинство крупных сообществ управлялись как коммуны – с комитетами, столовыми, библиотеками, хорами, кассами взаимопомощи и регулярными собраниями и обсуждениями. Государственные пособия («студенты» получали больше, чем рабочие) дополнялись посылками и местными заработками (Пятницкий рубил дрова, Воронский переплетал книги, Новгородцева вела метеорологические наблюдения, а Свердлов печатал газетные статьи о туземной жизни). Многие ссыльные учили, лечили и изучали местных жителей, но мало кто находил им место в царстве свободы. Пятницкий, женский портной из литовского местечка (по донесению полиции, «ниже среднего роста, сложения слабого, тонкий, грудь впалая»), поражался тому, как «из рук вон плохо» вели хозяйство сибирские крестьяне, и недоумевал, почему, выслушав рассказы о классовой борьбе, они «отправлялись к стражнику и спрашивали его, действительно ли дело обстоит так, как говорят политические ссыльные». Большинство исключений касались «полового вопроса». Сергей Мицкевич женился на шестнадцатилетней крестьянской девушке по имени Олимпиада, которая решила выучиться на медсестру, чтобы «быть полезной народу»; у Бориса Иванова «как-то так складывались отношения» с дочерью его хозяина, Матреной, что «из них вполне могло вырасти более глубокое чувство»; а литературный двойник Александра Воронского, Валентин, так часто и настоятельно агитировал свою хозяйку, «плечистую и дородную» вдову-староверку лет тридцати двух, что однажды, когда он на секунду замолк, она «встала, подошла к широкой двуспальной кровати с горой пуховых подушек и пышной периной, неторопливо раскрыла постель, обернулась к Валентину, спокойно и покорно сказала – «что ж, я вижу, иди уж, приголублю тебя» – и сказав это, она стала, тоже не спеша, покорно и со вздохами расстегивать пуговицы и распускать лиф»⁸¹.

⁷⁹ О ссылке в революционной мифологии см.: Могильнер, *Мифология «подпольного человека»*, с. 168–176.

⁸⁰ Канатчиков, *История моего бытия*, кн. 2 (1934), с. 225. О вопросе «бек или мек» см.: Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 71; Б. Иванов, *Воспоминания рабочего большевика* (М.: Мысль, 1972), с. 92.

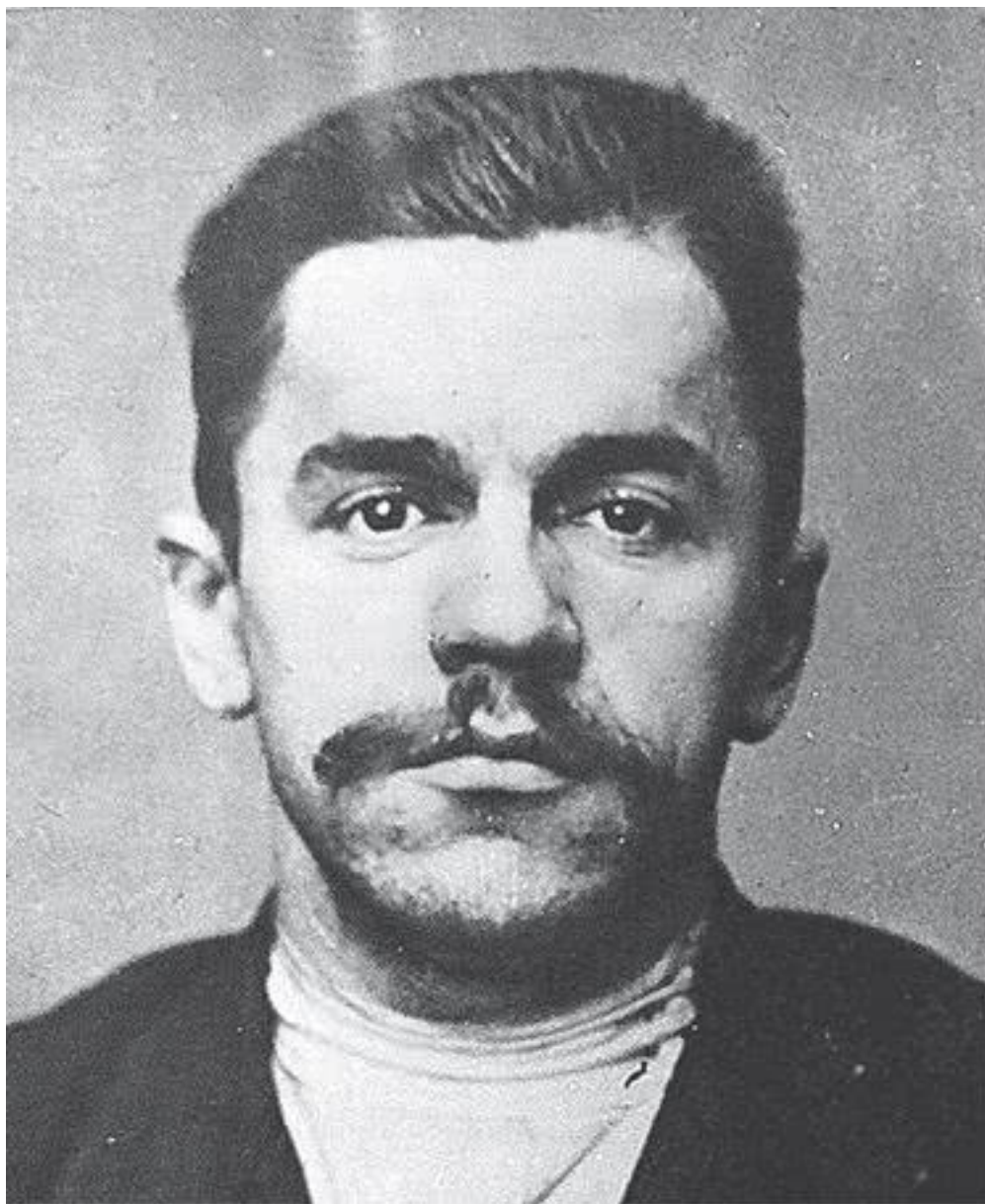
⁸¹ Kanatchikov, *A Radical Worker*, с. 364; Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 124, 193–194; В. Пятницкий, *Осин Пятницкий и Комитет на весах истории* (Минск, Харвест, 2004), с. 29; Пятницкий, *Записки*, с. 244–251; РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 1308 (О. Н. Мицкевич), л. 3; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 74, 180.

Александр Воронский

Осип Пятницкий

Борис Иванов

Но чаще всего они ухаживали друг за другом, женились (неофициально) друг на друге и о классовой борьбе говорили друг с другом. Некоторые ссыльные обменивались уроками, но обычно студенты были учителями, а рабочие учениками. Валентин Трифонов, донской казак-сирота и железнодорожный рабочий, говорил, что всему (в том числе «просто культуре») научился от другого ссыльного, Арона Сольца. Борис Иванов, «малограмотный и политически недостаточно развитый» пекарь (как он сам себя описывал), брал у Свердлова уроки алгебры, геометрии, политэкономии, русского языка и «элементарной грамотности и политического развития». Ссыльные гуляли, говорили, отмечали революционные праздники, ждали новоприбывших и много читали (некоторые издатели снабжали их бесплатными экземплярами). «Несмотря на административные стеснения, мы жили довольно привольно, – писал Воронский. – Кругом нас были снега, льды, море, река, скалы, грубоватый, но крепкий и здоровый поморский быт. Нам присылали бесплатно газеты, журналы, книги. Дни проходили однообразно, но не томительно, по крайней мере, в первый год ссылки. Мы часто собирались, спо-

рили, получали исправно нелегальную литературу, полиция нам докучала, но не очень назойливо. Полицейский надзиратель и стражники нас побаивались»⁸².

Главным врагом ссыльных была меланхолия. «А как, спрашивается, было не хандрить и не тосковать, – писал Пятницкий, – когда никогда не видишь живых людей, не занимаешься живым делом, хотя ты и «на воле», а кругом тебя восемь месяцев лежит снег, на который глазам больно смотреть, ходить же можно только по дороге, иначе рискуешь провалиться в снег, покрывающий землю на два аршина». И как не впасть в уныние, писал Борис Иванов, «когда несколько месяцев подряд солнце прячется за горизонтом, а бледный, пасмурный, хмурый день блеснет лишь на полчаса-час, и опять стоит многомесечная темная ночь»⁸³.

Некоторые опускались, спивались и впадали в сомнения. Местные крестьяне докучали визитами. По словам Свердлова, «придут, усядутся, помолчат с полчаса и вдруг поднимутся: «Ну, надо итти, до свидания!» Проезжие кочевники заходили, чтобы «подивиться, что так быстро бегают перо по бумаге, и так много написано, стоят, глядят через плечо, ну как тут писать, а писать необходимо»⁸⁴.

Постышеву не всегда удавалось писать Белоконской. «Сколько раз я садился за письмо в самую тяжелую минуту грусти, чтобы поделиться с Вами своим одиночеством, но ни одного письма я не мог отправить Вам. Дорогая, многоуважаемая Любовь Матвеевна, если бы Вы знали, как я страдал, то Вы извинили бы мое молчание»⁸⁵.

Одна из форм одиночества – вынужденное общение. Весной 1914 года Свердлова перевели в заполярную Курейку, где единственным ссыльным был «грузин Джугашвили». «Парень хороший, – писал Свердлов, – но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда». Месяц спустя он вернулся к этой теме: «Что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех мелочах. Хуже всего, что только со стороны «мелочей жизни» и виден. Нет места для проявления крупных черт. Мы с товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся». Полгода спустя, переехав на новое место, он писал Новгородцевой: «Ты же знаешь, родная, в каких гнусных условиях я был в Курейке. Товарищ, с которым мы были там, оказался в личных отношениях таким, что мы не разговаривали и не видались. Было скверно. Тем более скверно, что по целому ряду соображений я не занимался, да и не мог заниматься ничем. Я дошел до полной мозговой спячки, своего рода мозгового анабиоза»⁸⁶.

(Спустя три дня Джугашвили писал Татьяне Словатинской, на квартире которой он жил в Петрограде перед арестом: «Милая, нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но... деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедленно, телеграфом, нет мочи ждать больше».)⁸⁷

Соседство с другом приносило облегчение, но не избавляло от меланхолии. Филипп Голощекин (урожденный Шая Ицков, известный как Жорж) «немало содействовал» пробуждению Свердлова. «Он человек довольно живой. У него возникает куча вопросов, которые он пытается разрешать беседами... Все же не думай, что так уже хорошо вдвоем, что у нас тут живая товарищеская атмосфера. Ведь нас только двое». Местные крестьяне не считались. Голощекин делался все раздражительнее. «Он стал форменным неврастеником и становится мизантропом. При хорошем отношении к людям вообще, к абстрактным людям, он безобразно

⁸² Трифонов, *Отблеск костра*, с. 21; Иванов, *Воспоминания*, с. 101; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 85–86.

⁸³ Пятницкий, *Записки*, с. 249; Иванов, *Воспоминания*, с. 95, 153.

⁸⁴ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 204, 268; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 177–178; Канатчиков, *История моего бытия*, кн. 2 (1934), с. 224.

⁸⁵ Павел Постышев, с. 51.

⁸⁶ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 268, 276–7, 298.

⁸⁷ Джугашвили цит. по: Ю. Трифонов, *Из дневников и рабочих тетрадей*. «Дружба народов» 6 (1998), с. 114.

придирчив к конкретному человеку, с которым ему приходится соприкасаться. В результате – контры со всеми. Конечно, кроме меня, ибо я-то хорошо знаю, какой это хороший парень, какая хорошая душа у него». Наконец они расстались – «не думай, что после ссоры с Ж. Ничего похожего. Мы по-прежнему нераздельны. Но отдельная квартира все же лучше». Разные люди живут по разным расписаниям, «а я не могу еще писать интимных писем, когда есть в комнате кто-либо бодрствующий»⁸⁸.

Свердлов часто писал интимные письма. «А знаешь, детка, – писал он Новгородцевой из Курейки вскоре после того, как они с Джугашвили перестали разговаривать, – я право же сильно, сильно люблю тебя, и даже очень, очень сильно. Ты спишь и не слышишь? Ну спи, спи, родная, не буду мешать. Эх-ма!». Прошел год с рождения Андрея, а он еще не видел ни сына, ни жены (некоторые большевики не одобряли слова «жена», но Свердлова это не останавливало).

И я настолько не отрываю своего существования от твоего, так часто в душе говорю с тобой, что и для меня как-то странно, что мы так долго не виделись. Но как хочется все же быть около, поглядеть на тебя и детишку воочию. Сознаюсь, гораздо больше желание быть с тобой, ты занимаешь мои мысли больше, ты, ты и ты, и еще раз ты, а потом наш детка. Не понимай меня превратно. Да, мне хочется твоей ласки, сознаюсь, иногда до боли хочется, и я не вижу в этом ничего дурного. Так хочется положить голову к тебе на колени, смотреть, смотреть без конца в твои так сильно дорогие, близкие, милые черты лица, вглядываться в твои глаза, превратиться в маленького-маленького и чувствовать прикосновение твоей руки к волосам, да, невыразимое наслаждение в этом. Но еще больше, сильнее всего хочется передать тебе все свои переживания, все свои думы, в самой передаче почерпнуть новые силы, сделать так, чтобы и тебя полностью захватило мое настроение, слиться в одном настроении... Хочется ласкать тебя, заботиться о тебе, сделать жизнь твою полной бодрости, радости... Много хочется дать. Но что я могу?⁸⁹

В те же дни подопечный Свердлова Борис Иванов писал «далекому другу» Блюме Факторович. «Я пишу Вам письмо в сумерках. Вы стоите передо мной в моей хижине, как когда-то на нашей новогодней вечеринке в рабочем клубе. Шапка черных волос лежит короной, а черные, жгучие глаза искрятся при свете огней». Письмо заканчивается стихотворением.

Поцелуем одним мы с тобой встретим год,
Не для нас эта ночь ликований,
Поцелуем, как братья, борясь за народ,
Что томится под гнетом страданий.
Не завидуй веселью, мы выпьем до дна
Чашу слез и тоски безысходной.
Может быть, там, где полны бокалы вина,
Упиваются скорбью народной.
Может быть, в этот час, где разбита любовь,
Где разгульное счастье резвится,
Не вино ярко блещет, а слезы и кровь,
Кровь народная в кубках струится⁹⁰.

⁸⁸ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 278, 298, 301; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 484 (Ф. И. Голощекин), л. 14–14 об.

⁸⁹ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 281, 214–215.

⁹⁰ Иванов, *Воспоминания*, с. 151–152, 154.

По другую сторону Урала Воронский пил из той же чаши:

Длинными докучными вечерами я много читал – до одурения, топил печь, приспуская лампу. Березовые дрова шипели, сухо трещали и щелкали, подобно разгрызаемым орехам. Кругом бродили уродливые мохнатые тени. О минувшем и угасшем напоминали покрывавшиеся серым пеплом угли. Далекой и невозвратной казалась недавняя жизнь в столицах и больших городах... Оживали пленительные женские образы, эта вереница страстей, превращенных в одни лишь бесплотные, ускользающие тени. Я спешил истопить печь, гремел заслонками, одевался, оглядывал полутемную комнату тоскливым и потревоженным взглядом, шел к Вадиму, к Яну, к Валентину. Темные небесные глубины подавляли своей пугающей безмерностью⁹¹.

Даже Свердлов, чьи «жизнерадостность и оптимизм» были, по словам Иванова, «главной поддержкой слабых», порой впадал в отчаяние. В конце декабря 1911 года, когда его «почти без перерыва» знобило, сильно распухла нижняя губа и несколько недель не было писем, он писал Новгородцевой: «Вчера было так плохо, что охота была заплакать, заохать, не мог заснуть, напрягал все усилия, чтобы не распуститься, сдержал себя, но дошел до того, что пожалел об отсутствии брома или какого-нибудь снотворного, не уверен, что удержался бы от принятия»⁹².

Впрочем, такое случалось редко, и за ночами отчаяния следовали слова обновленной веры. «Будут светлые дни. Верь в это твердо, будь полна этим», – писал Свердлов жене, друзьям и сестрам. И они верили. Видения Воронского и хандра Пятницкого исчезали «в беседах с товарищами», а письмо Иванова о многомесячной ночи заканчивалось описанием «небесных глубин». «Небо усыпано бесчисленными звездами, и здесь они светят так ярко, как не светят у нас или на юге. Разбегаются причудливые полосы северного сияния, похожие на лучи прожектора, а то вдруг встанет от земли до неба белый огненный столб или взметнется сноп синих, красных и фиолетовых огней»⁹³.

Постышев тоже находил утешение в природе (и беллетристике):

Трудно для меня описать всю прелесть этих гор, когда они бывают позолочены восходящим солнцем и над ними высоко-высоко сверкает бирюзовое небо, и так близко к земле прильнула пылающая заря, что вот-вот загорится земля. А когда заходит солнце, то я предпочитаю гулять между гор, по «падам» – так они здесь называются. Тогда эти горы подернуты синеватой дымкой, а небо будто касается их верхушек, и сквозь сосны сверкают лучи заходящего солнца. Что-то волшебное представляется тогда взору, и душа наполняется чем-то неземным, и жить тогда хочется и обнять всех хочется, простить всем и чтобы самому все было прощено⁹⁴.

Ни настоящий большевик, ни северная природа не могли долго пребывать в таком состоянии. В 1913 году «великий пролетарский праздник Первое мая» застал Постышева в тайге.

Шум гигантов деревьев как будто бы победный гимн миллионной армии пролетариата. Эта дикая, но величественная музыка проникала в самую глубь нашего сердца. Мы стояли и слушали эту могучую победную песню. Аккорды

⁹¹ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 181–182.

⁹² Иванов, *Воспоминания*, с. 95; Свердлов, *Избранные произведения*, с. 208.

⁹³ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 215; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 182; Пятницкий, *Записки*, с. 249–250; Иванов, *Воспоминания*, с. 153.

⁹⁴ Павел Постышев, с. 57.

этой песни менялись, до наших ушей долетал то пронзительный вопль, полный злобы и мщения, то как будто бы тяжкий вздох целой огромной, огромной армии⁹⁵.

Для Свердлова победа означала воссоединение с Новгородцевой и пришествие настоящего дня. Первое произошло раньше: в 1912 году они ненадолго встретились на Оби, а в мае 1915-го, через два года после рождения дочери Веры, Новгородцева переехала к Свердлову в село Монастырское на Енисее. Борис Иванов вспоминал о своем первом впечатлении от их дома:

Лес подступал почти к самому дому множеством низкорослых елок и кустарников. В доме три комнаты и четыре окна, все в сторону леса. Обстановка самая простая: деревянные скамьи, стол с белой скатертью, на небольшом столике стопка книг. Среди них я увидел первый том «Капитала», книгу на немецком языке и раскрытый номер журнала «Русское богатство». На подоконнике лежала объемистая груда газет.

Черноглазый мальчик лет шести, в белом полотняном костюме, с любопытством смотрел на меня.

– Адя! Что ты тарачишь глаза? Товарищ прибыл из Питера. Познакомься, – говорил Свердлов, слегка подталкивая ко мне мальчугана. – А это мой зверек, – с улыбкой представил мне Свердлов сына⁹⁶.

Андрею (Аде) Свердлову было четыре, а не шесть, но он уже успел побывать в гостях у отца в томской тюрьме и пожить с матерью в двух ссылках. Чтобы у детей было свежее молоко, Свердловы купили корову.

Свердлов вставал около шести утра и шел на реку делать метеорологические измерения (входившие в обязанности Новгородцевой).

Вернувшись с Енисея [пишет Новгородцева], Яков Михайлович колол дрова, задавал корм корове, убирал навоз, затем топил печку, кипятил воду и готовил завтрак. Часов в восемь вставали ребята. Яков Михайлович умывал и одевал их. Возня с ребятами также осталась за ним, и, несмотря на мои протесты, он не давал мне в это дело вмешиваться. Примерно в половине девятого мы завтракали, и я уходила по урокам. В это время и к Якову Михайловичу приходили ученики – ребята местных жителей. Часов в двенадцать он освобождался и принимался за приготовление обеда. Готовил он превосходно.

Главными блюдами в Монастырском были мороженая рыба (строганина) и пельмени из оленины. И Новгородцева, и Иванов утверждают, что Свердлов был непревзойденным мастером в изготовлении фарша. Иванов, пекарь по профессии, был «художником» в деле лепки.

Обедали мы обычно около двух, после чего я мыла посуду, это право я с боями отвоевала себе, затем мы вместе занимались починкой одежды, штопкой и, если приходило время, стиркой. Освобождался Яков Михайлович от всяких домашних дел часам к пяти-шести, а уже около семи у нас обычно начинал собираться народ.

Из двадцати ссыльных, живших в Монастырском, постоянными гостями были человек десять. Пока Свердлов «священнодействовал» у плиты, остальные под руководством Иванова

⁹⁵ Там же, с. 50.

⁹⁶ Иванов, *Воспоминания*, с. 92.

лепили пельмени. «Веселью и шуткам не было конца, однако спиртного за столом никогда не бывало. Яков Михайлович совершенно не пил ни водки, ни вина»⁹⁷.

Политические мероприятия не разрешались, но зимой, по словам Иванова, стекла в окнах «покрывались толстым слоем льда. С улицы нельзя было увидеть, что делается в доме, а из дома не видно было, что происходит на улице. Только свет керосиновой лампы пробивался сквозь промерзшие стекла... Собирались ссыльные большевики в небольшой комнате, обстановка которой не предвещала лекции или доклада. На столе стоял чайник с горячим чаем, Валентина Сергушева разливала его в кружки, а у стола в непринужденных позах сидели гости. Некоторые, впрочем, лежали на оленьих шкурах, брошенных на пол неподалеку от железной печки, в которой горели кедровые дрова. В полумраке комнаты едва виднелись лица собравшихся»⁹⁸.

После лекций ходили гулять. Любимым занятием было пение, а любимыми песнями – «боевые гимны революционного пролетариата той поры».

Нередко во время прогулки начиналась веселая, шумная возня, порою перераставшая в нешуточные сражения. С азартом швырялись снежками, валили друг друга в сугробы, и плохо приходилось тому, кто зазеваается, не увернется вовремя от ловкого удара противника.

Инициатором и заводилой наших забав и сражений обычно оказывался Яков Михайлович. Он с таким азартом наступал на противника... что тот непременно оказывался втиснутым в сугроб, а сидевший на поверженном противнике Свердлов сыпал ему за шиворот полные пригоршни снега.

– Пошли чай гонять! – громко провозглашал Яков Михайлович, и, усталые, покрасневшие, веселые и шумные, мы возвращались всей компанией к нам. Тут все брались за работу: кто ставил самовар, кто доставал посуду, кто накрывал на стол. Начиналось чаепитие. И снова текла веселая, непринужденная беседа, а в соседней комнате давно уже крепко спали привыкшие к любому шуму Андрей и Верушка.

⁹⁷ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 194–197. См. также: Иванов, *Воспоминания*, с. 96.

⁹⁸ Иванов, *Воспоминания*, с. 107–108.

Ссылные в Монастырском. Свердлов сидит в первом ряду в белой рубашке. Новгородцева и Андрей Свердлов в первом ряду слева. Между ними (в шляпе) – Григорий Петровский. Джугашвили (Сталин) стоит в заднем ряду в черной шляпе, в центре рядом с ним Лев Каменев. Справа в кожаном пиджаке – Филипп Голощекин

Часам к девяти-десяти все отправлялись по домам, а Яков Михайлович садился за работу. Теперь, поздним вечером и ночью, для него наступала самая напряженная часть суток. Не менее четырех-пяти часов он сидел над книгами и материалами. Читал, конспектировал, делал выписки и заметки, писал. Ложился он не раньше часа-двух ночи, а в шесть-семь часов утра уже снова был на ногах⁹⁹.

Ссылка ассоциировалась со страданием и душевной близостью и воспринималась как эпическое столкновение «мира лжи» и «первобытной гармонии». «Пропасть между разумом и внеразумным создает уродливая общественная жизнь», – думал Воронский, «бродяжничая по лесным прогалинам и взбираясь на скалы»¹⁰⁰.

Лишь при социализме устранится коренное противоречие между сознанием и бессознательным. Совершится скачок из царства необходимости в царство свободы, то есть не будет трагических разрывов между сознанием и бессознательным: разум подчинит себе стихию, но будет и сам связан с ее могучими силами¹⁰¹.

А до тех пор память об изгнании будет служить залогом грядущего освобождения и священной связью между «соратниками, совольниками и друзьями».

⁹⁹ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 196. О ссылке в Нарым см.: Э. Хазиахметов, *Большевики в нарымской ссылке* (Новосибирск; Западно-Сибирское книжное издательство, 1967).

¹⁰⁰ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 184, 186.

¹⁰¹ Там же, с. 7.

Они для меня и семья, и родина, и милое прошлое, и славное будущее. Они цветут сейчас в моей душе, подобно редким цветам на горных склонах по соседству уже со снегом. За верное вольное содружество, за крепкие рукопожатия, за товарищеские беседы во вьюжные вечера, за смех, за шутку, за смелость, за дерзкость, за неугомонные кочевья, за готовность помочь друг другу ценою жизни, за горячую веру-уверенность в самые горькие годы, за нашу чудесную единственную отважную ватагу!..¹⁰²

* * *

Соратники, совольники и друзья принадлежали к подпольным «партиям» глашатаев царства свободы. Отличительной чертой революционера, по словам Воронского, была «привычка делить людей на два лагеря: своих и чужих».

Свои – это подполье, тайный, замкнутый круг добровольной и железной порукой скрепленных людей, со своими понятиями о чести, о праве и справедливости. Круг невидимый и незримый, но всегда властно ощутимый, воинствующий и непреклонный. Он – как вулканически поднимающийся остров среди океана. Все остальное, многоликое, огромное, житейское – враждебно. Все остальное нужно переделать, перекроить, оно достойно гибели, оно ненавистно, оно сопротивляется, преследует, изгоняет, ловит, живет своей жизнью. И я учился презирать все, что за пределами моего тайного сообщества и совольничества¹⁰³.

Первая часть воспоминаний Воронского вышла в «Новом мире» в 1927 году. Некоторые критики возражали против растянутых «размышлений», но, как писала жена Воронского, «по содержанию это произведение не может вызвать какие-либо возражения». Горький назвал его «голосом настоящего революционера, который сумел о себе рассказать как о настоящем живом человеке, а не как об инструменте или орудии истории». Публикация была одобрена цензурой согласно резолюции Молотова (бывшего Скрябина) на основании заключения Керженцева (бывшего Лебедева), под «ответственной редакцией» Канатчикова (бывшего рабочего Густава Листа). Революционер из подполья в изображении Воронского не вызвал каких-либо возражений¹⁰⁴.

Я проходил по Невскому. Сверкающие витрины магазинов, кареты и рысаки, цилиндры и котелки возбуждали во мне чувство превосходства. Я думал: вот господин с пушистыми усами, в английском пальто с искрой, вот женщина с дородным телом и свежим лицом, шуршащая шелком... они могут зайти в магазин, небрежно выбрать дорогую вещь, приказать отправить ее посыльным домой, сидеть вот в этом ресторане, вечером в ложе слушать оперу, потом ужинать, расправляя хрустящую, туго накрахмаленную салфетку. У меня в кармане полтинник, на мне рваное осеннее пальто и стоптанные рыжие ботинки, но это мне все равно: я творю волю неведомых и неукоснительно идущих к своей разрушительной цели людей. Я тоже принадлежу к их тайному братству. За стеклом витрины переливаются радугой самоцветные камни – это для них, для вас, холеные, сытые, довольные.

¹⁰² Там же, с. 86.

¹⁰³ Там же, с. 268.

¹⁰⁴ Там же, с. 5; Е. Динерштейн, А. Воронский, *В поисках живой воды* (М.: Росспен, 2001), с. 271–272.

А у меня туго стянут пояс, под пиджаком хрустят кипы листовок. Это тоже для вас. Пожалуй, это не хуже динамита, браунинга. Вы проходите мимо меня, толкаете, но вы не знаете, что знаю я, вы не подозреваете, не догадываетесь об опасностях; они стерегут вас. Я сильнее вас и могущественней, и мне весело ходить среди вас незамеченным¹⁰⁵.

У мира, жившего своей жизнью за пределами тайных партий, было много лиц и названий. Хуже всех были «обыватели» – люди, чьи «мнения, мысли, пересуды и желания мелки и ничтожны», и нелюди, обреченные на «плотоядие, чавканье, обжорство с тянучей слюной и икотой, елейность вместе со зверством»¹⁰⁶.

Бывал ты когда-нибудь в мясных рядах? Висят свиные, коровьи туши. На прилавках, на телегах, повсюду – куски сала, желтого жира, запекшейся крови, в стороны летят осколки костей, ошметки мозгов, собирая своры собак. Фартуки коробятся от крови. Вонь, разложение, душные, сладкотошноватые трупные запахи. Мне всегда кажется, что это – овеществленные чувства, надежды, мысли нашего растеряевца, окуровца, миргородца, – что это он сам, в самых своих сокровенных помыслах. Это его жизнь и быт. Погляди на него. С каким упоением копошится он, ворошит эти куски мяса, сала! Глаза становятся масленистыми, нижняя губа отвисает, слюна наполняет нечистые зловонные рты, он плотоядно щерится, растопыривает локти, боится, как бы у него не вырвали, не перекупили облюбованный кусок. Толкни его в это время, задень его нечаянно локтем, он ухлопать тебя готов на месте. Я видел людей, стоящих у мясных лавок с затуманенными глазами, с дрожью в пальцах: они смотрели на прилавок, на куски, как смотрят на голых женщин. Преувеличение?.. Пойди и проверь, но внимательно проверь¹⁰⁷.

«Обыватель» – штатный антипод «интеллигента». Заштатная Россия (Гоголя, Горького, Успенского) – его среда обитания. Превратив обывателя в угнетателя, социалисты приговорили его к смерти во имя марксистской неизбежности. Главной опасностью была способность гидры отрачивать новые головы. Главной метафорой служило «болото», которое прикидывалось твердой почвой и тихо просачивалось в дома, души и тайные сообщества. Родной Тамбов напоминал Воронскому тайное место, где он в детстве читал, сидя на дереве.

Снизу поднимались душные испарения, болото пучилось, урчало, гнило, вздувало пузыри, покрывалось мутной мертвой пленкой, зловонно дышало, кишело мириадами мошек, жирных и мягких головастика, водяных пауков, красных козявок, лягушек, – болото хлюпало и шелестело камышом, осокой. Дальше, если пробраться по неверным кочкам в его глубь, разверзались трясины, – в них погибали случайно забредшие телята, коровы и лошади¹⁰⁸.

Эсеры надеялись, что революция спасет Россию от удушья. Марксисты приветствовали потоп и пугали обывателей словами Энгельса: «Вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, наслаждаться блеском созданного вами величия. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте, что «Палач стоит у порога». Меньшевики отводили роль палача пролетариату; боль-

¹⁰⁵ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 89–90.

¹⁰⁶ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 268, 303.

¹⁰⁷ Там же, с. 300–301.

¹⁰⁸ Там же, с. 266–267.

шевики (некоторые из которых узнавали в цитате заимствование из Гейне) требовали ее для себя¹⁰⁹.

Валентин, литературный двойник Воронского, рано стал большевиком.

Третий ангел вострубит, и не может не вострубить. И тогда мы устроим всем этим возжаждавшим всласть пожить с жирком, с навозцем, с гряздой, с законными изнасилованиями некое светопреставление. Мы покажем им, чего стоят категорические императивы и гражданские плащи. Вспомняем и альбомчики с повешенными, и библиотечки любительские о них. Все вспомним: и неоправданные детские слезы, и загубленную юность на задворках и в подвалах, и погибшие таланты, и материнское горе, и Сонечку Мармеладову, и Илюшечку, и всех, кто качался на перекладинах, когда солнце посылает свои первые безгрешные лучи¹¹⁰.

Валентин был человеком из подполья. Не все большевики узнавали его аллюзии и одобряли его рефлексию, но все жили его пророчеством. Залогом победы революции была сила ненависти. Она очищала душу и разливалась, как половодье. «Она несется к вратам нового царства, орошая свой путь человеческой кровью, оставляя позади себя смерть, стенания, проклятия. Мимо трусов, мимо жалких душонок, увлекая смелых, отважных и крепких». Ненависть – оружие слабых. «Человеку надо возвратиться в свой потерянный рай, и он возвратится, найдет его, но уже не как раб природы, не как созерцатель, а как свободный господин, властитель и творец»¹¹¹.

Подпольные революционеры делились на партии в зависимости от отношения к предопределению и свободе воли. Речь шла не о выборе, а о пропорциях: никто не проповедовал безбрежную стихийность и не противопоставлял «сознательность» исторической неизбежности. Никто не отказывался от взаимного родства, и все обвиняли друг друга в измене. Группы единомышленников называли себя «партиями», но не считали себя политиками. Ленин называл большевиков «партией нового типа». Валентин возражал. «Какая мы партия? – спрашивал он. – Партия на Западе, в Америке. Все они, не исключая и социалистов, не идут дальше законом признанной борьбы за реформы. А мы – войско, мы – люди огня и меча, мы – бойцы, разрушители»¹¹².

Партиями принято называть организации, конкурирующие за власть в рамках данного общества (или, по определению Вебера, «за власть для лидеров с целью получения идеальных или материальных преимуществ для активных членов»). Ни одна из социалистических партий начала XX века не конкурировала за власть в Российской империи. Их целью было уничтожение этой империи во имя «царства свободы», понимаемого как жизнь без политики. Это были группы единоверцев, противостоящие развращенному миру, посвятившие себя униженным и оскорбленным и объединенные чувством избранности и идеалами братства и аскетизма. Иначе говоря, это были секты¹¹³.

«Секты» как добровольные ассоциации взыскующих града принято противопоставлять «церквам» как бюрократическим организациям с наследуемым членством. Вариантом этого подхода является классификация «религиозных» сообществ по признаку степени отрицания мира – от горстки беженцев или бунтарей до хорошо интегрированных идеологических корпораций. Но поскольку вопрос о том, считать ли сообщество религиозным, относится к предмету

¹⁰⁹ Ф. Энгельс, *Движения 1847 года*, <http://lugovoy - k.narod.ru/marx/04/44.htm>. Слова о палаче у порога взяты из *Ritter Olaf* Генриха Гейне.

¹¹⁰ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 305.

¹¹¹ Там же, с. 305, 267, 268, 306, 309.

¹¹² Там же, с. 304.

¹¹³ Max Weber, *Economy and Society* (Berkeley: UC Press, 1978), т. 1, с. 284.

веры, а не степени конфликта с миром, то к отличию сект от партий он отношения не имеет. Все социалистические партии начала XX века отвергали «мир насилия» и обладали структурными свойствами, связанными с сектантской самоизоляцией.¹¹⁴

Членство в такой группе делало жизнь осмысленной, целенаправленной и коллективной (особенно для большевиков – единственной социалистической секты, организованной вокруг харизматичного лидера). Но отказ от мира требовал жертв. Платой за забвение традиционных привязанностей, подчинение настоящего будущему и изгнание менял из храма были хронические приступы сомнения. Что, если отвергнутые связи истинны? Что, если будущее наступит тогда, когда от настоящего ничего не останется? Что, если «обыватели» – просто люди? Что, если жизнь в тюрьмах потрачена напрасно? «Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою?»¹¹⁵

Дилемма Иова рождается из подчинения силе, которая столь же добродетельна, сколь всемогуща. («Если действовать силою, то Он могуществен; если судом, кто сведет меня с Ним? Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня; если я невинен, то Он признает меня виновным».)¹¹⁶ Особенно остра она у тех, кто ценит самоусовершенствование не меньше самопожертвования. Личность, рожденную в муках, нелегко принести в жертву – особенно если работа по ее лепке строится на источниках, подобных бухаринским.

Автобиографический двойник Бухарина, Коля, испытал свой первый «духовный кризис», когда умер его младший брат. «Да стоит ли все остальное одной Андрюшиной слезинки? Что все поступки, добродетели, подвиги, искупления, когда нельзя вернуть прошлого?» Ответ пришел оттуда же, откуда и вопрос.

Раз Коля сидел тихо один и читал Достоевского, и вдруг напал на место, которое потрясло его до глубины души. Это было то место из «Подростка», где изображается, как люди будущего, потеряв веру в бога и бессмертие души, будут чувствовать себя без этой утешающей тысячелетней веры... Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертием, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность, и уже особенно, уже не прежнюю любовью¹¹⁷.

Автобиографический рассказчик Воронского пережил свой первый духовный кризис, когда умерла его сестра.

«Как это случилось? – думалось мне, – как же это случилось? Я стремлюсь к общечеловеческому счастью, я хлопочу о благе и довольстве других – и вот я не заметил, не знал, чем и как живет моя родная сестра. Нужна была неотвратимая близость смерти, чтобы она рассказала мне о себе... Ведь так можно дойти, пожалуй, до того, что будешь устраивать это самое вселенское братство и мять, топтать безжалостно и холодно, не замечая вокруг

¹¹⁴ Ernst Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches* (New York: Macmillan, 1931), т. 1, с. 331–43; см. также: Bryan Wilson, *Religious Sects: A Sociological Study* (New York: McGraw Hill, 1970), с. 26–28. О противопоставлении сект государству, а не церкви, см.: Bryan R. Wilson, *Magic and the Millennium: A Sociological Study of Religious Movements of Protest among Tribal and Third-World Peoples* (New York: Harper and Row, 1973), с. 14. О различиях между культом и сектой, см.: Rodney Stark, William Sims Bainbridge, *The Future of Religion: Secularization, Revival, and Cult Formation* (Berkeley, University of California Press, 1985), с. 24–26. О спектре отвержения/принятия см.: Benton Johnson, «On Church and Sect», *American Sociological Review*, т. 28, № 4 (August 1963), с. 539–549 и Stark, Bainbridge, *The Future of Religion*, с. 23–24.

¹¹⁵ Иов 6:11.

¹¹⁶ Иов 9:19, 20.

¹¹⁷ Бухарин, *Времена*, с. 350–351.

себя не только явных врагов, а вообще живую жизнь: детей, братьев, сестер! Или, возможно, это пока так и нужно, иначе не побеждают, как со сжатыми зубами, со сталью в сердце и с холодной ясностью в голове? Как же это?»¹¹⁸

Этот монолог открывает центральный эпизод книги: диалог рассказчика с дядей, отцом Николаем.

На пыльном дворе, заставленном телегой, тарантасом, дрожками, растянувшись у конуры, лежали рядом, голова к голове, цепная собака Милка и розово-грязный поросенок. Оба спали. Спросонок поросенок повиливал тугим концом хвоста.

– Какое корытное счастье! – заметил я, проходя мимо.

Отец Николай, полный, спокойный, рассудительный священник и домовитый хозяин, взглянул на поросенка и Милку, улыбнулся, поправил серебряный крест на груди, молча прошел мимо.

Рассказчик догоняет его, и они поднимаются на крутой берег реки за деревней.

Жидкое, нежаркое солнце клонилось к краю янтарного неба. С правой стороны обрыва расстился сочный зеленеющий луг. Медленно, вразброд брело к селу стадо коров, овец и лошадей, бросая длинные тени. Бессмысленно блеяли овцы, сухо шелкали кнутами пастухи. Развевая и потряхивая гривой, пробежали, играя, два скакунка. Покойно лежала, поблескивая медными бликами, плавно изгибаясь, светлая река. За рекой уходили вдаль поля. На холмах виднелись деревеньки, за ними стоял молчаливый, торжественный сосновый бор. Мерно плыл медленный, далекий благовест.

– Благодать, – промолвил отец Николай, останавливаясь и опираясь на длинный посох. – Ты на дворе упомянул про корытное счастье. Что ж, оно, может быть, и корытное, да настоящее... Произрастание... Им же все и созиждено: трава, деревья, скот всякий, хаты, мужики, птицы, мы с тобой. Все, что ты видишь в окружности, – он неторопливо широко провел рукой, – все создано произрастанием, корытным счастьем, по-твоему.

– Произрастание – дело неосмысленное и стихийное, – возразил я.

Отец Николай снял широкополую шляпу, провел рукой по волосам, ответил:

– Ну да, стихийное. Бог дал древний закон жизни: «в поте лица добывайте хлеб себе, плодитесь, множитесь, наполняйте землю»¹¹⁹.

Рассказчик возражает, и у них завязывается спор о том, что есть жизнь, «чудо чудеснейшее» или игра «слепых и злых стихийных сил», и что есть истинное чудо – сама жизнь или желание и способность человека изменить ее до неузнаваемости.

Отец Николай подумал, отогнул конец рукава рясы, ответил:

– ...Нужно пахать, сеять, разводить скот, сады, рожать и питать детей, это – главное. Все остальное приложится. Вы, взыскующие нового града, не знаете и не чувствуете радость хозяина, когда он видит выводок цыплят, заботу его, когда он окучивает дерево или делает прививки яблоне. Вы полагаете – он о барышах думает. Не только о барышах, а иногда и совсем о них не думает: он радость произрастания испытывает, он видит плоды трудов

¹¹⁸ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 68–69.

¹¹⁹ Быт. 3:19, 1:28.

своих, он радуется живому... Велика жизнь, она как гора, ее не сдвинешь с места.

– Мы будем пробивать, дядя, туннели.

– Ты думаешь, по ту сторону другая жизнь? Та же самая, та же самая...¹²⁰

Этот диалог проходит через всю книгу и через большинство воспоминаний о жизни в подполье – от рассказа Кона о новой молитве деда до истории Куйбышева о плачущем отце. Может быть, это свойство человеческой жизни?

– Читал ты «Пер Гюнта» и «Бранда» Ибсена? – обратился я к Валентину.

– Читал. Ты это к чему?

– Два типа, два психических уклада. Пер Гюнт лишен цельности, он несобран, неорганизован, Он годится лишь в переплавку, но ему ничто человеческое не чуждо. Он баюкает, успокаивает, обманывает умирающую мать. Помнишь: «В Сорио-Морио король пир горою дает». Он не имеет принципов, но сердце его открыто. Бранд – боец, он целен. Он хочет всем существом. Его заповедь: «Все или ничто», – но сердце его закрыто к человеческим радостям и горестям, он беспощаден. Он отнимает у своей жены Агнес чепчик – последнюю память об умершем ее ребенке, отказывается пойти к смертному одру матери и сказать ей несколько слов успокоения¹²¹.

У всякого настоящего большевика есть двойник-сектант. У Ульянова – Ленин, у Джугашвили – Сталин, у Скрябина – Молотов, у Аросева – Зет, у Воронского – Валентин¹²².

– ...Пер Гюнтов – миллионы. Они ложатся навозом, удобрением. Но не кажется ли тебе иногда, Валентин, что среди нас брандовское начало берет перевес? Мы черствеем, ожесточаемся, мы превращаемся в революционных дельцов, в подмастерьев революции, мы отлучаем себя от «человеческого, слишком человеческого».

Валентин завозился под одеялом, чиркнул спичкой, закурил папироску, промолвил:

– Это так и должно быть в нашу эпоху. Мы должны развить в себе деловитость, непреклонность, мы обязаны целиком отдаться своему идеалу. Нельзя отдаваться и плыть по течению разнообразных и разноречивых чувств. Мы – воины¹²³.

В мире Воронского, как реальном, так и литературном, от раздвоенности нет избавления – даже в любимом его убежище, домике под Тамбовом, где жила Феоктиста Яковлевна Мягкова, его первый учитель социализма. (Дочь священника, она была тем «загадочным революционером», от которого семинарист Воронский получил свои первые листовки.) У Мягковой было три маленьких дочери.

Этот детский, девичий мир привлекал меня к себе. Чистые непорочные глаза, косы, вплетенные в них веселые ленты, тетради, запачканные чернилами и пятнами, сводные картинки, куклы, цветы, короткие пестрые платица, беспечный, неподражаемый и заразительный смех, звонкая болтовня, суматоха, игры помогали забывать невзгоды и огорчения.

¹²⁰ Цитата о горе: Евр. 3:14.

¹²¹ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 151.

¹²² Ср.: Аросев, *На боевых путях. Воспоминания*, см. особ. с. 89.

¹²³ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, 151–152.

Две из них любили слушать смешные истории, которые он придумывал, но третья, «смуглянка Таня», отличалась «критическим направлением ума» и «рассказням не очень-то верила». «И никакого попугая вы покупать не собирались, и никакого страшного человека не видели, и он совсем не гнался за вами – вы все это выдумали». Не исключено, что за Воронским гнался сыщик в штатском, но Таня требовала доказательств. «Валентин» был литературным двойником Воронского; Таня была серьезной двенадцатилетней девочкой. В двадцать лет она вступит в партию большевиков¹²⁴.

* * *

Воронского и Аросева упрекали за избыточную литературность, но никто не подвергал сомнению достоверность их свидетельств. Яков Свердлов, который не публиковал ничего, кроме газетных статей, задавался теми же вопросами и пространно обсуждал их в своих письмах. Как соотносятся завтрашнее счастье и сегодняшнее страдание? Какую часть «произрастания» следует отбросить как безнадежно мещанскую? Что делать с тем обстоятельством, что – как писал Свердлов о загадке судьбы своего сына – «нам смертным не дано поднимать завесы индивидуального грядущего, мы сильны лишь в предвидении будущего человечества»?¹²⁵

Чем страшнее испытания, тем опаснее искушения. «Ты и представить не можешь, – писал Свердлов Новгородцевой в январе 1914-го, – как сильно хочется видеть деток. Такая острая, острая боль щемящая. Адькина карточка предо мною на столе. Тут же и ты. Смотрю, смотрю часами, закрою глаза, пробую представить Веруньку. Почти не удастся. Думаю до боли в голове. Глаза делаются влажными, готов разрыдаться. Эх, Кадя, Кадя! Родная моя, любимая... Как-то сложится наша дальнейшая жизнь?»¹²⁶

Иногда казалось, что дальнейшая жизнь никак не сложится. «Много, много страданий впереди», – писал он в августе 1914-го. Воронский любил цитировать диалог протопопы Аввакума с женой: «Я пришел, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет? И я говорю: «Марковна, до самых смерти!» Она же, вздохня, отвечала «добро, Петрович, ино еще побредем». Ни Свердлов, ни Воронский не брели за протопопом Аввакумом. Оба приняли муку во имя веры, но ни тот, ни другой не считали мученичество независимой добродетелью. Как писал Свердлов в одном из писем: «Я тоже люблю Ибсена, хотя брандовский лозунг «все или ничего» мне не по вкусу, ибо считаю его беспочвенным, анархистским»¹²⁷.

Вера Воронского и Свердлова, в отличие от веры Аввакума, питалась чтением неканонических текстов. После утверждения марксистской «сознательности» всё без исключения служило доказательством ее истинности. «Чем больше знаний, чем они разностороннее, тем больший простор, тем большие горизонты открываются для творчества и, что особенно важно, тем это творчество сознательнее». В 1916 году, при свете «керосиновой лампы», который «пробивался сквозь промерзшие стекла и светлой полоской отражался на сугробах у дома» в Монастырском, Свердлов писал семнадцатилетней последовательнице¹²⁸:

Для лучшего понимания Ибсена я бы предложил Вам перечитать его всего, в определенном порядке. Лучше всего издание Скимунта, переданное «Знанию», в 8 томах, перевод Ганзена. Это – лучшее издание. Читать

¹²⁴ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, 269–271.

¹²⁵ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 185.

¹²⁶ Там же, с. 252.

¹²⁷ *Жизнь протопопы Аввакума, им самим написанное* (<http://old-russian.chat.ru/12avvak.htm>); Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 154–155; Г. Воронская, *Если в сердце посылают пулю*, Исторический архив, № 1 (1997), с. 77; Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 185.

¹²⁸ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 329.

в том порядке, как помещено в издании, причем последний том можно даже и не читать. Это переписка, как помнится, не представляющая большого интереса. Нелишне перед этим прочесть что-либо подходящее по истории Швеции и Норвегии за последние 3–4 десятка лет, чтобы ознакомиться с развитием там общественных отношений за этот период. Такое знакомство поможет понять Ибсена. Для этой же цели не мешает прочесть статью Луначарского об Ибсене в одной из книжек «Образования» за 1907 год, брошюру Роланд-Гольст о нем и статью Плеханова, как помнится, в «Современном мире» за 1907 же год¹²⁹.

«Книгу проверять жизнью, жизнь – книгой» – тяжкий труд, требующий неустанной бдительности и рефлексии. В этом смысле вера Свердлова не отличалась от веры протопопа Аввакума. «Остро слежу порою за собою. Ты знаешь мою склонность к самоанализу. Ясно подмечаю различные мимолетные душевные движения. И не могу теперь констатировать никаких опасных симптомов. Нет умственной лени, мозговой спячки, которая одно время стояла страшным призраком. Есть желание заниматься, учиться»¹³⁰.

Но что, если самоанализ выявит симптомы мозговой спячки? Что, если страдания породят сомнения, а сомнения укоренятся в процессе самоанализа? Рискует ли склонный к самоанализу большевик пропасть в бездне, отделяющей «предвидение будущего человечества» от человеческой неспособности «поднять завесу индивидуального грядущего»? Ответ Свердлова – выстраданное, но решительное «нет». В 1913 году он начал переписку с Кирой Эгон-Бессер, 14-летней дочерью его близких друзей из Екатеринбурга – Александра и Лидии Бессер. Подобно многим подросткам из интеллигентных семей, Кира страдала от хронического «пессимизма» и навязчивых мыслей о самоубийстве. Советы Свердлова замечательно последовательны: «Мы родились в хорошую пору, – писал он в январе 1914-го, – в такой период человеческой истории, когда приближается последнее действие человеческой трагедии... Теперь лишь слепые могут не видеть или же те, кто умышленно не хочет видеть, как вырастает сила, которой предстоит играть главную роль в последнем действии трагедии. И так много прекрасного в росте этой силы, так много бодрости придает этот рост, что право же хорошо жить на свете». Всеобщее искупление – залог личного счастья. «Разрешите поцеловать Вас при встрече, а я обязательно встречусь с Вами и Л. И., – писал он в мае 1914-го. – Все равно расцелуемся, хотите ли, нет ли»¹³¹.

Они продолжали переписываться. Свердлов не устал проповедовать. Первое из писем в его архиве – то, что он отправил «в дом городского общежития учащихся женщин на Софийской набережной» в 1904 году, когда ему было девятнадцать лет («близко уже заря, накладывающая свой фантастический и чарующий отблеск и прозрачность на все и вся...»). Последнее, адресованное в Петроград Кире Эгон-Бессер, написано в Монастырском 20 января 1917 года, когда ему было тридцать два, а ей – восемнадцать.

При моем мирозерцании уверенность в торжестве гармоничной жизни, свободной от всяческой скверны, не может исчезнуть. Не может поколебаться и уверенность в рождении тогда чистых, красивых во всех отношениях людей. Пусть теперь много зла кругом. Понять его причины, выяснять их – значит понять его преходящее значение. Посему отдельные, тяжелые порой переживания тонут в общем бодром отношении к жизни. В этом весь секрет. Тут нет отказа от личной жизни. Наоборот, именно

¹²⁹ Там же, с. 339.

¹³⁰ Там же, с. 302.

¹³¹ Там же, с. 247–248, 273.

при таком отношении к жизни только и возможна полная личная жизнь, где люди сливаются в одно целое не только физически, но и духовно¹³².

Когда Кира получила это письмо, рабочие Путиловского завода вышли на забастовку, ставшую первым актом Февральской революции и последним действием человеческой трагедии. Узнав об этом, Свердлов с Голощекиным сели в сани и по тающему льду Енисея отправились в Красноярск. 29 марта, после двух недель пути, они добрались до Петрограда.

По воспоминаниям Новгородцевой, с вокзала они приехали к сестре Свердлова Саре.

Она потом рассказывала мне, как неожиданно нагрянул Яков Михайлович, как засыпал ее бесконечными вопросами о делах в Петрограде, о товарищах, о положении в Центральном Комитете (Сарочка в это время помогала Е. Д. Стасовой в Секретариате ЦК).

Не ответив и на десятую долю вопросов, Сарочка вспомнила, что брата надо хоть чем-то накормить с дороги, и принялась раздувать самовар, как вдруг Яков Михайлович схватился за голову.

– Жорж, ой, Жорж! – простонал он.

– Почему Жорж? Какой Жорж?

– Да Голощекин. Я его у дверей оставил, на улице. Сказал, что поднимусь на минутку, и если ты дома, то сразу выйду за ним. А ведь прошло уже с полчаса... Сходи лучше ты за ним, – попросил Яков Михайлович сестру, – а то он меня убьет, непременно убьет. Узнать его очень легко: такой длинный, тощий, с бородкой, усами, в черной шляпе. Словом – Дон Кихот.

Сарочка быстро вышла на улицу и сразу узнала Голощекина, уныло переминавшегося на тротуаре. Вместе с ним она вернулась к себе, напоила Свердлова и Голощекина чаем и повела в Таврический дворец, в одном из коридоров которого у входа в зал Елена Дмитриевна Стасова установила большой стол, повесив над ним большой лист бумаги, на котором от руки было написано: «Секретариат ЦК РСДРП(б)»¹³³.

Кире Эгон-Бессер пришлось подождать еще день или два. «В конце марта в один из вечеров раздался звонок. Я услышала в прихожей знакомый гудящий бас, бросилась туда и увидела Якова Михайловича. Мы крепко расцеловались»¹³⁴.

* * *

Революция была неотделима от любви. Она требовала жертв ради будущей гармонии и нуждалась в гармонии – в любви, товариществе и чтении – для окончательной победы. Большинство революционеров были молодыми мужчинами, которые отождествляли революцию с женственностью. Многие из них были влюбленными мужчинами, которые отождествляли конкретных женщин с революцией. Стать большевиком значило вступить в круг братьев и сестер; быть большевиком значило предпочитать одних братьев другим и любить некоторых сестер не меньше, чем революцию. «Перед кем сознаться в своей слабости, как не перед тобой, моя близкая, моя славная? – писал Свердлов Новгородцевой. – Нашим отношениям присуще становиться тем более глубокими, я бы сказал даже захватывающе глубокими, чем основательнее они подвергаются анализу». Революционная рефлексия предполагала «союз двух близких по духу, проникнутых единым чувством, верованием людей». После 1914 года надежда Сверд-

¹³² Там же, с. 349.

¹³³ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 217–218.

¹³⁴ К. Эгон-Бессер, «Воля к жизни, к борьбе» в: *О Якове Свердлове*, с. 104.

лова на пришествие революции казалась неотделимой от желания поцеловать Киру Эгон-Бессер¹³⁵.

Пророчество Свердлова о настоящем дне свершилось через месяц после того, как он отправил последнее письмо Кире. Валериан Осинский отправил свое письмо в конце февраля 1917 года, за два дня до начала конца. Сын ветеринара из дворянского рода Оболенских, он участвовал в гимназических дебатах с Керженцевым, сидел в одной камере с Бухариным и работал агитатором на Болоте. Он славился высоким ростом, ученостью, замкнутостью и радикализмом. В феврале 1917-го ему было тридцать лет. Он был женат на товарище по партии Екатерине Михайловне Смирновой. У них был пятилетний сын Вадим, которого они звали Димой.

Его корреспондентка, двадцатипятилетняя Анна Михайловна Шатерникова, была сестрой милосердия и теоретиком марксизма. Они познакомились несколькими месяцами ранее в ялтинском госпитале, где Осинский лечился от туберкулеза. Они любили друг друга, но не могли быть вместе. Они не сомневались, что их личная судьба зависит от будущего всего человечества, но не знали, что оно уже наступило. Письмо начинается с прозаического перевода последних трех строф стихотворения Эмиля Верхарна «Кузнец» (*Le Forgeron*) с подробным построчным комментарием.

Толпа, чье священное безумие всегда вырастает превыше головы ее, – безгранично вдохновенная сила, излучаемая гигантским ликом грядущих судеб – неумолимыми руками своими воздвигнет новый мир ненасытной утопии...

Кузнец, чья надежда не склоняется на путь сомнений и страхов, никогда, – уже видит перед собой, как если бы они пришли, эти времена, когда простейшие заповеди добра навеки станут основой человеческого бытия, спокойного и гармоничного...

С отблеском в глазах этой светлой веры, пламя которой уже долгие годы жжет он пред собою в горне, на дороге, близко от пашен,

Кузнец, огромный и громоздкий, словно формуя сталь дум, кует – ударами крупными и полновесными – широкие лезвия терпения и молчания.

¹³⁵ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 170, 208, 294.

Валериан Осинский *Предоставлено Еленой Симаковой*

По словам Осинского, это стихотворение – пророческое описание «психологии революции». Строки о силе толпы свидетельствуют о том, что «одно из первых наслаждений жизни» – разделить с «коллективным человеком» его священное безумие. «Ненасытность» утопии описывает и безграничность человеческих стремлений, и «неумолимые руки толпы». А что такое освобождение, если не принятие «простейших правил этики»? «Уже тысячелетия разные учителя нравственности (Сократ, Христос, Будда etc.) проповедуют так называемое добро», но их предписания выведены из жизненного уклада «антагонистических обществ», а оттого внутренне противоречивы и незакончены. Их мораль – «или мужицкая, или рабская, или дикарская, или нищенская мораль; это не мораль целесообразного и свободного развитого общества. И потому она не вполне проста, не первична». Истинная добродетель – дитя

революции. «Лишь в мире ненасытной утопии простейшие правила станут реальными, в них не будет исключений и противоречий».

То же справедливо в отношении любви – движущей силы общества, «лишенного социальных противоречий». Сегодня она опутана личными интересами, «ограничена в формах» и «смешана с ненавистью (правда, «священной»)». Завтра она «без стыда раскроет всю свою нежную глубину и милосердие без прикрас, без погромашек великодушия и благотворительности». Все это – не утопия (если не считать «просветленности» и «небольшой ходульности» идеи). «А не утопия все это, если понять, что просто тогда очень живо, интересно будет жить и работать. Это будет то «хорошее время, когда легко переносится всякое горе». (Цитата о «хорошем времени» взята из «Виктории» Гамсуна, культовой среди «студентов» книги о всепобеждающей силе любви).

«Светлая вера» (*lucide croyance*) – это «не просто вера, а еще уверенность, предвидение (это не передашь в переводе). Вот с этой светлой, лучистой, светящейся уверенностью в глазах кует ее огромный и громоздкий (*gourd*), тяжкий, медленно разворачивающийся, как Илья Муромец – кузнец».

В конце письма Осинский замечает, что хотя его перевод «и жидок, и неточен, и не всегда ритмичен», он ближе к оригиналу, чем гладко рифмованная версия Брюсова. «Кузнеца не переобезьянничаешь: надо им быть, им, *dont l'espoir ne dévie vers les doutes ni les affres – jamais* [чья надежда никогда не сбивается на сомнения и угрызения]». И, чтобы не оставалось сомнений, меняет интонацию и прибавляет: «На кого, скажите, похож этот самый кузнец – *énorme et gourd* – огромный и громоздкий, – ну-ка, скажите, А. М.»¹³⁶

* * *

Самым громоздким и громоподобным из российских кузнецов был поэт Владимир Маяковский. В январе 1914 года, «красивый, двадцатидвухлетний», он прибыл в Одессу с братьями футуристами Давидом Бурлюком и Василием Каменским. «Все трое в цилиндрах, из-под пальто видны желтые кофты, в петлицы воткнуты пучки редиски». Во время их первой прогулки по набережной Каменский заметил «совершенно необыкновенную девушку: высокую, стройную, с замечательными сияющими глазами, словом, настоящую красавицу». «Володичка, – сказал он, – взгляни сюда». «Маяковский обернулся, пристально оглядел девушку и как-то сразу забеспокоился: «Вот что, останьтесь здесь или как хотите, а я пойду и буду в гостинице через... Ну, словом, скоро»¹³⁷.

Девушку звали Мария Денисова, но Маяковский назвал ее Джиокондой. Ей было двадцать лет. Она выросла в Харькове, переехала к старшей сестре в Одессу и вскоре бросила гимназию ради занятий скульптурой в художественной студии¹³⁸.

На следующий день все трое футуристов были приглашены на обед в доме сестры Денисовой. Как рассказывал Каменский:

Обед у Джиоконды превратился в поэтическое торжество: мы почти все время читали стихи, говорили какие-то особенные праздничные вещи.

Володя был в ударе. Его остроты могли рассмешить памятник герцогу Ришелье. Он говорил много, умно и весело. Читал он в этот вечер незабываемо.

¹³⁶ АРАН, разряд V, оп. 1–0, д. 11, л. 1–5 об.; интервью автора с С. В. Оболенской 20 сентября 2009 г.

¹³⁷ А. Михайлов, *Жизнь Маяковского. Я свое земное не дождал* (М.: Центрполиграф, 2001), с. 121; В. Каменский, *Жизнь с Маяковским* (Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1974 [репринт московского издания 1940 года]), с. 83–84.

¹³⁸ Михайлов, *Жизнь*, с. 125; Н. Зайнуллина, *Кто вдохновил Маяковского на «Облако в штанах»? «Вечерний Харьков»*, 11 января 2008, <http://www.vecherniy.kharkov.ua/news/18715>

Вернувшись домой, в гостиницу, мы долго не могли успокоиться от огромного впечатления, которое произвела на нас Мария Александровна.

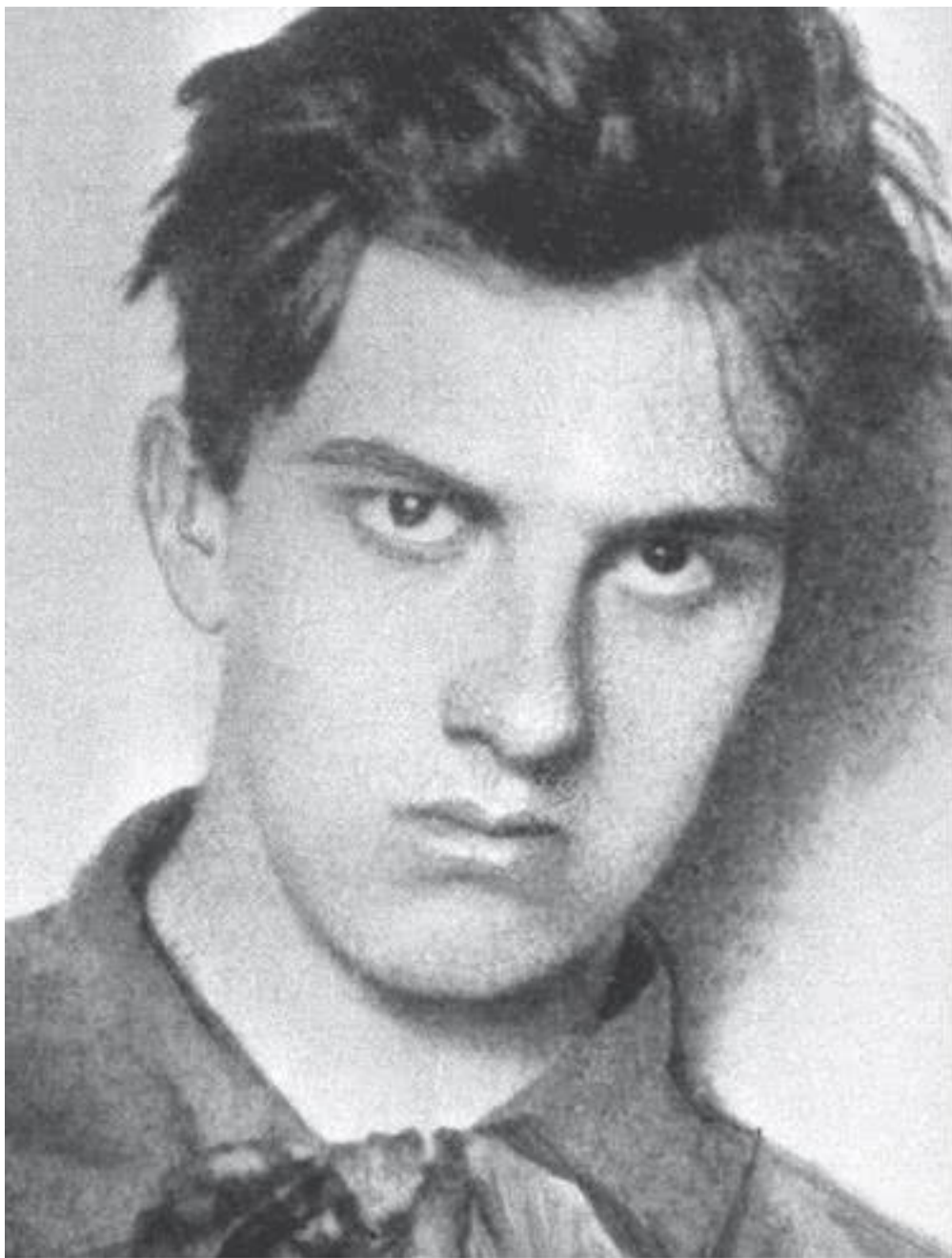
Бурлюк глубокомысленно молчал, наблюдая за Володей, который нервно шагал по комнате, не зная, как быть, что предпринять дальше, куда деться с этой вдруг нахлынувшей любовью.

Впервые в жизни познавший это громадное чувство, он метался из угла в угол и вопрошающе твердил вполголоса:

– Что делать? Как быть? Написать письмо? Но это не глупо?.. «Я вас люблю. Чего же боле...»¹³⁹

Он назвал свое письмо «Тринадцатый апостол», но цензор воспротивился, и он переименовал его в «Облако в штанах». Адресатом был, среди прочих, Бог; предметом – конец любви и конец света.

¹³⁹ Каменский, *Жизнь*, с. 88–89.

Владимир Маяковский

Мария Денисова

В последний день пребывания Маяковского в Одессе Мария обещала прийти к нему в гостиницу. Через два дня, в поезде между Николаевом и Кишиневом, он начал декламировать¹⁴⁰:

Вы думаете, это бредит малярия?
Это было,
было в Одессе.

«Приду в четыре», – сказала Мария.

¹⁴⁰ Там же, с. 97–99.

Восемь.
Девять.
Десять.

Она пришла после полуночи, по следам десятка лихорадочных строф.

Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете –
я выхожу замуж».

Что ж, выходите.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите – спокоен как!
Как пульс
покойника.

Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», –
а я одно видел:
вы – Джиоконда,
которую надо украсть!

И украли.

Он не простит. «Помните! Погибла Помпея, когда раздразили Везувий!» Подобно Свердлову и Осинскому, Маяковский не сомневался, что следом за ним идут землетрясения, глады и смятения, и предаст брат брата на смерть, и отец – детей, и восстанут дети на родителей и умертвят их, и солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Подобно Свердлову и Осинскому, он знал, что похищение любви – лишь напоминание об обреченном мире. И что великая скорбь – знак избранности пророка и близости Страшного суда.

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабресный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,

в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

А я у вас – его предтеча;
я – где боль, везде;
на каждой капле слёзовой течи
распял себя на кресте.

Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!

И когда,
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю –
вам я душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! –
и окровавленную дам, как знамя.

Спаситель – это он, «голгофник оплеванный». Его Мария – Богоматерь; сам он – «может быть, самый красивый из ее сыновей», а Богу, отцу своему, он предлагает устроить карусель на «дереве изучения добра и зла».

Хочешь?

Не хочешь?

Мотаешь головою, кудластый?
Супишь седую бровь?
Ты думаешь –
этот,
за тобою, крыластый,
знает, что такое любовь?

...

Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова, –
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!

Я думал – ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божище.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.

Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!¹⁴¹

Дни рая сочтены, но последний и решительный бой – как и в предыдущем Откровении – свершится на земле. Голодные выползут из болота и повесят чавкающих мясников с тянучей слюной на месте освежаванных туш. Кража Джиоконды будет отмщена.

Выньте, гуляющие, руки из брюк –
берите камень,
нож или бомбу, а если у которого нету рук –
пришел чтоб и бился лбом бы!

Идите, голодненькие,
потненькие,
покорненькие,
закишие в блохастом грязненьке!

Идите!
Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!
Пусть земле под ножами припомнится,
кого хотела опошлить!
Земле,
обжиревшей, как любовница,
которую вылюбил Ротшильд!

Чтоб флаги трепались в горячке пальбы,
как у каждого порядочного праздника –
выше вздымайте, фонарные столбы,
окровавленные туши лабазников.

Изругивался,
вымаливался,
резал,
лез за кем-то вгрызаться в бока.

На небе, красный, как марсельеза,
вздрагивал, околева, закат¹⁴².

¹⁴¹ Там же, с. 25.

¹⁴² Там же, с. 20.

3. Вера

Самый очевидный вопрос о светлой вере Свердлова и Осинского: является ли она религией? Самый разумный ответ: это не имеет значения.

Существует два основных подхода к определению религии: предметный (что такое религия) и функциональный (зачем она нужна). По хрестоматийной версии первого, предложенной Стивом Брюсом, религия «состоит из верований, действий и учреждений, которые предполагают существование сверхъестественных сил, способных действовать в мире, или безличных процессов, наделенных моральным смыслом. Такая формулировка включает в себя все то, что обычные люди подразумевают под религией». Вопрос о природе марксизма сводится к тому, является ли драма вселенского упадка и искупления безличным процессом, наделенным моральным смыслом, и можно ли считать «сверхъестественным» общество разрешенных конфликтов, удовлетворенных потребностей и завершившейся истории. Большинство ученых отвечают отрицательно на том основании, что марксистское предсказание рационально и нетрансцендентно, «сверхъестественность» противоположна рациональности, «обычные люди» не считают марксизм религией, а научные определения призваны исключить идеологии, отрицающие существование сверхъестественных (противоречащих науке) сил¹⁴³.

Дефект этого подхода в том, что он исключает большинство верований, которые обычные люди (а также профессиональные ученые) традиционно относят к религиям. Эмиль Дюркгейм утверждал, что у большинства человечества не было способа отличать «естественное» от «сверхъестественного», подвергать сомнению обычаи отцов и дедов и возражать против сожительства с бесчисленными богами и более или менее мертвыми и не всегда человекообразными предками. Подобные представления могут казаться нелепыми в обществе с другим чувством реальности, но к противопоставлению сверхъестественного всему остальному они отношения не имеют. В христианских и постхристианских обществах их называют «языческими религиями», «первобытными религиями», «традиционными религиями» или просто чушью. Если религия – это вера в сверхъестественное, то «традиционные» общества либо насквозь религиозны, либо не религиозны вовсе¹⁴⁴.

Одно из решений – последовать примеру Конта и Маркса и назвать религией верования, абсурдные с точки зрения современной науки. Важно не то, что «они» думают, а что мы думаем о том, что они думают. Если они верят в силы и процессы, которые мы, как рациональные наблюдатели, считаем несуществующими, значит, они верят в сверхъестественное, нравится им это или нет. Недостаток этого решения в том, что оно нарушает правила хорошего тона (и, возможно, закон), не отвечая на вопрос, является ли коммунизм религией. Если «язычество» считается религией вне зависимости от того, что думают об этом язычники, то взгляды Маркса на разницу между научным предсказанием и сверхъестественным пророчеством не имеют никакого отношения к суждениям рациональных наблюдателей о марксизме. Проблема рациональных наблюдателей в том, что они не могут определиться с суждениями и, согласно их многочисленным критикам, не всегда рациональны (иначе они не пользовались бы такими абсурдными понятиями, как «светская религия», и не забывали бы о том, что «религия» как понятие есть незаконнорожденное дитя Реформации и Просвещения). Некоторые «религии» названы

¹⁴³ Steve Bruce, *Religion in the Modern World: From Cathedrals to Cults* (Oxford, Oxford University Press, 1996), с. 7. См. также: Stark and Bainbridge, *The Future of Religion*, 3–14. О марксизме и большевизме как религии или «светской религии» см.: Arthur Jay Klinghoffer, *Red Apocalypse: The Religious Evolution of Soviet Communism* (New York: University Press of America, 1996); Михаил Рыклин, *Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция* (Москва: НЛО, 2009); Mikhail Agursky, «L'aspect millénariste de la révolution bolchevique», *Cahiers du Monde russe et soviétique* 29 (1988), с. 487–513; Mary-Barbara Zeldin, «The Religious Nature of Russian Marxism», *Journal for the Scientific Study of Religion* 8 (1969), с. 100–111; Klaus-Georg Riegel, «Marxism-Leninism as a Political Religion», *Totalitarian Movements and Political Religions* 6 (2005), с. 97–126.

¹⁴⁴ Emile Durkheim, *The Elementary Forms of Religious Life* (Oxford: Oxford University Press, 2001), с. 26–31.

в честь пророков-основателей (христианство, магометанство, буддизм), некоторые – по названию племен (индуизм, иудаизм, религия древних греков), некоторые – терминами из туземного канона: ислам («покорность»), джайн («завоеватель»), сикх («ученик») или дао («путь»). Остальные обычно группируются по территориальному признаку. Согласно некоторым определениям «сверхъестественного», значительные территории (в том числе Китай на протяжении нескольких веков и части Европы в эпоху «секуляризации») обходились без религии¹⁴⁵.

Попытка расширить определение (и включить в него, например, тхераваду) путем замены «сверхъестественного» на «трансцендентное», «надэмпирическое» или «потустороннее» вызывает те же вопросы и делает включение марксизма более вероятным. Насколько эмпиричны или нетрансцендентны гуманизм, хиндута, царство свободы и *Manifest Destiny* («явное предназначение» вселенской миссии Соединенных Штатов)?

Дюркгейм предложил иной подход. По его определению, религия – это «унифицированная система верований и практик, связанных со священными (сакральными) предметами». Священные предметы – это предметы, к которым мирское «не может прикасаться безнаказанно». Функция сакральности – объединение людей в нравственные сообщества. Религия – это зеркало, в котором общество любит себя на свое отражение¹⁴⁶.

Последующие функциональные определения описывают религию как процесс, с помощью которого люди создают «объективно существующую и нравственно осмысленную вселенную», как «набор символических форм и действий, которые связывают человека с конечными условиями его существования», и, по часто цитируемой версии Клиффорда Гирца, как «систему символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям такой ореол действительности, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными». Как бы ни описывались значения слов «священный», «конечный» или «общий» (Мирча Элиаде определяет сакральность как «неподвижный центр» или «абсолютную реальность» посреди «бесконечной относительности субъективного опыта»), трудно не заключить, что всякое общество по определению религиозно, любая всеобъемлющая идеология (в том числе секуляризм) формирует и отражает нравственное сообщество, а светлая вера Свердлова служит неподвижным центром в болоте субъективного опыта и связывает подпольных социалистов с конечными условиями их существования¹⁴⁷.

Большинство людей, которые говорят о религии, не знают, что это такое. Те, которые знают, делятся на две группы: одни считают марксизм религией, потому что не видят другого выбора, другие не считают его религией на основании критериев, которые затрудняются определить. Компромиссные термины вроде «квазирелигии» бессмысленны в рамках функциона-

¹⁴⁵ Об истории концепций религии и мировых религий см.: Talal Asad, *Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1993), с. 40–42; Leora Batnitzky, *How Judaism Became a Religion: An Introduction to Modern Jewish Thought* (Princeton: Princeton University Press, 2011); Daniel Dubuisson, *The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, and Ideology* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2003); Timothy Fitzgerald, *Ideology of Religious Studies* (New York: Oxford University Press, 2003); William Herbrechtsmeier, «Buddhism and the Definition of Religion: One More Time», *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 32, No. 1 (March, 1993), с. 1–18; Jason Ananda Josephson, *The Invention of Religion in Japan* (Chicago: The University of Chicago Press, 2012); Tomoko Masuzawa, *The Invention of World Religions, or How European Universalism Was Preserved in the Language of Pluralism* (Chicago: University of Chicago Press, 2005); Brian K. Pennington, *Was Hinduism Invented? Britons, Indians, and the Colonial Construction of Religion* (New York: Oxford University Press, 2003); Wilfried Cantwell Smith, *The Meaning and End of Religion* (New York: Harper and Row, 1963).

¹⁴⁶ Durkheim, *The Elementary Forms*, с. 39, 40, 46.

¹⁴⁷ Thomas Luckmann, *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society* (New York: Macmillan, 1967), с. 48–49; Robert N. Bellah, *Beyond Belief: Essays on Religion in a Post-Traditional World* (New York, Evanston, and London: Harper & Row, 1970), с. 21; Clifford Geertz, *The Interpretation of Cultures* (New York: Basic Books, 1973), с. 90; Mircea Eliade, *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion* (New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1959), с. 20–21, 28, 30, 68–69. Общие исследования см.: Roger O'Toole, *Religion: Classic Sociological Approaches* (Toronto: McGraw-Hill Ryerson Limited, 1984), с. 10–51; Fitzgerald, *Ideology of Religious Studies*; Andrew M. McKinnon, «Sociological Definitions, Language Games, and the 'Essence' of Religion», *Method and Theory in the Study of Religion*, vol. 14, No. 1 (2002), с. 61–83.

лизма (нравственное сообщество остается нравственным вне зависимости от того, что является его священным центром – Коран или Конституция) и смущают поборников «сверхъестественного» (дао, но не Мао?). Государства, «отделенные» от церкви, понятия не имеют, от чего они отделены. Первая поправка к Конституции США не определяет своего объекта и сама себя нарушает, устанавливая особый статус для «религии» и одновременно запрещая все подобные установления. В 1984 году Филлип Э. Джонсон, профессор юриспруденции Калифорнийского университета в Беркли, подробно рассмотрел историю вопроса и пришел к выводу, что «определения религии для конституционных целей не существует и, по всей видимости, не может существовать в принципе». Спустя три года он прочитал «Слепого часовщика» Ричарда Докинза, испытал озарение и основал движение «разумного замысла»¹⁴⁸.

* * *

Одной из причин трудностей с определением является использование одного и того же слова для обозначения двух разных типов веры: один не знает, что он тип веры, а другой знает и всерьез к этому относится. В первом тысячелетии до нашей эры в городских цивилизациях Евразии началась эпидемия рефлексии. Заратустра в Иране, Будда, джайнизм и Упанишад в Индии, Конфуций, дао и «сто школ» в Китае, классические трагедии в Греции и эпоха пророков в Иудее возвестили начало «осевого времени», или эры «шага назад и взгляда вовне». Не все имели отношение к «сверхъестественному», но все постулировали «абсолютную реальность», отличную от реальной жизни. Все перевели как можно больше «сакральности» в другую плоскость, оставив себе редкие озарения; остановились у пропасти, отделяющей человечество от его предназначения (описанного в заветах и заповедях), и превратили «отчуждение» во всеобщий закон бытия (внушив большинству потомков, что так было с самого начала). Все исходило из того, что человеческая повседневность является ошибкой и, возможно, преступлением¹⁴⁹.

С тех пор так называемые осевые цивилизации и их многочисленные ответвления живут надеждой на реставрацию, реформацию и «искупление» (бегство от безнравственности и бессмысленности). Это привело к появлению «разума», независимого от социального статуса; открытию условности и недолговечности политических установлений; возникновению нравственных сообществ, не объединенных этнически и политически; кодификации «священных предметов» в письменных сводах исходных откровений; и формированию жреческих элит, специализирующихся на толковании канона и ограничении доступа к спасению. У разных традиций – разные наборы понятий и маршрутов эвакуации, но все предлагают более или менее последовательные теории «шага назад и взгляда вовне»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Phillip E. Johnson, «Concepts and Compromises in First Amendment Religious Doctrine», *California Law Review*, 72 (1984), с. 821, 832; Barbara Forrest, «The Wedge at Work: How Intelligent Design Creationism is Wedging Its Way into the Cultural and Academic Mainstream» в: Robert T. Pennock, ed., *Intelligent Design Creationism and Its Critics: Philosophical, Theological, and Scientific Perspectives* (Cambridge: MIT Press, 2001), с. 6–8.

¹⁴⁹ S. N. Eisenstadt, ed., *The Origins and Diversity of Axial Age Civilizations* (Albany: SUNY Press, 1986), особ. предисловие редактора на с. 1–25; Karl Jaspers, *The Origin and Goal of History* (New Haven: Yale University Press, 1953); Eric Voegelin, «The New Science of Politics: An Introduction» в: Eric Voegelin, *Modernity without Restraint* (Columbia and London: University of Missouri Press, 2000), с. 135–174; Robert N. Bellah, *Religion in Human Evolution: From the Paleolithic to the Axial Age* (Cambridge: Harvard University Press, 2011); Benjamin I. Schwartz, «The Age of Transcendence», *Daedalus*, vol. 104, no. 2 (Spring 1975), с. 1–7, цитата о шаге назад и взгляде вовне на с. 3.

¹⁵⁰ Eisenstadt, ed., *The Origins and Diversity*; Johann P. Arnason, S. N. Eisenstadt, Björn Wittrock, eds., *Axial Civilizations and World History* (Leiden-Boston: Brill, 2005), особ. Björn Wittrock, «The Meaning of the Axial Age», с. 51–85; Ernest Gellner, *Plough, Sword and Book: The Structure of Human History* (Chicago: The University of Chicago Press, 1988), с. 70–90; Berger, *The Social Reality of Religion*, с. 65–69; Joseph Kitagawa, «Primitive, Classical, and Modern Religions: A Perspective on Understanding the History of Religions» в: Joseph Kitagawa, ed., *The History of Religions: Essays on the Problem of Understanding* (Chicago: University of Chicago Press, 1967), с. 53–54.

Осознание того, что путь потерян, предполагает надежду на то, что он будет найден. Все общества и миры имеют начало, но когда человеческая жизнь стала проблемой, то главной вехой (решением загадки и предметом мучительного беспокойства) стал конец. В Древней Греции решения были политическими, метафизическими и временными. В Южной Азии забота о личном перевоплощении отдалила перспективу окончательного решения (а отдаленность перспективы окончательного решения обострила проблему личного перевоплощения). В Восточной и Юго-Восточной Азии конфуцианский идеал усовершенствования и буддистский и даосский идеал отречения слились в традицию, предполагающую и то и другое одновременно (иногда в виде немедленного усовершенствования путем насильственного отречения). Но, даже ожидая возвращения к исходной целостности, жертвы отчуждения продолжали существовать внутри вечного цикла увядания и возрождения. Все окончательные решения были временными. Чтобы солнце вставало, весна возвращалась, добыча шла в руки, а земля плодоносила, герои должны были убивать драконов, а люди должны были совершать ошибки и жертвоприношения. Сдерживание хаоса и его приспешников было ежедневной необходимостью и смыслом существования. Всё было навсегда¹⁵¹.

Пока не кончилось. В начале первого тысячелетия до нашей эры Заратустра положил начало новому времени, предсказав абсолютный конец света. После решительного боя между силами света и тьмы и страшного суда над всеми когда-либо жившими наступит вечная жизнь без голода, жажды, насилия, рождения и смерти. Герой победит дракона в последний раз, хаос отступит раз и навсегда, и лишь добро пребудет вовеки. Время сделалось линейным и необратимым (а значит, подлинно историческим). Цена нравственного выбора выросла непомерно: не все попадут в вечность, и никому не дано начать сначала¹⁵².

* * *

После того, что сказал Заратустра, древние иудеи тоже стали воспринимать время как комический сюжет со счастливым концом. Книга Исхода – стандартный миф о переселении «домой». Такие истории (версии возвращения странствующего героя из загробного мира) описывают опасное путешествие в страну, выбранную богами и открытую вождем-основателем. Но Книга Исхода идет дальше. Главный смысл рассказанной в ней истории – в освобождении от политики и окончательном решении проблемы «шага назад и взгляда вовне». Сбежав от фараона, иудеи основали виртуальное государство. Вместо земного властелина они получили небесного – настолько могущественного, насколько хватало воображения. Они перешагнули «осевую» пропасть между реальным и идеальным, подчинившись единому повелителю. Они не просто унаследовали его от своих предков: они передали ему все права на себя по условиям добровольного контракта. Они не чттили его при посредстве государства, воплощавшего его волю, – они поклонялись ему напрямую, каждый в отдельности (десять заповедей написаны во втором лице единственного числа) и как сообщество избранных. После Моисея всякое посредничество между израильянами и их истинным правителем стало вторичным и спорным. Они превратились в «царство священников и святой народ». Соблюдение закона стало

¹⁵¹ Eisenstadt, ed., *The Origins and Diversity*; Guenter Lewy, *Religion and Revolution* (NY: Oxford UP, 1974), c. 11–32, 59–66, 254–257; C. K. Yang, *Religion in Chinese Society: A Study of Contemporary Social Functions of Religion and Some of Their Historical Factors* (Berkeley, University of California Press, 1967); Richard Shek, «Sectarian Eschatology and Violence» в: Jonathan N. Lipman, Stevan Harrell, eds., *Violence in China: Essays in Culture and Counterculture* (Albany: SUNY Press, 1990), c. 88–108; Susan Naquin, *Millenarian Rebellion in China: the Eight Trigrams Uprising of 1813* (New Haven: Yale University Press, 1976), c. 7–66.

¹⁵² Norman Cohn, *Cosmos, Chaos, and the World to Come: The Ancient Roots of Apocalyptic Faith* (New Haven and London: Yale University Press, 1993), c. 77–115; Robert Gnuse, «Ancient Near Eastern Millennialism» в: Catherine Weissinger, ed., *The Oxford Handbook of Millennialism* (New York: Oxford University Press, 2011), c. 246–249; Philip G. Kreyenbroek, «Millennialism and Eschatology in the Zoroastrian Tradition» в: Abbas Amanat, Magnus Bernhardtsson, eds., *Imagining the End: Apocalypse from the Ancient Middle East to Modern America* (London: I. B. Tauris, 2002), c. 33–55.

делом личной преданности и внутренней дисциплины. Небесный отец требовал любви и никогда не уставал смотреть и слушать¹⁵³.

Ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека; она не на небе, чтобы можно было говорить: «кто взойдет бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?», и не за морем она, чтобы можно было говорить: «кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?», но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его¹⁵⁴.

Условием прямой связи с абсолютом является признание его суверенности – «ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа; потому что имя Его – ревнитель; Он Бог ревнитель». Израильтяне спаслись от преходящей власти, терпимой к золотым тельцам и провинциальным культам, ради власти вечной, самодостаточной и неотвратимой. Бессмысленно произвольной тирании они предпочли тиранию произвольную из принципа, а оттого бесконечно справедливую. Когда Иов настаивал на своей невиновности, он подвергал сомнению благость Бога. Когда друзья Иова отстаивали благость Бога, они подвергали сомнению невиновность Иова (ибо наказание служит доказательством преступления). Но Бог пришел и объяснил, что он слишком могуществен, чтобы оправдываться перед кем бы то ни было. Он делает, что считает нужным, исходя из соображений, которые только ему понятны. Иову надлежит каяться в пыли и делать как велено. У него нет и не может быть права выбора. Цена политической свободы – нравственное рабство¹⁵⁵.

Нравственное рабство перед источником всякой нравственности есть свобода. Но даже если это не так (наличие у Иова автономного нравственного чувства не может не вызвать сомнений), ветхозаветный бог настолько труднодоступен и непоследователен, что у его подданных могло появиться ощущение некоторой свободы маневра. Всемогущего трансцендентного деспота – в отличие от земных царей и специализированных богов – нельзя обмануть («нет тьмы, ни тени смертной, где могли бы укрыться делающие беззаконие»), но он может быть в хорошем расположении духа или просто очень занят. Кроме того, он дал Иову и его друзьям достаточно оснований полагать, что Завет доступен человеческому пониманию и состоит в соблюдении нескольких нехитрых правил. «Ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои»¹⁵⁶.

Какова бы ни была судьба отдельного раба божия, будущее избранного народа не подлежало сомнению. Логика Книги Иова не относится к Израилю. Логика Книги Иова предполагает, что личное рабство – справедливая цена коллективного искупления. Некоторые соплеменники могут погибнуть от меча, чумы или диких зверей (за нарушение закона или для острастки), но племя как таковое восторжествует. Буйство, отступничество и жестокость могут замедлить течение времени, но не могут помешать коллективному избавлению. «Тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле». Началом было избрание. Концом будет прибытие в землю обетованную, где

¹⁵³ Jan Assmann, «Axial 'Breakthroughs' and Semantic 'Relocations' in Ancient Egypt and Israel» в: Arnason et al., eds., *Axial Civilizations and World History*, с. 133–156; Jan Assmann, *Moses the Egyptian. The Memory of Egypt in Western Monotheism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997); Jan Assmann, *The Price of Monotheism* (Stanford: Stanford University Press, 2010); Jan Assmann, *Of God and Gods: Egypt, Israel, and the Rise of Monotheism* (Madison: The University of Wisconsin Press, 2008). Ср.: Michael Walzer, *Exodus and Revolution* (New York: Basic Books, 1985); Paula Fredriksen, *From Jesus to Christ: The Origins of the New Testament Images of Jesus* (New Haven and London: Yale UP, 1988), с. 72.

¹⁵⁴ Втрп. 30:11–14.

¹⁵⁵ Исх. 34:14.

¹⁵⁶ Иов 34:22; Втрп. 5:9–10.

избранным не придется «терпеть голода и жажды, и не поразит их зной и солнце». История – это то, что посредине¹⁵⁷.

Израильский бог стал первым трансцендентным правителем, которому удалось избавиться от небесной аристократии и провозгласить себя абсолютным монархом. Но на этом он не остановился. Запретив все конкурирующие культы и истребив их последователей в доме Израилевом, он отказал в праве на существование богам других народов. Из единственного бога евреев он превратился в единственного Бога. Остатки племенного релятивизма исчезли не сразу (ты «владеешь тем, что дал тебе Хамос, бог твой», а мы – «тем, что дал нам в наследие Господь Бог наш»), но общее правило не вызывало сомнений. «Я Господь, и нет иного, нет Бога кроме Меня, я препоясал тебя, хотя ты и не знал меня, дабы узнали от восхода солнца и от запада, что нет, кроме Меня. Я Господь, и нет иного»¹⁵⁸.

Племенные боги могут быть создателями вселенной; бог Израиля стал первым вселенским самодержцем. Небольшое племя, гонимое самоуверенными соседями, отплатило обидчикам, покорив мир концептуально. Вместо того чтобы признать превосходство духовных покровителей своих хозяев, сменить флаг и раствориться в толпе реалистов и оппортунистов, израильтяне до бесконечности увеличили мощь своего защитника. Все сущее стало частью вселенской драмы их скитаний и будущего избавления. Все смертные, включая правителей великих империй, стали пешками в руках их небесного фараона. Вся человеческая жизнь, прежняя и нынешняя, стала неисчерпаемой причиной опоздания Мессии¹⁵⁹.

Ничего неисповедимого в этом не было. Конец был predetermined, израильтяне упорствовали в своих заблуждениях, а Господь обвинял их в собственной неспособности исполнить обещанное. Из-за постоянных проблем с теодицеей первый небесный самодержец стал первым человеком из подполья (или подростком). Болезненно реагируя на пренебрежение и насмешки, он хвастался своими достижениями, сулил еще большие, юродствовал, лелеял обиды, наслаждался своей способностью причинять боль и бесконечно фантазировал о грандиозном публичном унижении всех сильных и знатных. Согласно Исайе, он собирался не просто привести свой народ в назначенное место и помочь ему истребить гегесеев, амореев и иевусеев, которые там жили. «Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на все воинство их. Он предал их заклятию, отдал их на заклятие. И убитые их будут разбросаны, и от трупов их поднимется смрад, и горы размокнут от крови их»¹⁶⁰. Что до выживших (сказал Господь Бог своему народу), то «будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся. И притеснителей твоих накормлю собственной их плотью, и они будут упоены кровью своею, как молодым вином; и всякая плоть узнает, что Я Господь, Спаситель твой и Искупитель твой, Сильный Иаковлев»¹⁶¹.

Все те, кто когда-либо обидел израильтян и их искупителя, получают по заслугам и проглотят свои слова. «И Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут и будут твоими; они последуют за тобою, в цепях придут и повергнутся пред тобою, и будут умолять тебя, говоря: у тебя только Бог, и нет иного Бога». И если останутся сомневающиеся, то придет на землю Израилеву Гог из земли Магога. «И по всем горам Моим призову меч против него, говорит Господь Бог; меч каждого человека будет против брата его. И буду судиться с ним моровою язвою и кровопролитием, и пролью на него и на полки его и на многие народы, которые с ним, всепотопляющий

¹⁵⁷ Иер. 5:6; Втор. 7:6; Иса 49:10.

¹⁵⁸ Суд. 11:24; Иса 45:5,6. См.: Cohn, *Cosmos*, с. 152. Ср.: Мих. 4:5.

¹⁵⁹ Cohn, *Cosmos*, 143–144.

¹⁶⁰ Втор. 7:1–2; Иса 34:2–3; 8–14.

¹⁶¹ Иса 49:22–23, 26.

дождь и каменный град, огонь и серу; и покажу Мое величие и святость Мою, и явлю Себя пред глазами многих народов, и узнают, что Я Господь»¹⁶².

Счастливую развязку постигла та же инфляция. Обещание мирной жизни в стране молока и меда превратилось в пророчество «новых небес и новой земли».

Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзутся. Тогда хромым вскочит, как олень, и язык немому будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля – в источники вод; в жилище шакалов, где они покоятся, будет место для тростника и камыша.

И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них *одних*; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся.

Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на него; его не найдется там, а будут ходить искупленные. И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся.

Печаль и воздыхание не просто удалятся – они исчезнут навсегда. Хищные звери не просто отползут в сторону – они предадутся вечной радости и перейдут на молочно-медовую диету. «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их»¹⁶³.

Тем временем земной удел израильтян не улучшался. За вавилонским пленением последовала череда бесчисленных Гогов. И чем чаще Сион становился «добычей для народов», тем кровавжадней становились надежды избранного народа на возмездие. Три века, ограниченные Маккавейской войной 160-х гг. до н. э. и восстанием Бар-Кохбы 130-х гг. н. э. (с рождением «новой эры» посредине), были временем расцвета еврейской эсхатологии. Все «откровения», начиная с Книги Даниила, рассказывали одну и ту же историю: положение избранных делается все хуже, история гонений входит в высшую и последнюю стадию, прогнившая империя стоит на краю гибели, смутное время принесет братоубийственные войны и стихийные бедствия, Бог вмешается лично или через полномочного представителя, его армия победит объединенные силы зла, и праведники заживут счастливо и вовеки веков. «Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого царство – царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему»¹⁶⁴.

Каждый готовился как мог. Члены Кумранской секты ушли к берегам Мертвого моря, отказались от брака и частной собственности, прокляли еврейских соглашателей заодно с римскими завоевателями и посвятили себя ритуальной чистоте в предвкушении приближающейся бойни. Зелоты решили, что (как писал Иосиф Флавий) «Бог возвращает свободу, вдохновляя людей на принятие решений, и согласится помочь нам только в том случае, если мы не будем уклоняться от исполнения нашей великой задачи», – и взялись за оружие¹⁶⁵.

Иудея I века ждала конца света и кишела пророками, проповедниками, учителями, целителями и чудотворцами. «Некий Февда, обманщик, – пишет Флавий, – уговорил большую массу народа забрать с собою все имущество и пойти за ним, Февдою, к реке Иордану. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить

¹⁶² Иса 41:11; 45:14; Иез. 38:18–23.

¹⁶³ Иса 65:17; 35:5–10; 11:6.

¹⁶⁴ Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 81–86; Иез. 34:28; Дан. 7:27.

¹⁶⁵ Cohn, *Cosmos*, с. 187–193; *Selections from Josephus*, trans. by H. St. J. Thackeray (New York: Macmillan, 1919), с. 73 (from *Jewish Antiquities* 18.1); Lewy, *Religion and Revolution*, с. 70–91; Cecil Roth, «The Zealots in the War of 66–73», *Journal of Semitic Studies*, vol. 4, No. 4 (1959): с. 351.

их. Этими словами он многих ввел в заблуждение». Другой «лжепророк» из Египта «прослыл за небесного посланника, собрал вокруг себя около тридцати тысяч заблужденных и выступил с ними из пустыни на так называемую Елеонскую гору». «Это были обманщики и прельстители, которые под видом воинственного вдохновения стремились к перевороту и мятежам, туманили народ безумными представлениями, манили его за собою в пустыни, чтобы там показать ему чудесные знамения его освобождения»¹⁶⁶.

По словам евангелиста Марка, проповедник по имени Иоанн «носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих», «ел акриды и дикий мед» и проповедовал «крещение покаяния для прощения грехов». Как писал греческий философ II века Цельс:

Есть многие, кто, не имея имени, с великой легкостью и при малейшем случае, в храмах или вне их, жестами и поступками изображают божественное вдохновение, другие же делают это в городах или среди воинств внимания и удивления ради. И все говорят, каждый за себя: «я Бог», «я сын божий», или «я дух божественный». «Я пришел, ибо мир гибнет, а вы, о люди, гибнете за беззакония свои, но я желаю спасти вас, и вы увидите, как я вернусь с силой небесной. Благословен тот, кто пойдет за мною. Прочих же я предаю вечному огню, равно города и села. Те, кто не ведает о карах, ждущих их, будут скорбеть и каяться вотще, верных же мне сохраню навечно». К этим посулам добавляются странные, дикие и непонятные слова, в коих ни один разумный человек не отыщет смысла, ибо столь темны они, что смысла в них нет вовсе, но каждому глупцу или самозванцу удобно пользоваться ими для нужд своих¹⁶⁷.

* * *

Иисус из Назарета был традиционным еврейским целителем с традиционными эсхатологическими предсказаниями. «Восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения... Предаст же брат брата на смерть, и отец – детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их... Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются»¹⁶⁸.

За днями скорби последует тысячелетнее царство, или пир для тех, кто раньше постился. Единственное, что точно известно о новом порядке, – это что верхи и низы поменяются местами: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь... Напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете»¹⁶⁹.

Речь шла о реальном мире, настоящем времени и живых людях. По Марку, первыми словами Иисуса были: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в благовест». А благовест заключалась в том, что «не преидет род сей, как все это

¹⁶⁶ Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, гл. 5, с. 20 (<http://vehi.net/istoriya/israill/flaviil/drevnosti/20.html>); Иосиф Флавий, *Иудейская война*, гл. 2, с. 13 (<http://vehi.net/istoriya/israill/flaviil/voinal/02.html>). *Selections from Josephus*, 93 (from JA 20.5), с. 103–104 (from BJ, 2.13); Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 79–80, 83, 91–92; Howard Clark Kee, *Christian Origins in Sociological Perspective: Methods and Resources* (Philadelphia: The Westminster Press, 1980), с. 57–58.

¹⁶⁷ Мк. 1:3–6 (ср.: *Selections from Josephus*, с. 80–81 [JA 18.116f]); *Опузен против Цельса*, книга 7, глава 9, перевод автора.

¹⁶⁸ Мк. 13:8, 12, 24–25. Kee, *Christian Origins*, с. 54–72; Geza Vermes, *Jesus the Jew: A Historian's Reading of the Gospels* (New York: Macmillan, 1973), с. 58–100, 129–131; E. P. Sanders, *Jesus and Judaism* (London: SCM Press, 1985), с. 222; Dale C. Allison, *Jesus of Nazareth: Millenarian Prophet* (Minneapolis: Fortress Press, 1998), с. 95–171.

¹⁶⁹ Мк. 13:19; Лк. 13:29; Лк. 6:20; Christopher Rowland, *Christian Origins: An Account of the Setting and Character of the Most Important Messianic Sect of Judaism* (London: SPCK, 1985), с. 87–8, 109, 146.

будет». «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие»¹⁷⁰.

Предопределение нуждается в свободной воле. Конец неизбежен, но его формы и сроки зависят от человеческих поступков. Иисус – одновременно посредник и первоисточник, и некоторые из его слушателей в состоянии повлиять на ход божественного промысла. «И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни». И сейчас еще не поздно: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут». Ученики Иисуса получают особую награду. Провидение – отчасти результат их усилий. «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»¹⁷¹.

Что нужно сделать, чтобы унаследовать вечную жизнь? Как встретить и по возможности ускорить приближение дней скорби и Царства Божия?

Во-первых, нужно оставить свои дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли – как поступил сам Иисус.

И пришли Мать и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его. Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Мать Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать¹⁷².

Чтобы спастись, необходимо отречься от старой семьи ради новой. «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Членство в секте обещало вечную награду в обмен на великую жертву. Оно открывало мир, в котором все незнакомцы – «ближние», все ближние – братья, а все братья – вечные дети всемогущего Господа. Главной заповедью было: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя». Ненавидеть (по крайней мере во время испытательного срока для новых членов) полагалось отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, а притом и саму жизнь свою¹⁷³.

Послание было универсальным, но дифференцированным. Сырые и убогие проявляли больший интерес к вступлению и имели лучшие шансы быть принятыми («славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам»). Члены секты рассчитывали на спасение вне очереди. Богачи толпились у входа в игольное ушко, а нищие духом готовились судить двенадцать колен Израилевых¹⁷⁴.

«Покаяться» значило «обратиться и быть как дети». Обратиться и быть как дети значило безоговорочно покориться Богу-Отцу. Бог-Отец должен был стать более последовательным в осуществлении тотального контроля над избранным народом¹⁷⁵.

¹⁷⁰ Мк. 1:15; Мк. 13:30; Лк. 9:27; Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 51–63, 128; Kee, *Christian Origins*, с. 68; Rowland, *Christian Origins*, с. 87–8, 109–133.

¹⁷¹ Мк. 13:20; Лк. 13: 24; Мф. 19:28–30; Rowland, *Christian Origins*, с. 137; Cohn, *Cosmos*, с. 197.

¹⁷² Мк. 3:31–35.

¹⁷³ Лк. 14:26 (ср.: Мк. 10:29–31; Лк. 9:59–62; Лк. 18:29–30); Лк. 10:27 (ср.: Мф. 22:36–40). Kee, *Christian Origins*, 77–80.

¹⁷⁴ Мф. 11:25. О том, что Иисус говорил только о евреях, см.: Мф. 15:21–28; Мф. 7:6; Мк. 7:24–30.

¹⁷⁵ Мф. 18:3 (ср.: Мк. 10:15, Мф. 10:42).

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем...

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе... Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого¹⁷⁶.

Ветхозаветный бог разбавлял свою тотальную власть – абсолютный, неразделенный, неопосредованный и произвольно капризный контроль над отдельным человеком в обмен на гарантию коллективного спасения – противоречивыми законодательными предписаниями и периодическими ссылками на договорную основу своих отношений с подданными (некоторые из которых заключали на этом основании, что живут в этическом правовом государстве). Иисус отказался от компромиссов. Он был радикальным фундаменталистом и последовательным врагом «книжников и фарисеев». «Лицемеры! – обрушился он на них за приверженность диетическим запретам. – Хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим». И, призвав народ, сказал им: «Слушайте и разумеите! Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека»¹⁷⁷.

Дело не в том, что вы ешьте, а в том, что говорите. Не в том, что вы говорите, а в том, что думаете (потому что Отец ваш «знает, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него»). Не в том, что на устах, а в том, что в сердце. Не в том, чтобы любить «любящих вас» («не то же ли делают и мытари?»), а в том, чтобы любить мытарей. Не в том, чтобы прощать тех, на кого вы гневаетесь, а в том, чтобы не иметь права гневаться. Не в том, чтобы не прелюбодействовать с женой ближнего, а в том, чтобы не возжелать ее в сердце своем. Не в отношении к закону (в толковании фарисеев и прочих претендентов на посредничество), а в отношениях между Господом и вашими мыслями, всеми без исключения. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне». Большой Отец смотрит на вас, не отрываясь. Смотрите же и вы, а притом и на саму жизнь свою. «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»¹⁷⁸.

Преждевременная смерть, не позволившая Иисусу «пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствие Божию», толковалась его последователями не как крах пророчества, а как эпизод из драмы искупительного воскресения по образцу Диониса и Осириса – с той разницей, что Иисус, в соответствии с еврейской эсхатологией, должен был вернуться всего один раз, «когда исполнятся сроки». Воскресение Иисуса было предзнаменованием всеобщего избавления¹⁷⁹.

Осиротевшие члены секты ожидали возвращения Иисуса так же нетерпеливо, как сам Иисус ожидал Царствия Божия. Второе пришествие должно было стать немедленным повторением и завершением первого. Как писал Павел в Первом послании к Коринфянам:

Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся,

¹⁷⁶ Мф. 5:21–2, 27–8, 33–37.

¹⁷⁷ Мф. 15:7–11.

¹⁷⁸ Мф. 6:8; Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 40; Мф. 10:28; Мф. 5:46, 48.

¹⁷⁹ Мк. 14:25.

как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего¹⁸⁰.

В спешке сборов Павел вынужден был заверить своих последователей, что грядущее спасение не разлучит их с умершими братьями и сестрами.

Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем¹⁸¹.

Оставалось совершать омовения, делить трапезы (каждая вечеря могла стать последней) и «трезвиться и бодрствовать», чтобы день Господень не застал их врасплох, «как тать ночью». И спешно обращать инородцев, ибо вера превыше Закона, а отказ евреев признать в Иисусе мессию означал, что Бог решил спасти своих приемных детей до того, как дети Израиля (родные Павлу «по плоти») предстанут перед Страшным судом¹⁸².

Описание конца времен, вошедшее в христианский канон, использует образы традиционной еврейской апокалиптики, но ограничивает ряды избранных последователями Иисуса. Сто сорок четыре тысячи человек, разбитые на колена Израилевы, отмечены специальными печатями, чтобы небесные мстители не искалечили их по ошибке. (Идея клеймения и деления на категории – центральная для Откровения. Прислужники Зверя «запечатлены» как таковые, и все когда-либо жившие значатся в особой книге со знаком плюс или минус. Колеблющихся и сомневающихся быть не может. «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».)¹⁸³

Вернувшись на Землю, Иисус «топчет точило вина ярости и гнева», сжигает Вавилон и пытается его жителей многими пытками. Мир погружается во мрак, реки переполняются кровью, а люди покрываются гнойными ранами и «кусает языки от страдания». (В рамках сюжета о двух лагерях и кровавом возмездии никто не кается и не молит о пощаде.) После битвы при Армагеддоне Христос и его сподвижники пасут народы железным жезлом. По истечении тысячелетнего срока дьявол восстает против диктатуры благодати, но его армию поглощает небесный огонь. Мертвых судят «по написанному в книгах», сообразно с их делами. В свидетелях и защитниках нужды нет: обреченные проваливаются в огненное озеро на вечные муки, остальные находят убежище в четырех стенах святого Иерусалима. «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло». А благая весть – та же: «Гряду скоро! Аминь»¹⁸⁴.

Но время шло, а Иисус не возвращался. Петр писал своей пастве: «Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же». А потом умер Петр, и все осталось так же. Род сменял род, а солнце не меркло, звезды не падали с небес, дети не восставали против родителей и, что самое удивительное, наглые ругатели не являлись и не насмехались над терпеливо ожидающими. Крошечная секта, сформированная в ожидании конца света и унижения гордых, выросла

¹⁸⁰ 1 Кор. 7:29–31.

¹⁸¹ 1 Фесс. 4:14–18.

¹⁸² 1 Фесс. 5:5–8; Рим. 4:16–17; Рим. 9:1–8. Ср.: Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 60–61; Kee, *Christian Origins*, с. 92; Cohn, *Cosmos*, с. 206–211.

¹⁸³ Откр. 7:1–8; 13:15–17; 3:15–16.

¹⁸⁴ Откр. 19:15; Откр. 14:9–11; Откр. 16:1–21; Откр. 20:4–5, 12; 21:1–4; Откр. 22:10, 20.

во вселенскую церковь, мирно уживающуюся с государством, семьей, частной собственностью и жрецами-посредниками. Немедленное спасение сообщества праведников на земле превратилось в потенциальное освобождение индивидуальных душ на небе. Тысячелетнее правление Христа стало метафорой института христианской церкви¹⁸⁵.

Иисус проповедовал революционное преобразование мира в результате скорейшего пришествия Господа. Его ученики проповедовали революционное преобразование мира в результате скорейшего возвращения Иисуса. Официальное христианство сложилось как ответ на несостоятельность обоих пророчеств. Большинство ругателей удовлетворились объяснением Петра: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию»¹⁸⁶.

* * *

Мухаммед был, подобно Иисусу, радикальным реформатором еврейской сакраментальной традиции. Настаивая на неограниченной и неделимой природе божественного самодержавия («Знай же, что нет божества, кроме Аллаха, и проси прощения за свой грех и за верующих мужчин и верующих женщин. Аллах знает о ваших передвижениях и вашей обители»), он не отрицал законность наследования от Авраама, признавал Моисея и Иисуса правомочными представителями Бога на земле, призывал верующих отвернуться от неверующих («не берите своими помощниками тех, кто не из вас. Они не упускают случая навредить вам и радуются вашим трудностям. Ненависть уже проявилась у них на устах, но в их сердцах кроется еще большая ненависть») и предупреждал о грядущей катастрофе и страшном наказании части человечества в Судный день. «Неужели они ожидают чего-либо, кроме Часа, который явится к ним внезапно? Ведь уже явились его приметы. Разве они смогут помянуть назидание, когда он явится к ним?» Ответом было традиционное сочетание веры и дел, действий и намерений, того, что входит в уста, и того, что выходит¹⁸⁷.

И Иисус, и Мухаммед были пророками-милленаристами (глашатаями немедленного конца света с последующим преодолением пропасти между реальным и обещанным). Наиболее существенное различие между ними заключается в том, что Мухаммед, чья земная проповедь продолжалась около двадцати двух лет и привлекла гораздо больше последователей, оказался во главе быстро растущего государства и победоносной армии. Иисус не вышел за пределы эгалитарной секты, не обремененной женщинами, детьми и частной собственностью; не стал Царем Иудейским ни по должности, ни по репутации; не пас нации ни примером, ни железным жезлом; не пережил лихорадочного ожидания Последних времен; не наблюдал, как его ученики строят самодостаточное общество; и не получил возможности разъяснить, как должно выглядеть праведное государство. Мухаммед, каковы бы ни были его первоначальные намерения, совершил все это при жизни и при свидетелях. Бог перестал быть виртуальным Большим Отцом, следящим за всеми вашими передвижениями: благодаря Мухаммеду и его ближайшим наследникам он стал имперским законодателем, способным требовать исполнения своих декретов¹⁸⁸.

¹⁸⁵ 2 Пет. 3:3–4; Rowland, *Christian Origins*, 276–296; Voegelin, *The New Science of Politics*, 176–177.

¹⁸⁶ 2 Пет. 3:8–9.

¹⁸⁷ Коран 47:19; 3:118; 47:18. См. также: 54:1; 42:17; 22:7; 45:32; 12:107; 43:66.

¹⁸⁸ Об исламской эсхатологии, см.: David Cook, «Early Islamic and Classical Sunni and Shi'ite Apocalyptic Movements», в: Weissinger, ed., *The Oxford Handbook of Millennialism*, с. 267–283; Cook, «The Beginnings of Islam as an Apocalyptic Movement», в: Stephen D. O'Leary, Glen S. McGhee, eds., *War in Heaven/Heaven on Earth: Theories of the Apocalyptic* (London: Equinox, 2005), с. 79–93; Cook, *Studies in Muslim Apocalyptic* (Princeton, NJ: The Darwin Press, 2002), особ. с. 15–6, 137–188; Said Amir Arjomand,

Священные истоки ислама детально разработаны юридически и политически и больше похожи на золотой век царя Давида, чем на евангельскую повесть о мученичестве бродячего проповедника. Описанные более подробно и достоверно, они служат готовым образцом для построения истинно исламского государства. Все человеческие общества периодически возвращаются к священным истокам: «традиционные» делают это при помощи ритуала, «осевые» воображают – каждое по-своему – полную или частичную ресакрализацию бытия. В иудаизме, христианстве и исламе, которые представляют собой сложно организованные оправдания несбывшихся апокалиптических пророчеств, попытки ресакрализации ассоциируются с обновленной надеждой на немедленное искупление. В истории еврейской диаспоры эпизоды интенсивного ожидания прихода Мессии хорошо известны, но, в отсутствие государства, подлежащего реформированию или освобождению, относительно редки. Жизнеспособность меркурианской (посреднической) специализации евреев зависела от сохранения их статуса чужаков. После краха этой специализации еврейское мессианство возродилось с прежней силой или преобразовалось в коммунизм и другие новые откровения. В мусульманской традиции реформации часты и многообразны, но политический идеал, восходящий к правлению Пророка, остается неизменным и относительно доступным. Большинство исламских государств не соответствуют завещанию Пророка и оттого не вполне легитимны; большинство реформаций представляют собой политические революции с четко сформулированными задачами; большинство политических «утопий» глубоко историчны. Империи Аббасидов и Сефевидов начинались как апокалиптические движения во имя немедленной реализации пророчества. Возможность существования неполитической политики, или безусловно справедливого земного государства смертных мужчин и женщин, – важнейший постулат ислама¹⁸⁹.

Политический иудаизм восходит к мифу избавления от рабства, и большая часть еврейской апокалиптической традиции посвящена окончательному разрушению реального и символического Вавилона. В исламе чужеземное господство не является частью исходного опыта и понятийного репертуара (за исключением тех случаев, когда нечестивый мусульманский правитель становится функциональным эквивалентом неверного). Исламским Вавилоном была Византия – империя зла, которую необходимо завоевать, а не злодей завоеватель, которого необходимо уничтожить. Когда в XX и XXI веке большинство мусульман оказались во власти неверных, новизна опыта значительно усилила интенсивность реакции. Как писал Усама бен Ладен, «умма должна объединиться перед лицом нашествия крестоносцев, самого сильного, мощного и яростного нашествия крестоносцев за всю историю исламской уммы»¹⁹⁰.

Священные истоки христианства ограничены Иисусом и его учениками (ветхозаветная традиция играет роль пролога и отложенного пророчества). В Евангелии нет руководства по управлению государством, армией и судебной системой; нет ясных указаний на то, какой должна быть человеческая жизнь вне секты. Суть в том, что ни государства, ни армии, ни судебной системы быть не должно. Вернее, в том, что не должно быть иного государства, кроме

«Messianism, Millennialism and Revolution in Early Islamic History» в: Amanat and Bernhardsson, eds., *Imagining the End*, с. 106–125; Aziz Al-Azmeh, *Islams and Modernities* (London: Verso, 1993), особ. с. 89–103.

¹⁸⁹ Al-Azmeh, *Islams and Modernities*, с. 97–98; Ovamir Anjum, *Politics, Law, and Community in Islamic Thought: The Taymiyyan Moment* (Cambridge: Cambridge UP, 2012), особ. с. 1–9, 37–92 и в других местах; A. Azfar Moin, *The Millennial Sovereign: Sacred Kingship and Sainthood in Islam* (New York: Columbia University Press, 2012), с. 1–14, 74–80, 161–166 и в других местах; S. N. Eisenstadt, *Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), с. 19–23, 33–35, 84–89; Henry Munson, Jr., *Islam and Revolution in the Middle East* (New Haven: Yale University Press, 1988), с. 7–38; S. N. Eisenstadt, *Jewish Civilization: The Jewish Historical Experience in a Comparative Perspective* (Albany: State University of New York Press, 1992), с. 35–42; Juan R. I. Cole, «Millennialism in Modern Iranian History» в: Amanat and Bernhardsson, eds., *Imagining the End*, с. 282–311; Stephen Sharot, *Messianism, Mysticism, and Magic: A Sociological Analysis of Jewish Religious Movements* (Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982); Marc Saperstein, ed., *Essential Papers on Messianic Movements and Personalities in Jewish History* (New York: NYU Press, 1992); Yuri Slezkine, *The Jewish Century* (Princeton: Princeton UP, 2004), passim.

¹⁹⁰ Bruce Lawrence, ed., *Messages to the World: The Statements of Osama bin Laden* (London: Verso, 2005), с. 121.

тысячелетнего правления Иисуса, иной армии, кроме небесного воинства Армагеддона, иного суда, кроме Страшного, и иной жизни, кроме вечной. Все христианские общества – импровизации (компромиссы, изобретения, извращения) в гораздо большей степени, чем их иудейские, мусульманские и (в особенности) конфуцианские эквиваленты. Любая серьезная попытка вернуться к истокам христианства ведет к радикальному отрицанию не сектантских (не тоталитарных) форм человеческого существования. Христианский фундаментализм несовместим с политикой, но в отличие от индуизма или буддизма он предвидит коллективное, кровавое, земное искупление. Подражание Христу предполагает сектантство или монашество (в мире, но не в миру). Вера в его пророчество предполагает ожидание неминуемого наступления Царствия Небесного.

У этого врожденного состояния есть три основных следствия. Первое – это неизбежное противоречие, уникальное среди осевых цивилизаций, между Градом Божиим и Градом Человеческим («церковь», отделимая от государства, и государство, отделимое от церкви). Второе – разнообразие и гибкость политических режимов, способных претендовать на божественную легитимность. Третье – фундаментальная нелегитимность всех этих режимов. Тот факт, что Иисус не предусмотрел существования справедливого общества до наступления Конца времен, означает, что, пока время не исполнилось, любое общество может называться справедливым. Или никакое не может. Все формально христианские государства приводят более или менее неубедительные доказательства своей истинности, и все должны иметь дело с более или менее убедительными апокалиптическими реформациями.

* * *

В Средние века такого рода реформации происходили регулярно и иногда насильственно, но церкви удавалось подавлять их в ходе борьбы с ересью, приручать в рамках монашеских орденов (легализованных сект) или направлять на более конструктивную деятельность (в том числе – особенно во время двух первых крестовых походов – на истребление евреев и мусульман)¹⁹¹.

Протестантская Реформация была массовым протестом против обрядов, символов и учреждений, претендовавших на посредничество между пророчеством Иисуса и жизнью на земле. Многие из них оказались ненужными, и всем предстояло отмереть. Как Мартин Лютер писал герцогу Саксонскому, «если бы весь мир состоял из подлинных христиан, т. е. из истинно верующих, то не было бы необходимости или пользы ни в князьях, ни в королях, ни в господах, ни в мече, ни в законе». Но подлинным христианином был в лучшем случае «один из тысячи». Поэтому, и исключительно на время переходного периода, «Господь создал две власти: духовную, которая воспитывает истинных христиан и добродетельных прихожан при помощи Святого Духа во Христе, и светскую, которая держит в узде богоотступников и злочинцев и принуждает их к миру и спокойствию, нравится им это или нет». У каждой из них свои подданные, законы и установления. «Законы светской власти распространяются на тело, товары и наружные, мирские дела. Но там, где речь идет о душе, Господь – единственный законодатель»¹⁹².

Доктрина о существовании четкого разделения между внешним и внутренним предрасположила лютеран к пиетизму и снабдила политический либерализм продуктивной и устойчивой фикцией. Отделение церкви от государства возможно только в том случае, если госу-

¹⁹¹ Norman Cohn, *The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists in the Middle Ages* (New York: Oxford University Press, 1970), с. 19–204; Frederic J. Baumgartner, *Longing for the End: A History of Millennialism in Western Civilization* (New York: St. Martin's, 1999), с. 47–76.

¹⁹² М. Лютер, *О светской власти*. Перевод автора.

дарство занимается «телом, товарами и наружными, мирскими делами», не пытаясь управлять душой – то есть если «налоги, повинности, честь, страх» и прочие государственные заботы, перечисленные Лютером, никак не связаны с добродетелью¹⁹³.

Кальвин и пуритане признавали необходимость разделения властей, но исходили из того, что «духовное правление Христа утверждает среди нас начала Царства Небесного». Мирская власть не может полностью раствориться в духовной жизни христианского сообщества, но она может и должна блюсти добродетель. Нет смысла надеяться, что члены церкви оставят свои дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену и детей, но можно проследить за тем, чтобы их семьи стали прозрачными, законопослушными, благочестивыми и общественно активными ячейками истинно христианского сообщества. Трудно рассчитывать на то, что простые смертные никогда не разгневаются на ближнего и не возжелают его жену, но можно настаивать на строгом внешнем самоконтроле (в словах, жестах и одежде) как признаке внутренней дисциплины. Не следует доверять неустойчивости духовного бдения, но можно требовать соседской и родственной бдительности посредством взаимного наблюдения и наставления. Пуританская политическая жизнь была делом публичного благочестия, публичное благочестие основывалось на многотрудном самоусовершенствовании, а многотрудное самоусовершенствование требовало активного участия в морально-политическом самоуправлении (которое включало регулярное посещение проповедей, собраний, голосований и обсуждений, а также «внимательное наблюдение, днем и ночью, каждым на своем месте, за всем происходящим вокруг»). Формальные установления закрепляли местную инициативу: следуя указаниям Кальвина, женевские власти не только запретили танцы, азартные игры, сквернословие, попрошайничество, непристойные песни, воскресные забавы и владение запрещенными книгами и папскими предметами, но и строго регламентировали посещение воскресных служб, религиозное воспитание детей и слуг, количество блюд на официальных банкетах, одежду ремесленников и членов их семей, а также ношение колец и все виды украшений и причесок, совместимых с христианской благопристойностью (серебряные пряжки и пояса разрешались; серебряные цепочки, браслеты, воротники, вышивка, кулоны и тiarы считались суетным изливством)¹⁹⁴.

Тех, кого не удавалось реформировать при помощи общественной работы и различных мер воздействия (вплоть до отлучения), передавали светским властям для телесного наказания. На вопрос, могут ли магистраты «исполнять волю божью и в то же время проливать кровь», Кальвин отвечал утвердительно. «Если мы поймем, что, налагая наказания, магистраты следуют не собственным желаниям, а воле Господа, нам нечего опасаться», – писал он. Христианам, противившимся исправлению, не было места в сообществе верующих. Как писал соратник Кальвина Гийом де Три, христианский мир «должен быть очищен от такой мрази». (Антитринитарий Мигель Сервет был сожжен в Женеве в 1553 году.) Выступая в Палате общин в 1643 году, оксфордский пуританин Френсис Чейнелл заявил: «Пришло время очищения. Все зловерные гуморы должны быть выведены из тела церкви и государства»¹⁹⁵.

Для большинства кальвинистов очищение было крайней мерой и признаком поражения. Их долгом в несовершенном мире было бороться за души неправедных, касаться сердец проникновенными речами и внедрять самоконтроль при помощи духовной дисциплины. Но были

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Calvin, «On Civil Government» [Institutio Christianae Reiligionis, Book IV, Chapter 20] в: *Luther and Calvin on Secular Authority*, с. 48–49; Michael Walzer, *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics* (Cambridge: Harvard University Press, 1965), особ. с. 2–13, 29–55, 121–5, 185–229 и в других местах; Harro Höpfl, *The Christian Polity of John Calvin* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982), с. 193–202 (цитата о внимательном наблюдении из женевского эдикта 1560 года, см. с. 200).

¹⁹⁵ Calvin, «On Civil Government», с. 60; Walzer, *The Revolution of the Saints*, с. 176 (цитата Чейнелла), 223–224; Höpfl, *The Christian Polity*, с. 188–192; Bernard Cottret, *Calvin: A Biography* (Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 2000), с. 223 (цитата Гийома де Три).

и другие реформаторы – реформаторы в первоначальном смысле «возврата к истокам», которые выступали за вселенскую чистку, ждали Второго пришествия и утверждали, опираясь на авторитетные источники, что Иисус проповедовал сектантское равенство и предсказал кровавый конец света накануне пира для голодных.

Томас Мюнцер считал, что кровавый конец света и пир для голодных – одно и то же. Христово воинство – это обездоленные германские крестьяне; слуги Антихриста – их господа и лжеучителя; битва при Армагеддоне – грядущее восстание первых против вторых. Лишь тот, кто идет за Иисусом по тропе нищеты и страданий, получит дар Святого Духа, и лишь тот, кто пострадал от нищеты, может идти за Иисусом. «Камень, вырванный из горы, огромен. Бедняки и крестьяне видят это лучше, чем вы», – писал он герцогу Саксонскому (тому же, которому писал Лютер). Спасение – награда и утешение тем, кому нечего терять.

Вход был строго ограничен. По словам Иисуса, Царствие Небесное подобно человеку, который посеял доброе семя и велел рабам сжечь плевелы и начать жатву.

Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!¹⁹⁶

Мюнцер услышал. «В пору жатвы нужно выпалывать сор из сада Господнего, – писал он. – Ангелы, точащие свои серпы для этой работы, суть праведные служители Божьи». Но большинство имевших уши не слышали. Служители Божьи – первые, потому что были последними, но их (как всех библейских пролетариев от Исхода до Апокалипсиса) нужно будить, обучать и строить. «Истинно говорю, многих из них придется как следует встряхнуть, чтобы они с должным рвением и страстью очистили христианский мир от безбожных правителей». Мюнцер был готов. «Живой Бог точит во мне свой серп, чтобы я срезал красные маки и голубые васильки»¹⁹⁷.

В мае 1525 года армия сирых и убогих последовала за ним во Франкенхаузен, где внезапное появление радуги предвестило скорое исполнение пророчества. В наступившем за этим апокалипсисе погибло около пятисот мятежников. Мюнцера нашли в подвале, заставили показаться и вскоре обезглавили. Лютер счел его исповедь «образцом дьявольского упрямства»¹⁹⁸.

Мюнцер был самым последовательным пророком народного миллениаризма со времен Иисуса и первым идеологом конца света как борьбы классов. Но Мюнцер, подобно Иисусу, не был успешным проповедником и не увидел чистого поля без красных маков и голубых васильков.

Первыми христианами, которым удалось превратить Град Человеческий в Град Божий, были анабаптисты Мюнстера. Анабаптисты («перекрестители») были бескомпромиссно радикальны, так как отрицали крещение новорожденных. Для ранних христиан крещение было обрядом посвящения в секту – актом очищения, раскаяния, принятия Христа и вступления в святое сообщество. Протестанты, которые хотели вернуться к истокам христианства и считали себя, вслед за Петром, «царственным священством» (а потому, вслед за Лютером, «в равной степени священнослужителями»), не могли смириться с крещением тех, кто неспособен понять Слово Божие. Доводы их казались безупречными, если не задумываться о послед-

¹⁹⁶ Мф. 13:24–30, 36–43.

¹⁹⁷ Cohn, *The Pursuit of the Millennium*, с. 239, 242, 237, 238.

¹⁹⁸ Cohn, *The Pursuit of the Millennium*, с. 249–250.

ствиях. Большинство протестантов задумались. Запрет на крещение новорожденных означал, что человек не может быть рожден христианином, – то есть что церковь не может быть соразмерной обществу. Спустя три века Трельч определил разницу между церковью и сектой согласно тому же принципу: церковь – это организация, к которой принадлежат с рождения. Анабаптисты хотели остаться сектой – то есть группой верующих, радикально противостоящей греховному миру, преданной обездоленным и состоящей из добровольцев, принявших истинное пророчество и объединенных общим чувством избранности, исключительности, нравственного аскетизма и социального равенства¹⁹⁹

¹⁹⁹ 1 Пет. 2:9; Martin Luther, «On the Babylonish Captivity of the Church» в: Henry Wace, ed., *First Principles of the Reformation, or the Ninety-Five Theses and Three Primary Works of Dr. Martin Luther* (London: John Murrey, 1883), с. 235; Martin Malia, *History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World* (New Haven, CT: Yale University Press, 2006), с. 81; Ernst Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches* (New York: Macmillan, 1931), т. 1, с. 331–343.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.